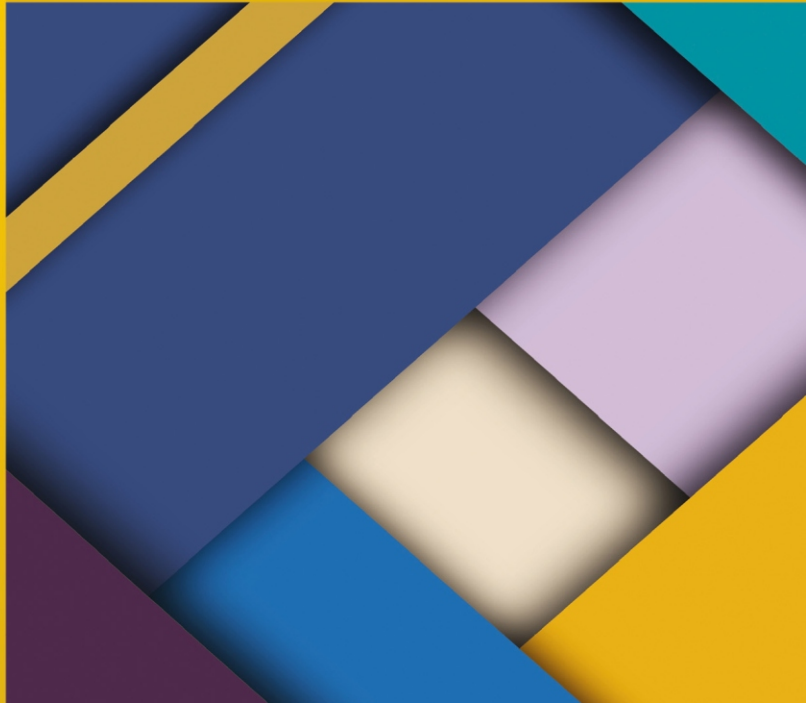

ISSN 3033-5981 (Online)

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN STUDIES

РОССИЙСКИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Volume 17, Number 3
2025

Russian Social and Humanitarian Studies

Volume 17, Number 3
2025

Российские социогуманитарные исследования

Том 17, № 3
2025

Главный редактор

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, профессор,
декан Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва
Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

Т.А. Марсумов доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический
университет», Набережные Челны, Российская Федерация

D. Dozenko Doctor of Philology, Lehrer,
Volkshochschule Marzahn-Hellersdorf, Berlin, Germany

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

**Russian Social and Humanitarian Studies /
Российские социогуманитарные исследования**

Peer-reviewed specialized academic journal
Специализированный академический рецензируемый журнал

Periodicity. 4 issues per year / Периодичность. 4 номера в год

Vol. 17, No 3, 2025 / Том 17, № 3, 2025

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(регистрационный номер от 20.05.2025
серии ЭЛ № ФС 77-89427)

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
EL № FS 77-89427,
issued May 20, 2025.

Russian Social and Humanitarian Studies is
included in the List of leading peer-reviewed
scientific journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RISC
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Грищенко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права, Сумский государственный университет (Сумы, Украина)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Маруенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Ермековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серв Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рощественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионovedения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotvtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Sergey I. Degtyarev – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Theory and History of State and Law, Sumy State University (Sumy, Ukraine)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkín – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

**ЧЕЛОВЕК,
ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

**INDIVIDUAL, SOCIETY, AND STATE
IN PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE**

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-524 EDN: MVDVIE
УДК 7.011:008

Научная статья | Социальная и политическая философия

**ДОМАШНИЕ ПИТОМЦЫ
КАК ИСТОЧНИК ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ:
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИВОГО
ПРИСУТСТВИЯ**

Д.А. Строганов, К.И. Валяева

Аннотация

Обоснование. Домашние питомцы сегодня не просто форма досуга или элемент быта, а важные помощники в духовной жизни человека и исполнители философского смысла. Высокие темпы жизни, цифровизация коммуникации и постепенное исчезновение традиционных форм общения приводят к углублённому ощущению одиночества и внутренней разделенности. На этом фоне возникает противоречие: в то время, когда человек всё больше окружён технологиями, он всё чаще ищет утешения в молчаливом и живом – в животных.

Цель исследования – рассмотреть философское значение взаимодействия с животными как форму эмоциональной поддержки и телесной эмпатии, источник живого присутствия. Питомцы своим присутствием оказывают эмоциональную поддержку, также ощущение принятия и заботы. Обсуждается, как через прикосновения к животным человек восстанавливает связь с природой, другими людьми и своим телом.

Методы исследования. В работе используются методы анализа источников литературы, описания и обобщения, а также феноменологические принципы очевидности и интенциональности.

Результаты. В ходе исследования выяснилось, что животные играют ключевую роль в эмоциональной жизни человека, являясь посредниками между культурой и природой, а также оказывают помощь для восстановления утраченной связи с окружающим миром и с собой. Доказано, что животное является не объектом, а феноменом соприутствия, который, в свою очередь, помогает человеку в восстановительном процессе онтологической ценности, утраченной в условиях технологизации.

Ключевые слова: эмоциональная поддержка; живое присутствие; домашние питомцы; общение; анималотерапия; поддержка

Для цитирования. Строганов, Д. А., & Валяева, К. И. (2025). Домашние питомцы как источник эмоциональной поддержки: философское осмысление живого присутствия. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 10–21. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-524>

Original article | Social and Political Philosophy

PETS AS A SOURCE OF EMOTIONAL SUPPORT: PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE LIVING PRESENCE

D.A. Stroganov, K.I. Valyaeva

Abstract

Background. Today, pets are not just a form of leisure or an element of everyday life, but important assistants in a person's spiritual life and performers of philosophical meaning. The fast pace of life, the digitization of communication, and the gradual disappearance of traditional forms of communication lead to a deep sense of loneliness and inner division. Against this backdrop, a contradiction arises: at a time when people are increasingly

surrounded by technology, they are increasingly seeking solace in the silent and living – in animals.

The **purpose** of the study is to examine the philosophical significance of interaction with animals as a form of emotional support and physical empathy, a source of living presence. Pets provide emotional support through their presence, as well as a sense of acceptance and care. The study discusses how, through contact with animals, people restore their connection with nature, other people, and their own bodies.

Research methods. The study uses methods of analysis of literature sources, description and generalization, as well as phenomenological principles of obviousness and intentionality.

Results. The study found that animals play a key role in human emotional life, acting as mediators between culture and nature, and helping to restore lost connections with the surrounding world and with oneself. It has been proven that an animal is not an object, but a phenomenon of co-presence, which, in turn, helps humans in the process of restoring the ontological value lost in the context of technologization.

Keywords: emotional support; live presence; pets; communication; animal therapy; support

For citation. Stroganov, D. A., & Valyaeva, K. I. (2025). Pets as a source of emotional support: Philosophical understanding of the living presence. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 10–21. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-524>

Введение

Современное общество находится в состоянии кризиса контакта – как с другими людьми, так и с самим собой. Высокие темпы жизни, цифровизация коммуникации и постепенное исчезновение традиционных форм общения приводят к углублённому ощущению одиночества и внутренней разделённости, что М. Хайдеггер связывал с «забытием бытия» - потерей настоящего существования в мире других [13]. На этом фоне возникает противоречие: в то время, когда человек всё больше окружён технологиями, он всё чаще ищет утешения в молчаливом и живом – в животных [10]. Домашние пи-

томцы сегодня не просто форма досуга или элемент быта, а важные помощники в духовной жизни человека и исполнители философского смысла. Исследователи даже заявляют об анималистическом повороте в философии [9], остро встает вопрос о мышлении [15] и сознании животных [12], их правах [14], их статусе в обществе [7].

В ситуации интенсивных перемен и развития социальной дистанции, животные возвращают человеку навыки живого общения и контакта. Молчаливое присутствие «хвостатых» и «пернатых» обращает внимание на важность простого бытия и отзывчивой близости, которые теряются в мире информационных перегрузок и замкнутых форм общения. Питомцы служат не просто отражением человеческой уязвимости, потребности в близости и эмпатии. Рядом с ними человек может почувствовать эмоциональное облегчение, ощутить ритм жизни и почувствовать, что он не одинок.

Таким образом, исследование направлено на выявление глубинных основ связи между животным как посредником, человеком, природой и внутренним миром личности, а также на философское переосмысление значения животных в системе потребностей современного общества.

Цель исследования – рассмотреть философское значение взаимодействия с животными как форму эмоциональной поддержки и телесной эмпатии, источник живого присутствия.

Методы исследования

В работе используются методы анализа источников литературы, экзистенциального анализа, описания и обобщения, а также феноменологические принципы очевидности и интенциональности.

Результаты и обсуждение

Человеческое общение часто опосредованно – оно зависит от культурных норм, морали и этики. В них всегда найдётся место разочарованию, критике, предательству и лжи. В отличие от этого, животное не требует никаких объяснений. Его привязанность к человеку – не здравый смысл, а скорее инстинктивная телесная предан-

ность. Данная форма связи тонкий и очень важный опыт принятия без условий, в котором исчезает необходимость ролевого поведения, конфликтующего с основополагающей подлинностью субъекта. В контакте с животными человек имеет очень значимую возможность быть самим собой – со своими минусами и несовершенствами.

Со стороны философии это можно рассматривать, как некую форму доязыковой любви – той, которой нет необходимости в словах, чтобы тебя понимали. Питомец всегда принимает человека таким, какой он в определённый момент жизни: раздражённым, грустным, счастливым, уставшим. Привязанность питомца – как абсолютное доверие, как первичный опыт принятия, который люди ищут с рождения. В этом фрагменте животное формирует уникальную связь к дорациональному опыту доверия, той важной доверительной связи, которую человек утрачивает в процессе взросления и социализации, но к которой он всегда стремится вернуться на уровне внутренней потребности. Данный опыт является доязыковой формой коммуникации, в которой происходит осуществление восстановительного процесса базового уровня бытийной открытости (М.Хайдеггер) [13].

Хоть животные и не говорят, но они «слышат». Не только ушами, а всем телом, всем вниманием. Молчание питомца – не просто пустота, а особая форма присутствия. Отсюда рождается «молчаливый диалог», в ходе которого возникает уникальный контакт, и хотя в нём не имеется слов, но зато имеются насыщенные значения. Конкретный диалог строится на эмпатическом восприятии, в котором животное намного тоньше и точнее улавливает эмоциональное состояние человека. Именно в таком восприятии и безусловной молчаливой поддержки, раскрывается исцеляющая сила общения с питомцем. Такой молчаливый контакт можно интерпретировать в духе Мерло-Понти как открытое «обитание тела» в феномене чуткости.

С феноменологической точки зрения, животное – это «иной», встреча с которым позволяет человеку выйти за пределы собственной замкнутости и почувствовать желанный эмоциональный отклик. Это не просто терапия, а глубинная философская связь:

доверие абсолютно без слов, как основание внутреннего мира. Вследствие этого, животное открывает человеку бескрайний опыт настоящего присутствия другого – не как объекта для красоты, а как равного участника бытия, с которым бесспорно возможно существование в согласии, взаимном принятии и бескорыстной любви.

Философ Мерло-Понти говорил о теле как о «первой форме нашего существования» подчёркивая, что через телесный контакт человек ощущает мир [6]. Современное общество настолько стремится к дистанции и рационализации, что постепенно вытесняет телесное из повседневной жизни. Мы часто живём «в голове», забывая о теле как способе переживания мира. Взаимодействие с питомцем напоминает человеку о том, что ощущение жизни проходит не только через мысли, но преимущественно через тело: через осязание, тепло и движение. Эти на первый взгляд простые физические ощущения возобновляют целостность мировосприятия, нарушенную постоянным интеллектуальным перенапряжением [8]. Таким образом, любое взаимодействие с питомцем не просто физиологично, но и несёт черты существенного возвращения к себе как телесному субъекту в мире.

Через контакт с животными – особенно тактильный: объятие собаки, поглаживание кошки или прикосновение к шерсти хомяка – человек ощущает свою причастность к чему-то тёплому, вне системы контроля. Это помогает вернуться к себе, настоящему моменту и ощущению, что ты жив. Такие прикосновения снижают уровень раздражённости и тревоги, а значит и гормон кортизол, а также активируют гормон радости – окситоцин, способствуют формированию ощущения покоя и умиротворения – не только физиологически, но и философски. Из чего следует прикосновение к животному можно рассматривать как способ «заземления» - где человек выходит из мира интеллектуального перегруза и вступает в настоящий контакт с собой, который так важен для гармоничного существования [8]. Такой контакт – живой и эмпатический – имеет философское значение: оно говорит о важности возвращения к себе как к телу, как к живому существу, которому важно ощущение тепла, заботы и признания.

Уход за питомцем – это не просто обязанность. Это стабильно повторяющаяся практика, обладающая символической и экзистенциальной значимостью, в которой раскрывается глубинная структура этики человеческого существования. Забота, в этом контексте выступает онтологическим актом утверждения ценности жизни другого (Н. Ноддингс). Человек становится ответственным за другого – слабого, нуждающегося в защите и заботе. Это формирует ритм жизни и помогает справиться с хаосом. Через заботу человек может научиться видеть ценность другого независимо от выгоды, что формирует осознанную личность [4]. Забота является связующим элементом между человеком и окружающим миром, возвращая смысл в повседневную жизнь [3].

Философия заботы (особенно в трудах Карол Гиллиган и Нел Ноддингс) утверждает: забота – это не вторичная функция, а основа человеческой этики [4]. Заботясь и уделяя внимание животному, человек выходит за границы эгоизма и в процессе внимания к другому начинает восстанавливать внутри себя связь с миром и самим собой. Тем более, регулярный уход за питомцем – прогулки, игры, кормление – создаёт вовлечённость в жизнь, выступая профилактикой депрессивных состояний. Человек, ощущая ответственность за другое живое существо, не даёт себе полностью уйти в себя и погрузиться в полную апатию, тем самым помогая себе сохранить внутреннюю устойчивость.

В современной терапии всё чаще применяются животные: канистерапия (работа с собаками), иппотерапия (работа с лошадьми) и фелинотерапия (работа с кошками). Данные формы лечения основаны на глубоком эмоциональном контакте, который помогает открыть в человеке доступ к внутренним ресурсам личности, а не ограничиваясь физиологическими воздействиями. Животные становятся теми, кто способен восстановить в человеке утраченную способность к доверию и искреннему переживанию. Их любое участие в терапевтических практиках позволяет создать безопасное пространство принятия и поддержки, которое крайне важно для процесса внутреннего исцеления [2; 11].

С философской точки зрения, это явление говорит о недостатке под-

линной связи в человеческих отношениях. Животные участвуют в терапии не из-за терапевтической функции в медицине, а благодаря факту экзистенциального присутствия - без фактов, обязательств, условий. Существование животного рядом с человеком приводит к опыту безусловного признания и поддерживает стремление человека к жизнерадостному существованию в мире, полном обязательств и серости [11].

Животное – это часть природы, интегрированная в общество. Оно всегда живёт рядом с человеком, но никогда не утрачивает своей первичной сути. В этом – его сила: животное становится символом утраченной связи с телесностью, природой, ритмами жизни, в которых мы когда-то жили. С помощью животного человек может прикоснуться к таким моментам своей природы, которые исчезли в ходе цивилизации и развития. Питомцы помогают напомнить о важности естественного ритма жизни, интуиции и уважения к всему живому [13]. Если уже современный человек стремится к самопознанию как первоочередной цели, то животное как никто способно ему помочь в этом [5]. Сегодня они превратились в посредников между технологическим и природным миром, помогая людям восстановить чувство единения с окружающим миром, которое каждый день подвергается технологической угрозе.

Выводы

Философское значение влияния питомцев на своих хозяев в условиях современной культуры все еще остается недостаточно исследованным. Психотерапия, зоотерапия, социальная работа и т.д. – области возможного практического применения этого ресурса. Однако само понимание животного как ресурса для человека сегодня стремительно устаревает, о чем свидетельствуют многие работы последних лет. Человечеству требуется новая этика [9] и антропология [15].

Уход за ним и даже просто контакт становится серьезным фактором поддержания баланса индивидуального существования. Преодолевая таким образом одиночество, современный человек сохраняет связь с обществом и миром в целом. Проанализированные нами идеи М.Хайдеггера, Н.Ноддинга, М.Мерло-Понти ведут к выводу

о том, что животное перестает быть объектом для человека, а превращается в субъекта, феномен соприсутствия, направленной на восстановление онтологической его, человека, ценности.

Список литературы

1. Гиренок, Ф. И. (2019). Философские истоки нечеловеческой антропологии. *Вопросы философии и психологии*, 6(1), с. 8–13.
2. Иванова, И. Г. (2019). Проблемы эмпатии в современном мире. *Вестник психологии*, 4, с. 77–85. Получено с: <https://psy.su/feed/10996/> (дата обращения: 29.04.2025)
3. Ильин, Е. П. (2004). *Психология любви и ненависти*. Санкт-Петербург: Питер, с. 111–134. Получено с: <https://www.klex.ru/lbb> (дата обращения: 29.04.2025)
4. Леви-Стросс, К. (2010). Мысль и природа. *Вопросы философии*, 8, с. 68–79. Получено с: https://vphil.ru/index.php?id=191&option=com_content&task=view (дата обращения: 29.04.2025)
5. Лысенко, В. Г. (2023). Познание сознания животных как способ самопознания человека. *Вопросы философии*, 12, с. 137–154.
6. Мерло-Понти, М. (1994). *Структура поведения*. Москва: Издательство Московского университета, с. 25–45. Получено с: <https://staff.tiiame.uz/storage/users/425/books/JUy3qFisXLZO19gWfpZ6KtZEoNmV4FkdMfLGL6H.pdf> (дата обращения: 29.04.2025)
7. Мустафазаде, Р. Ш. О. (2022). Трансформация представлений о статусе животных в философии права. В *Философия права. Очерки: монография* (Е. А. Фролова, ред.). Москва, с. 231–248.
8. Ноддингс, Н. (2015). Этика заботы: феминистская альтернатива классической этике. *Этическая мысль*, 1, с. 12–25. Получено с: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em1/12.pdf> (дата обращения: 29.04.2025)
9. Попова, О. В. (2023). Анималистический поворот в философии и биоэтике и кантианская линия в защите прав животных. *Философский журнал*, 16(2), с. 78–95.
10. Ржавитина, А. А. (2022). Образ животного в культуре: динамика представлений в истории философско-гуманитарного познания. *Челябинский гуманитарий*, 2(59), с. 48–55.

11. Сапарова, С. К. (2018). Эмпатия и мораль в теории и практике социальной работы. *Социальная работа: теория и практика*, 2, с. 33–42.
12. Сычев, И. А., & Некрасов, С. Н. (2022). Думают ли животные: история постановки вопроса и результаты дискуссий. В *Социально-гуманитарные науки: современные проблемы: сборник статей*. Екатеринбург, с. 357–362.
13. Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время*. Москва: РГГУ, с. 56–72. Получено с: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (дата обращения: 29.04.2025)
14. Ходыкин, А. В. (2021). Развитие современной философии прав животных: анализ зарубежных исследований. В *Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации: сборник материалов I международной научной онлайн-конференции*. Екатеринбург, с. 342–346.
15. Чепелева, Н. Ю. (2025). Проблема мышления животных: взгляд Иммануила Канта. *Философские науки*, 68(2), с. 67–87.

References

1. Girenok, F. I. (2019). Philosophical origins of non-human anthropology. *Questions of Philosophy and Psychology*, 6(1), 8–13.
2. Ivanova, I. G. (2019). Problems of empathy in the modern world. *Bulletin of Psychology*, 4, 77–85. Retrieved April 29, 2025, from <https://psy.su/feed/10996/>
3. Ilyin, E. P. (2004). *Psychology of love and hatred*. Saint Petersburg: Piter, pp. 111–134. Retrieved April 29, 2025, from <https://www.klex.ru/lbb>
4. Lévi-Strauss, C. (2010). Thought and nature. *Questions of Philosophy*, 8, 68–79. Retrieved April 29, 2025, from https://vphil.ru/index.php?id=191&option=com_content&task=view
5. Lysenko, V. G. (2023). Knowing animal consciousness as a way of human self-knowledge. *Questions of Philosophy*, 12, 137–154.
6. Merleau-Ponty, M. (1994). *The structure of behavior*. Moscow: Moscow University Press, pp. 25–45. Retrieved April 29, 2025, from <https://staff.tiame.uz/storage/users/425/books/JUy3qFisXLZO19gWfpZ6KtZEoNmV4FkdMfLGL6H.pdf>

7. Mustafazade, R. Sh. O. (2022). Transformation of ideas about the status of animals in philosophy of law. In E. A. Frolova (Ed.), *Philosophy of law. Essays: Monograph* (pp. 231–248). Moscow.
8. Noddings, N. (2015). The ethics of care: A feminist alternative to classical ethics. *Ethical Thought, 1*, 12–25. Retrieved April 29, 2025, from <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em1/12.pdf>
9. Popova, O. V. (2023). The animal turn in philosophy and bioethics and the Kantian line in defending animal rights. *Philosophical Journal, 16*(2), 78–95.
10. Rzhavitina, A. A. (2022). The image of the animal in culture: Dynamics of ideas in the history of philosophical and humanistic cognition. *Chelyabinsk Humanitarian, 2*(59), 48–55.
11. Saparova, S. K. (2018). Empathy and morality in the theory and practice of social work. *Social Work: Theory and Practice, 2*, 33–42.
12. Sychev, I. A., & Nekrasov, S. N. (2022). Do animals think? The history of posing the question and results of discussions. In *Social and Humanitarian Sciences: Modern Problems: Collection of Articles* (pp. 357–362). Yekaterinburg.
13. Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Moscow: Russian State University for the Humanities, pp. 56–72. Retrieved April 29, 2025, from https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf
14. Khodykin, A. V. (2021). Development of contemporary philosophy of animal rights: Analysis of foreign studies. In *Ontological and Sociocultural Foundations of an Alternative Globalization Project: Proceedings of the 1st International Online Scientific Conference* (pp. 342–346). Yekaterinburg.
15. Chepeleva, N. Yu. (2025). The problem of animal thinking: Immanuel Kant's perspective. *Philosophical Sciences, 68*(2), 67–87.

ДАнные об авторах

Строганов Дмитрий Александрович, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права; старший преподаватель кафедры иностранных языков *Мининский университет; Приволжский исследовательский медицинский университет*

ул. Ульянова, 1, г. Н. Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Минина и Пожарского, 10/1, г. Нижний Новгород, Российская Федерация
stroganoff.dmitry2012@yandex.ru

Валяева Ксения Игоревна, студент

Мининский университет

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация

valyaevaksenia@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dmitry A. Stroganov, Senior Lecturer, Department of General history, Classical Disciplines and Law; Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Privolzhsky Research Medical University

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;

10/1, Minin and Pozharsky Sq., Nizhny Novgorod, Russian Federation

stroganoff.dmitry2012@yandex.ru

Kseniya I. Valyaeva, student

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

valyaevaksenia@gmail.com

Поступила 12.06.2025

После рецензирования 01.08.2025

Принята 18.08.2025

Received 12.06.2025

Revised 01.08.2025

Accepted 18.08.2025

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-523 EDN: PBJVDK

УДК 171.1

Научная статья | Философия религии и религиоведение

КАТЕГОРИЯ ПРЕКРАСНОГО В ЭСТЕТИКЕ ФИЛОСОФОВ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Т.Г. Йованович

Аннотация

Обоснование. Исследование посвящено анализу индивидуального восприятия созерцаемых предметов. Рассмотрены произведения философов эпохи Просвещения с точки зрения изучения познания отражения образа, его внутренней и внешней определенности по составным признакам красоты и прагматичности применения. Автор определил, что «прекрасное» в совершенном образе представляет единство субъективного и объективного восприятия.

Цель исследования состоит в определении и соотнесении субъективного и объективного восприятия образа в эстетике философов эпохи Просвещения.

Материалы и методы. Методы исследования: сопоставительный анализ, метод синтеза и обобщения, а также метод историко-логического анализа подходов к исследованию концепций философов Просвещения и метод библиографического анализа при подборе научной литературы по теме исследования. Материалом для исследования стали концепции Г. Гегеля, И. Канта, Д. Дидро.

Результаты. Период эпохи Просвещения характеризуется заменой религиозного восприятия божественной стороны сотворения мира и человека, переходом к рациональному и разумному критерию познания общественного и мирового устройства.

Идеи индивида стали отождествляться с понятием разума, а идеал существования наполняли идеями о внешнем и внутреннем совершенстве. В работе проанализировано понятие «красота», отмечено, что философы отождествляли это понятие не со свободной красотой,

возникающей в образах созерцателя, а наполняли его внутренней целесообразностью, возможностью прагматического применения.

В статье рассматривается «прекрасное» в его субъективном восприятии окружающего мира, отмечено, что оно не существует отдельно от разума индивида и его интереса к предмету, отмечено, что именно человек способен ощущать внутреннюю значимость предмета.

Сделан вывод, что философы Просвещения имели рациональную концептуальную основу созерцания объекта, субъективно считая его красивым, выделяя его среди предметов своего восприятия, наделяя его целесообразностью и положительными качествами.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты могут быть использованы специалистами в области эстетики, а также при работе над созданием объекта или образа, консолидирующего внутреннее и внешнее совершенство, а также при разработке аналитических и прогностических решений в сфере изучения авторитета личности человека и устойчивого развития самосознания.

Ключевые слова: совершенный образ; эстетическое воздействие; мировосприятие; авторитет человеческой личности; разум; вера в собственные силы; самосознание

Для цитирования. Йованович, Т. Г. (2025). Категория прекрасного в эстетике философов эпохи Просвещения. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 22–37. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-523>

Original article | Philosophy of Religion and Religious Studies

CATEGORY OF BEAUTY IN ENLIGHTENMENT PHILOSOPHERS' AESTHETICS

T.G. Yovanovich

Abstract

Background. The study is devoted to the analysis of individual perception of contemplated objects. The works of Enlightenment philosophers are

examined from the perspective of studying the cognition of image reflection, its internal and external definiteness in terms of the constituent features of beauty and pragmatic application. The author has determined that “beauty” in a perfect image represents the unity of subjective and objective perception.

The **purpose** of the study is to identify and correlate subjective and objective perception of the image in the aesthetics of Enlightenment philosophers.

Materials and methods. Research methods: comparative analysis, synthesis and generalization, historical and logical analysis of approaches to studying the concepts of Enlightenment philosophers, and bibliographic analysis in selecting scientific literature on the research topic. The concepts of G. Hegel, I. Kant, and D. Diderot served as the material for the research.

Results. The Enlightenment period is characterized by the replacement of religious perception of the divine side of the creation of the world and man with a transition to rational and reasonable criteria for understanding the social and world order.

The ideas of the individual began to be identified with the concept of reason, and the ideal of existence was filled with ideas of external and internal perfection. The work analyzes the concept of “beauty” and notes that philosophers identified this concept not with the free beauty that arises in the images of the contemplator, but filled it with internal expediency, the possibility of pragmatic application.

The article examines “beauty” in its subjective perception of the surrounding world, noting that it does not exist separately from the mind of the individual and his interest in the object, noting that it is man who is capable of feeling the internal significance of the object.

It is concluded that Enlightenment philosophers had a rational conceptual basis for contemplating an object, subjectively considering it beautiful, singling it out among the objects of their perception, endowing it with expediency and positive qualities.

The **practical significance** of the work is due to the fact that the results can be used by specialists in the field of aesthetics, as well as when working on the creation of an object or image that consolidates internal and external

perfection, and when developing analytical and prognostic solutions in the field of studying the authority of the human personality and the sustainable development of self-awareness.

Keywords: perfect image; aesthetic impact; world perception; authority of the human personality; mind; belief in one's own strengths; self-awareness

For citation. Yovanovich, T. G. (2025). Category of Beauty in Enlightenment Philosophers' Aesthetics. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 22–37. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-523>

Введение

К началу XVIII века во многих европейских странах началась эпоха Просвещения, важный этап в развитии философской мысли и науки, который оказал значительное влияние на становление и формирование мировоззрения и культуры Нового времени.

Как отмечает исследователь Е.А. Косминский: «Основным моментом идеологии Просвещения является вера в разум, стремление основываться на разуме, как верховном авторитете». Он считал, что «человек по своей природе активен и призван преобразовывать мир в соответствии с разумом». В эпоху Просвещения происходит отвержение Бога, как божественного творца мироздания, а его место занимает авторитет человеческой личности, рациональное восприятие, разум, вера в собственные силы и самосознание [7].

Просветители руководствуются верой в технический и научный прогресс, целью которого является провозглашение рационализма и общественного равенства. В данный период появляются множество новых имен, среди них И. Кант, Г. Гегель, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шеллинг, Ф. Ницше, в Германии возникает этическая школа Г. Лессинга и Г. Гердера, английская классическая школа Ф. Гетчесона и Э. Шефтсбери.

Цель исследования состоит в определении и соотнесении субъективного и объективного восприятия образа в эстетике философов эпохи Просвещения. В соответствии с целью были определены следующие задачи: изучить эстетические концепции прекрасного в философских трактатах И. Канта, Г. Гегеля, Д. Дидро, проанализировать

эстетические концепции познания и мировосприятия индивида, определить значение свободной и сопутствующей красоты в единстве субъективного-объективного восприятия прекрасного, рассмотреть этическую категорию совершенного образа в теории прекрасного.

Новизна исследования определена особым контекстом рассматриваемых эстетических концепций философов эпохи Просвещения И. Канта, Г. Гегеля, Д. Дидро, в которых изучены, обобщены нравственные, культурные идеи эпохи с точки зрения единства внешнего и внутреннего восприятия прекрасного. Объектом исследования стало понятие «совершенного образа» в эстетических концепциях философов Просвещения.

Материалы и методы

Методом исследования является сопоставительный анализ, позволивший обобщить концептуальные основы эстетических и нравственных парадигм, метод синтеза и обобщения для систематизации концептуальных положений и определения понятия природы прекрасного в объективном и субъективном восприятии, а также метод историко-логического анализа подходов к исследованию концепций философов Просвещения и метод библиографического анализа при подборе научной литературы по теме исследования.

Материалом для исследования стали концепции Г. Гегеля, И. Канта, Д. Дидро, отражающие основные аспекты эстетической теории прекрасного. Д. Дидро относит объект к категории «прекрасное» по признакам чистоты, гармонии и порядка, а также возможности его прагматического использования. И. Кант особое внимание уделяет субъективному и объективному восприятию образа. Г. Гегель рассматривал признак прекрасного в образах живой природы и различных видах искусства.

Результаты

В период Просвещения наиболее прогрессивные взгляды в естественных науках, этике, искусстве принадлежат философской школе Дени Дидро (1713-1785). Концепция эстетической и нрав-

ственной парадигмы Д. Дидро отразилась в его работах по материалистическому монизму. Его теории предшествовали идеи картезианства, опирающиеся на идеи рационализма, достоверности идей и сознания «я мыслю, значит, существую» [1].

Основываясь на материалистическом видении мира, он провозгласил рационалистический подход в искусстве. Эстетическая система Д. Дидро объединяет и обобщает нравственные, культурные, социально-политические идеи эпохи двух столетий в странах Европы. Его идеи поддержали и использовали в своих трудах его многочисленные сторонники во многих странах мира. Первый эстетический трактат Д. Дидро посвящается «Философским исследованиям о происхождении и природе прекрасного». Этот материал был впервые напечатан в виде статьи «О прекрасном» (Beau) в «Энциклопедии» (1751-1780).

В своем произведении философ подвергает критике суждения Жан-Пьера Круза, шведского философа, который использовал для определения прекрасного слишком большое количество признаков.

Ж.-П. Круза, теоретик искусства, соотносит прекрасное с приятными чувствами и удовольствием, которое оно вызывает у индивида. Философ устанавливает пять характерных признаков прекрасного: разнообразие, стабильность, правильность, порядок и пропорция [16].

Также Д. Дидро скептически настроен против идеалистической теории Фрэнсиса Гетчесона (1694-1747) шотландского философа, сторонника деизма. Он считал, что чувство прекрасного заложено в нас и определял его как «шестое или внутреннее чувство» (*sens interne*). Мы наделены этим чувством и ощущаем красоту интуитивно под действием внешних чувств зрения и слуха. Красота представляется как симметрия, пропорция и гармония, которые воплощаются в представленных предметах и явлениях, а ощущается как проявление определенных чувств.

В этике Ф. Гетчесона понятие прекрасного соотносится с качественным признаком «добрый», философ считал, что не следует обозначать предмет или явление «прекрасным» без нравственного

признака добродетели. Идейная основа нравственной эстетики такова, что «прекрасное есть символ нравственно доброго», что является одним из качественных признаков человека [22].

Преодоление различий между данными положительными качествами способствует развитию эстетики моральной философии, в основе которой решаются моральное восприятие поступков, чувств и ощущений [3]. Идейная основа нравственной эстетики такова, что «прекрасное есть символ нравственно доброго», что является одним из качественных признаков личности человека.

Д. Дидро решает сделать это понятие общим, наделив этим признаком практически все явления и предметы. Он вкладывает в понятие прекрасного идею о совершенстве, рассматривая это качество, как общий признак, присущий множеству предметов. Исходя из этого, Д. Дидро придает особое значение понятию красота. Для определения этого признака он выдвигает гипотезу об отношениях, разделяя их на реальные, воспринятые, интеллектуальные [14]. Под отношениями вообще он понимает действия нашего разума, который анализирует предмет или явление и их качество, соотнося их с сущностью других предметов и явлений. Поэтому утверждение о реальных «отношениях» или признаках постигается с помощью предположений о существовании других качеств предмета или явления либо в самой материи, либо вне ее. Предмет становится прекрасным благодаря реальным признакам, которые мы в нем осознаем благодаря нашим органам чувств [17].

Рассматривая понятие «прекрасное», Д. Дидро сходится во мнении с философами античности, которые соотносили с данным понятием прагматичное использование предмета, при этом он стремится отдалить признак величественности, который, по его мнению, сопутствует этому понятию ввиду частого отождествления именно с ним. Как отмечал Д. Дидро, если делать обзор предметов, подходящих под понятие «прекрасное», то можно заметить, что их возможно отождествить с идеальным образом из-за наличия всех признаков, присущих прекрасному предмету или явлению. Возможное отсутствие хотя бы одного признака влечет за собой смену парадигм

отношений от более высокой степени качества к более низкой. Он считает, что, убрав от качества «прекрасное» даже один признак, предмет начинает относиться к другому разряду предметов, охватив понятие «красивый» [18].

Д. Дидро определяет прекрасное по признакам гармонии, соразмерности, порядка. Пока эти признаки находятся в определенных соотношениях пропорции, предмет или явление будет наполнено внутренним содержанием красоты. Философ считал, что «восприятие отношений есть основа прекрасного». В своем философском произведении «Философские изыскания относительно происхождения и природы прекрасного» (1763) он считал, что прекрасное находится вне смотрящего, но это признаки, от которых идея соотношений признаков появляется, становится ясной, пробуждающих идею о красоте предмета, таким образом, становится частью сознания человека [10].

Изучая данный принцип, Д. Дидро добивался открытия всеобщего принципа прекрасного, в который были бы включены универсальные положения для проникновения в сущность соотношения для выявления требуемого признака. Однако, по мнению исследователей творчества Д. Дидро, в его работах дан довольно абстрактный подход к соотношению признаков [10; 11]. Соотношение же не является абстрактной идеей, связанной только с нашим осознанием действительности и соотношения признаков предмета или явления. Каждый образ или предмет содержит в себе реальные действительные соотношения, находящиеся в материальном мире.

Итак, возникновение идеи и устойчивые понятия признаков в образах человека о прекрасном имеют внешнюю основу, которую человек получает из чувственных восприятий внешнего мира природы и искусства. Частично принимая идею понимания прекрасного, как объективной составляющей восприятия внешнего мира, Д. Дидро соотносит «прекрасное» с отражением субъективного образа, связанно с познанием действительности через индивидуальное восприятие.

Д. Дидро устанавливает основной принцип прекрасного, который бы раскрывал подлинную, а также образную и идейную сущ-

ность наполненности красотой. Он считал, что благодаря принципу «соотношения» вещи и явления становятся прекрасными в разных оттенках своего проявления. Философ отмечал: «Я называю прекрасным вне меня все то, что содержит в себе что-то способное возбудить в моем сознании идею соотношения; и прекрасным в отношении меня все, что возбуждает эту идею» [21].

Иммануил Кант (1724-1804) один из крупнейших философов-идеалистов эпохи Просвещения, выдающийся немецкий мыслитель XVIII века, чьи работы оказали огромное влияние на развитие эстетической мысли в мировой философии. В его выдающихся работах «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790) рассмотрены темы, значение которых определенным образом послужило раскрытию понимания многих основополагающих вопросов гносеологии, эпистемологии, этики и эстетики [19].

В работах И. Канта уделяется большое внимание субъективному и объективному восприятию образа, познанию прекрасного и его отличительных особенностей в ряду тождественных понятий. Он определяет прекрасное свободным от практического интереса личности, составляя его внутреннее отношение и выдвигая на первый план внутреннюю наполненность предмета и его гармоничное взаимодействие в окружающем его мире [11].

Прекрасное у И. Канта носит всеобщий характер, таким образом, определяющее качество представляет собой неоспоримое и значимое для каждого, кто соприкасается прямо или опосредовано с предметом рассмотрения. Значение для каждого определяется той внутренней наполненностью предмета и его положительным эстетическим воздействием на реципиента, которое является несомненным и имеет продолжительный и стойкий образ [5].

И. Кант рассматривал красоту, как некую ступень прекрасного. В своей работе «Аналитики эстетической способности суждения» он вводит понятие «привходящая красота» и «свободная красота» [6].

Являясь одним из многочисленных предметов в своем виде, прекрасный предмет отличается целесообразностью формы, при этом,

неся в себе признаки прагматического применения. В связи с этим, И. Кант вводит понятие «идеальная красота» для предметов возвышенной направленности [8]. Идея идеального наполнения рассматривается философом только применительно к человеку. Именно человек самостоятельно способен руководствоваться разумными идеями при выборе способа действия в результате возникновения определенных ситуаций, требующих практической реализации [9], проявляя в своих поступках смелость, стойкость и мужество.

Предмет, который обладает внутренней идеей, имеет определенное практическое применение, становится необходимым в силу своего предназначения. Как и остальные предметы этого вида отличаются прагматической целью для выполнения определенных задач [13].

Оценка наличия внутренней цели в предмете возможна при условии, что созерцающий не имел представления об этой цели или смог абстрагироваться от нее. Однако, в данном случае возможно, что тот, кто определял значимость предмета по свободной красоте, а не только как сопутствующее свойство, мог сказать о наличии вкуса. Рассматривая рассуждения И. Канта о вкусе у созерцающего объект и возможности отнесения его к разряду свободной или сопутствующей красоты [12]. Оба мнения определились бы в верном суждении, основываясь только на визуальном восприятии предмета, либо на его прагматической ценности. Таким образом, два мнения могут быть равноценными, один созерцающий вынес свое суждение о свободной красоте, а другой о сопутствующей, обозначив прикладное значение объекта [15].

В эстетике Георга Вильгельма Фридриха Гегеля особое внимание уделено красоте в различных областях применения. В связи с этим, он объединяет понятие «прекрасного» в проявлениях как живой природы, так и видах искусства. Красота искусства является особой одухотворенной красотой, когда творец не просто через призму своего шедевра показывает истину, стараясь научить постигать жизненные ценности, гармонию телесного и духовного образа [6].

Г. Гегель считал, что в основе прекрасного есть идея, в которой признается критерий истинности, и прекрасное становится внеш-

ним выражением идеи и приобретает истинное значение в себе. Она должна иметь внешнюю реализацию и оставаться в единстве с внешним проявлением, поэтому идея является не только истинной, но и прекрасной [19].

Г. Гегель в связи с этим определял прекрасное, как чувственное явление или же внутреннюю видимость идеи. Г. Гегель считал, что невозможно постичь единство внешнего и внутреннего мира, так как реальность находится в противоположности идеальности, что постижение истинности возможно только через внешнее восприятие действительности. Однако, рассмотрение предмета через внешнюю форму является односторонним и, таким образом, имеет неполное представление о предмете. Прекрасное представляет собой бесконечное идеальное свойство предмета, «свободного внутри самого себя». [9]

«Прекрасное» является общим понятием, которое не противопоставляет себя своей внутренней идее, не является противоположностью объективного видения. «Скрепляющей же связью и силой является субъективность, единство, душа, индивидуальность» [2].

Прекрасное в предмете составляет единство реального и духовного, оно должно открываться в них через самостоятельные качества. Необходимость каждой самостоятельной части в другой присутствует в прекрасных объектах, иначе они перестают быть свободными, а только подчиняются единству признаков в предмете.

Г. Гегель считал, что естественная жизненность объекта созерцания прекрасна, объясняя, что живое существо представляет чувственную непосредственность, которое не прекрасно для самого себя и в себе, а для другого, созерцающего и познающего красоту. Такова красота природы, в которой «жизнь в непосредственном ее существовании представляется прекрасной» [20]. Опираясь на учение И. Канта, красота в работах Г. Гегеля определяется, как «видимое проявление внутреннего облика». Красота может быть выражена в чувственном восприятии, когда «объективный идеализм жизненного начала» становится объектом восприятия человека, чувственно созерцающего и воспринимающего данный объект. Эта реальность внешнего облика представляет собой целостность

предмета, предстающего в облике «одушевленной целостности как видимости» [2].

Г. Гегель также выделял способ рассмотрения прекрасного не как созерцание, а как субъективное размышление и «всеобщую руководящую мысль». В качестве примера приводится кристалл, который восхищает нас не механическим воздействием, а своей природной формой, порожденной его внутренней красотой и присущей ему силой и точностью воздействующего на нас чувства. Степенью постижения выражения внутренней формы является единство облика его составляющих частей и выражение полученных ощущений при созерцании объекта.

Г. Гегель считал, что внешние проявления красоты в природе, такие как быстрота, сила, способность к деятельности, подвижность, ощущение радости свидетельствуют о высшей идеальной жизни живых объектов. Красота природы вызывает внутреннее, созвучное человеку настроение, например, искрящееся на солнце море, чистый снег, прелесть растений и животных.

Красоту следует найти не только в формах одушевленных предметов, но и в вызываемом настроении, созвучном человеческому характеру и представлении о мировосприятии и душевном расположении человека [4].

Заключение

Эпоха Просвещения определила дальнейшее развитие познания сознания и мировосприятия человека, а также прагматической и нравственной составляющей в эстетическом аспекте концепций философов данной эпохи.

Единство субъективного и объективного восприятия при созерцании объекта выражается через внутреннюю наполненность, прагматическую ценность, соотношения его с разрядом свободной или сопутствующей красоты.

Представители всех философских школ в своих работах создавали этическую теорию, которая отражала основные понятия и ключевые аспекты теории прекрасного, к которой относится категория совершенного образа.

Список литературы

1. Авдеев, В. И. и др. (1998). *Эстетика: учебное пособие* (А. А. Радугин, ред.). Москва: Центр, 236 с. <https://studfile.net/preview/5473656/page:9/> (дата обращения: 21.01.2024)
2. Боров, Ю. Б. (2002). *Эстетика: учебник*. Москва: Высшая школа, с. 32–33.
3. Гегель, Г. В. Ф. (1968). *Эстетика: в 4 тт. Т. 1*. Москва: Искусство, 312 с.
4. Гуревич, П. С. (2011). *Эстетика: учебное пособие*. Москва: КНО-РУС, 456 с.
5. Йованович, Т. Г. (2023). Философские концепции красоты в эстетике античности. *Современные исследования социальных проблем*, 15(1), с. 205–218.
6. Йованович, Т. Г. (2024). Эстетические аспекты идеального образа в философских концепциях эпохи Возрождения. *Современные исследования социальных проблем*, 16(2), с. 156–172.
7. Кант, И. (1994). *Критика способности суждения*. Москва: Искусство, 365 с.
8. Косминский, Е. А. (1963). *Историография средних веков. V – середина XIX в.: лекции*. Москва: Издательство Московского университета, 430 с.
9. Answering the question, what remains of the Enlightenment? (1999). *Human Studies*, 23(3), 281–288.
10. Cassirer, E. (1955). *The philosophy of the Enlightenment* (F. C. A. Koelln & J. P. Pettegrove, Trans.). Boston: Beacon Press.
11. Chukwudi, E. (Ed.). (1997). *Race and the Enlightenment: A reader*. Cambridge, MA: Blackwell.
12. Dupré, L. (2004). *The Enlightenment and the intellectual foundations of modern culture*. New Haven, CT: Yale University Press.
13. Fleischacker, S. (2013). *What is Enlightenment? (Kant's questions)*. New York, NY: Routledge.
14. Gay, P. (1966–1969). *The Enlightenment: An interpretation*. New York, NY: Knopf.
15. Garrett, A. (Ed.). (2014). *The Routledge companion to eighteenth century philosophy*. New York, NY: Routledge.

16. Hirschman, A. O. (1991). *The rhetoric of reaction: Perversity, futility, jeopardy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
17. Israel, J. (2001). *Radical Enlightenment: Philosophy and the making of modernity 1650–1750*. Oxford, UK: Oxford University Press.
18. Kivy, P. (1973). Introduction to Francis Hutcheson: *An inquiry concerning beauty, order, harmony, design*. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff.
19. Kramnick, I. (1995). Introduction to *The portable Enlightenment reader*. New York, NY: Penguin.
20. *Nature and culture: Ethical thought in the French Enlightenment*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
21. Schmidt, J. (Ed.). (1996). *What is Enlightenment? Eighteenth-century answers and twentieth-century questions*. Berkeley, CA: University of California Press.
22. What Enlightenment project? (2000). *Political Theory*, 28(6), 734–757.

References

1. Avdeev, V. I., et al. (1998). *Aesthetics: Textbook* (A. A. Radugin, Ed.). Moscow: Tsentr, 236 p. Retrieved January 21, 2024, from <https://stud-file.net/preview/5473656/page:9/>
2. Borev, Yu. B. (2002). *Aesthetics: Textbook*. Moscow: Vysshaya Shkola, pp. 32–33.
3. Hegel, G. W. F. (1968). *Aesthetics: In 4 vols.* (Vol. 1). Moscow: Iskusstvo, 312 p.
4. Gurevich, P. S. (2011). *Aesthetics: Textbook*. Moscow: KNORUS, 456 p.
5. Jovanovich, T. G. (2023). Philosophical concepts of beauty in ancient aesthetics. *Sovremennye Issledovaniya Sotsial'nykh Problem*, 15(1), 205–218.
6. Jovanovich, T. G. (2024). Aesthetic aspects of the ideal image in Renaissance philosophical concepts. *Sovremennye Issledovaniya Sotsial'nykh Problem*, 16(2), 156–172.
7. Kant, I. (1994). *Critique of judgment*. Moscow: Iskusstvo, 365 p.
8. Kosminsky, E. A. (1963). *Historiography of the Middle Ages: V century to mid-19th century. Lectures*. Moscow: Moscow University Press, 430 p.
9. Answering the question, what remains of the Enlightenment? (1999). *Human Studies*, 23(3), 281–288.

10. Cassirer, E. (1955). *The philosophy of the Enlightenment* (F. C. A. Koelln & J. P. Pettegrove, Trans.). Boston: Beacon Press.
11. Chukwudi, E. (Ed.). (1997). *Race and the Enlightenment: A reader*. Cambridge, MA: Blackwell.
12. Dupré, L. (2004). *The Enlightenment and the intellectual foundations of modern culture*. New Haven, CT: Yale University Press.
13. Fleischacker, S. (2013). *What is Enlightenment? (Kant's questions)*. New York, NY: Routledge.
14. Gay, P. (1966–1969). *The Enlightenment: An interpretation*. New York, NY: Knopf.
15. Garrett, A. (Ed.). (2014). *The Routledge companion to eighteenth-century philosophy*. New York, NY: Routledge.
16. Hirschman, A. O. (1991). *The rhetoric of reaction: Perversity, futility, jeopardy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
17. Israel, J. (2001). *Radical Enlightenment: Philosophy and the making of modernity 1650–1750*. Oxford, UK: Oxford University Press.
18. Kivy, P. (1973). *Introduction to Francis Hutcheson: An inquiry concerning beauty, order, harmony, design*. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff.
19. Kramnick, I. (1995). Introduction to *The portable Enlightenment reader*. New York, NY: Penguin.
20. *Nature and culture: Ethical thought in the French Enlightenment*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
21. Schmidt, J. (Ed.). (1996). *What is Enlightenment? Eighteenth-century answers and twentieth-century questions*. Berkeley, CA: University of California Press.
22. What Enlightenment project? (2000). *Political Theory*, 28(6), 734–757.

ДАнные об авторе

Йованович Тамара Георгиевна, к.п.н., доцент кафедры «Иностранные языки»

*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
jovanovic.tamara5@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tamara G. Yovanovich, PhD, Associate Professor of Foreign Languages

Department

Volgograd State Technical University

28, Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russian Federation

jovanovic.tamara5@yandex.ru

Поступила 04.08.2025

После рецензирования 20.08.2025

Принята 25.08.2025

Received 04.08.2025

Revised 20.08.2025

Accepted 25.08.2025

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВОЕ
РАЗНООБРАЗИЕ НАРОДОВ РОССИИ**

**RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC
DIVERSITY OF PEOPLES OF RUSSIA**

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-505 EDN: LMJHMQ

УДК 81-2

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛЕКСИКА В «ЭВЕНСКО-РУССКОМ
СЛОВАРЕ» В.А. РОББЕКА, М.Е. РОББЕК**

Е.В. Нестерова

Аннотация

Обоснование. Работа посвящена исследованию фольклорной лексики эвенского языка. Актуальность темы вытекает из необходимости изучения и описания исчезающего эвенского языка в целом, и в частности ранее неисследованной фольклорной лексики.

Цель. Целью работы является лингвистическое описание эвенских фольклоризмов. Достижение цели предполагается путем решения следующих задач: выявление, систематизация, анализ и обобщение полученных результатов.

Материалы и методы. В качестве источника исследования привлечен «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек. Основным методом исследования служит описательный, при систематизации материала применен лексико-семантический подход.

Результаты. В работе выявлен состав эвенской фольклорной лексики, извлеченной из «Эвенско-русского словаря». Материал распределен по четырем основным группам. Первую группу представляют слова, обозначающие фольклорные реалии, к которым мы относим имена собственные; названия героев; объектов природы; сверхесте-

ственных существ; слова, обозначающие различные качества; глаголы действия; глаголы состояния. Вторая группа объединяет абсолютные и семантические синонимы. В третью группу включены выразительные средства эвенского фольклора: устойчивые выражения, иносказания, измененные слова. Четвертая группа представлена заповными словами. В сфере фольклорной лексики выявлены названия ныне не действующих традиционных культурных явлений.

Ключевые слова: эвенский язык; эвенский фольклор; фольклорная лексика; заповные слова; синонимы; устойчивые выражения; фольклоризмы; персонажи, фольклорная фразеология

Для цитирования. Нестерова, Е. В. (2025). Фольклорная лексика в «Эвенско-русском словаре» В. А. Роббека, М. Е. Роббек. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 38–51. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-505>

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

FOLKLORE LEXICON IN V.A. ROBBEK'S AND M.E. ROBBEK'S "EVEN-RUSSIAN DICTIONARY"

E. V. Nesterova

Abstract

Background. This work is dedicated to the study of the folk vocabulary of the Evenki language. The relevance of the topic arises from the necessity to study and describe the disappearing Evenki language as a whole, and in particular the previously unexplored folk vocabulary.

Purpose. The aim of this study is to linguistically describe the Evenki folklore lexicon. Achieving this aim involves addressing the following tasks: identifying, systematising, analysing, and summarising the results obtained.

Materials and Methods. The research draws upon the "Evenki-Russian Dictionary" by V.A. Robbek and M.E. Robbek. The primary method of the study is descriptive, with a lexical-semantic approach applied in the systematisation of the material.

Results. The work identifies the composition of the Evenki folk lexicon extracted from the “Evenki-Russian Dictionary”. The material is organised into four main groups. The first group consists of words denoting folk realities, which include proper names, names of heroes, natural objects, supernatural beings, words describing various qualities, action verbs, and state verbs. The second group includes absolute and semantic synonyms. The third group encompasses expressive means of Evenki folklore: stable expressions, metaphors, and modified words. The fourth group is represented by call phrases. In the field of folklore vocabulary, names of traditional cultural phenomena that are no longer in existence have been identified.

Keywords: Even language; Even folklore; folklore vocabulary; chant words; synonyms; stable expressions; folklorisms; characters; folklore phraseology

For citation. Nesterova, E. V. (2025). Folklore lexicon in V. A. Robbek’s and M. E. Robbek’s *«Even-Russian Dictionary»*. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 38–51. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-505>

Введение

Эвенкий язык относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. В настоящее время находится в критической ситуации и подвергается риску исчезновения. Актуальность исследования связана с необходимостью изучения, фиксации, документации, популяризации малоисследованного эвенского языка. Целью работы является лингвистическое описание фольклорной лексики, отраженной в «Эвенско-русском словаре» В.А. Роббека, М.Е. Роббек [7].

Исследования эвеноведов охватывают различные области эвенской лексики. Так, лексика духовной культуры подробно рассмотрена в работах А.А. Петрова [5; 6]. Бытовая лексика описана А.А. Даниловой [2], лексика физической культуры стала предметом изучения в работе Г.В. Роббека [9]. Якутским заимствованиям в эвенском языке посвящена работа С.Н. Саввиной [12], лексика растительного мира исследована И.И. Садовниковой [13], образные слова рассмотрены в работе Е.В. Нестеровой [4] и др. Однако, лексика эвенского фольклора до настоящего времени не являлась

предметом отдельного, углубленного изучения. Надо отметить, что на сегодняшний день нет специального исследования и по языку эвенского фольклора, особенности которого отмечали в своих работах Ж.К. Лебедева [3], В.А. Роббек [4], А.А. Бурыкин [1].

В силу ограниченной сферы употребления, эвенская фольклорная лексика находится под угрозой утраты. При этом она представляет собой значимый пласт духовной культуры эвенского народа, отражающий его самобытное мировосприятие. Исследование эвенских фольклоризмов может внести ценный вклад в изучение духовной культуры эвенов и будет востребовано в сравнительных исследованиях языков и культур северных народов.

Материалы и методы.

Источником исследования послужил «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек. В словаре представлено более 14000 слов. На данный момент – это самый крупный словарь эвенского языка. Словарь содержит лишь часть наиболее употребительных слов литературного языка, живой разговорной речи эвенов и лексику языка особой этнической группы Березовского национального (кочевого) наслег Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия) [7, с. 20].

Объектом исследования являются слова с пометой *фолькл.* – фольклорное (слово, выражение), *образн.* – образное слово. В работе применены описательный метод, лексико-семантический подход.

Результаты и обсуждение

В эвенском языке имеются слова, которые функционируют в основном в фольклоре. Это имена персонажей, названия сверхъестественных существ, волшебных предметов, слова, обозначающие те или иные действия, явления, состояния, характерные для фольклорных произведений. Эвенский фольклор содержит арсенал различных выразительных средств: устойчивые выражения, инсказанья, запевные слова и др. Отдельную группу представляют слова, имеющие эквиваленты в обиходном языке. Все это относится к фольклорной лексике эвенского языка.

По определению Л.И. Ройзензона «фольклорная лексика – понятие более узкое; это те лексические единицы, которые не встречаются за границами фольклорных произведений и не используются «в коммуникативно-речевой функции, оставаясь лишь определенным средством художественно-языковой действительности» [11, с. 77].

Извлеченный из «Эвенско-русского словаря» фольклорный лексический материал мы распределили на четыре группы: слова, обозначающие фольклорные реалии, синонимы, выразительные средства, запевные слова.

К словам, обозначающим фольклорные реалии, мы относим те, что отражают фольклорную действительность и быт. Исследователь Г.Д. Томахин определяет реалии как: «названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [15, с. 13]. Другое определение реалиям находим у Л.Н. Соболева, который пишет, что: «термином «реалия» обозначаются бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [14, с. 281].

Выделение слов, обозначающих фольклорные реалии, в отдельную группу определяется тем, что данные лексические единицы не имеют эквивалентов в общеупотребительной эвенской лексике. Они выражают фольклорную картину мира и, обозначают те явления и действия, которых нет в обыденной жизни. В группу слов, обозначающих эвенские фольклорные реалии, включены следующие подгруппы:

Имена собственные: *Каптаргалак*, *Мэурэк*, *Өмэлтукэн* и др.

Названия сверхъестественных существ: *ариука* ‘1) злой дух, черт, бес, дьявол; 2) чудовище’; *богади* ‘черт’; *чөлэрэ* ‘чудовище (одноглазое, однорукое, одноногое существо в образе человека)’; *Коңань* ‘1) колдунья, ведьма; 2) злой дух (в образе женщины)’ и др.

Названия героев фольклорных произведений: *мата* ‘богатырь’; *мөмүэ* ‘житель воды’; *хэвэйэ* ‘сказочный народ, питающийся ры-

бой'; *Утакан* I '1) батрачка-старуха'; 2) колдунья; *Утакан* II 'жена старейшины (Каганкана), старуха'; *нюрмңа* '1) сказочный человек, спящий всю зиму; 2) разбойник'; *хөн* '1) враг, неприятель; 2) междоусобная война; междоусобица, распри' и др.

Названия объектов природы и связанных с ними слов: '*алтар* водная гладь'; *нёрми* 'лиственница густая, ветвистая, на которую сказочные богатыри вешают свои доспехи' и др.

Слова, обозначающие различные качества: *хони* 'человек, обладающий особой храбростью, силой и ловкостью; богатырь'; *ибдири* '1.1) удивительный, чудовищный; 2) неизвестный (название людей и предметов в загадках); 2. неизвестное, загадочное существо' и др.

Глаголы действия: *олбунукандай* 'превратиться в кого-л., что-л.'; *чундай* 'исчезнуть, провалиться под землю'; *някурудай* 'привязать что-л. тяжелое на шею' и др.

Глаголы состояния: *бэимдэй* 'пахнуть человеком'; *госалудай* 'быть в паре, находиться вместе (о разнополых существах)'.

В отличие от слов, обозначающих фольклорные реалии, следующая группа лексических единиц имеет либо эквиваленты, либо сходные по значению слова в общеупотребительной лексике. Это абсолютные и семантические синонимы, представленные в таблице 1 и 2.

Таблица 1.

Абсолютные синонимы

Фольклорное	Общеупотребительное	Перевод
<i>Аңады</i>	<i>Аңаткан</i>	'сиротинка, сиротинушка'
<i>Бэлтэлкэ</i>	<i>Күңа</i>	'1) ребенок'
<i>Бэлтэлкэ</i>	<i>Кэлмэ</i>	'2) челядь, слуга'
<i>Гадик</i>	<i>Аяври</i>	'любимый, близкий'
<i>Кильча</i>	<i>Нёка</i>	'якут'
<i>Тява</i>	<i>Кэде</i>	'подруга'
<i>Эди</i>	<i>Бэй (бэйңу), этикэн (этикэнү)</i>	'1) муж, супруг; 2) самец'
<i>Алңа</i>	<i>Таңня</i>	'рога лося'
<i>Төбэйэ</i>	<i>Кокчин</i>	'копытце'
<i>Нокалгидай</i>	<i>мокидай</i>	'начинать'
<i>Тимэдэй</i>	<i>Икэдэй</i>	'петь'
<i>Тинмэй</i>	<i>Икэ</i>	'песня'
<i>Тиргани</i>	<i>Инэң</i>	'день'

<i>Хякарнадилдай</i>	<i>Долчидай</i>	‘слушать’
<i>Коңара</i>	<i>Чог</i>	‘колокольчик’

Таблица 2.

Семантические синонимы

Фольклорное	Общепотребительное
<i>Ноналгин</i> ‘начало’	<i>Нонан</i> ‘1. начало; 2.1) сперва, сначала, на первых порах; 2) впервые, первый раз’
<i>Төгээнэн</i> ‘запас’	<i>Нэкэр, нэкэри</i> ‘1) гостинец, подарок; 2) посылка; 3) запас (продовольствия)’
<i>Абгин</i> ‘неожиданное, неза- метное появление’	<i>Эмэн, эмэнмэй</i> ‘приход, приезд, прибытие, явка, появление’
<i>Хэхээнэк</i> ‘место веселья, место танцев’	<i>Хэден, хэденэк</i> ‘1) коллективная пляска, хоро- вод, танец; 2) место исполнения танца-хэде; 3) клуб’
<i>Гагиддай</i> ‘1) веселиться, танцевать; 2) дружить’	<i>Эвэлдэдэй</i> ‘радоваться, забавляться, развлекать- ся, веселиться, тешиться, резвиться, ликовать’; <i>гяматтай</i> ‘дружить’
<i>Огаттай</i> 1) ‘петь (на сочи- ненный самим исполните- лем мотив); 2) ‘воспевать’	<i>Икэдэй</i> ‘петь’; <i>дёнтадай</i> ‘воспевать’
<i>Уткалгидай</i> ‘опустошить, уничтожить (о пище)’	<i>Көнүкэлгидэй</i> ‘1) опустошить; 2) уничтожить’; <i>энтэлгэдэй</i> ‘опустошить’
<i>Дөкүлдэй</i> ‘прислуши- ваться’	<i>Долчидай</i> ‘слушать, прислушиваться’; <i>хяканчидай</i> ‘1) слушать, прислушиваться, насто- раживаться; 2) молчать’
<i>Кяпридай</i> ‘смотреть ис- подлобья’	<i>Куюнчидай</i> ‘смотреть исподлобья’; <i>кяричидай</i> ‘смотреть исподлобья’
<i>Нибэльдэдэй</i> ‘порхать’	<i>Бобалдаттай</i> ‘вздрагивать, порхать’; <i>нэрэркиттэй</i> ‘летать, порхать’
<i>Эрэвэндэй, эрлэндэй</i> ‘делать круг, идти вокруг чего-л.’	<i>Мэрливдэй</i> ‘кружить, кружиться’
<i>Олдардай</i> ‘1) лежать на боку; 2) страдать, тоско- вать’	<i>Дэсчидэй</i> ‘лежать (о человеке)’; <i>булдай</i> ‘тосковать, грустить, печалиться, скучать, ту- жить, пустить слезу’; <i>гэлэдэй</i> ‘1) грустить, тосковать; 2) вспоминать’; <i>набуттай</i> ‘огорчаться, досадовать, унывать, печал- иться, удручаться, расстраиваться, тосковать, тужить, хандрить, кручиниться, скучать’; <i>хөркэндэй</i> ‘скучать, тосковать, быть настроженным’
<i>Тирунэдюлдэй</i> ‘подтянуть веревочкой’	<i>Каутаравдай</i> ‘подтянуть, натянуть, сделать туже’

Эвенский фольклор обладает арсеналом различных средств выразительности, некоторые из которых включены в словарь. К такому относятся:

Устойчивые выражения, например: *илтэкиммъекэн мяладдам* ‘только «возвращаюсь» с того света’; *Булэн тоган* – ‘северное сияние (досл: юкагирский огонь)’.

Иносказания, например: *эвидэй* ‘помериться силой’ (в прямом значении: играть); *авлавкандай* ‘венчать’ (в прямом значении: заставить надеть шапку).

В словаре нашли отражение слова, подвергшиеся изменениям в морфемной структуре. Это связано с тем, что некоторые лексические единицы, вовлекаясь в фольклор, фонетически изменяются. При этом в слове появляются новые фонемы. Встречаются слова, в которых происходят более значительные изменения. На наш взгляд подобное оформление слов связано со спецификой сферы употребления, и выполняет стилистическую функцию в целях придания выразительности высказыванию, акцентирования на важных деталях повествования. Данные слова представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Измененные слова

Фольклорное	Общепотребительное	Перевод
<i>Кукчу</i>	<i>Кучу</i>	‘1) спальный мешок (меховой); 2) подножная (с углублением) часть спального мешка’
<i>Кэвуэ</i>	<i>Кэвэ</i>	‘1) дупло; 2) полый’
<i>Тисэ</i>	<i>Тис</i>	‘икра рыба’
<i>Көкэрдөдун</i>	<i>Кэрдэ</i>	‘кожемялка’

Язык эвенского фольклора содержит специфические языковые средства, выражающие различные значения. Это прежде всего слова, несущие специальные функции. К таковым мы относим заповные слова. Заповные слова обрамляют всю речь персонажа, выражают образную характеристику героя и выполняют роль визитной карточки. В своей работе Ж.К. Лебедева выделяет четыре функции заповных слов:

- «а) заменяет имя героя, по нему узнают, какой герой запел;
б) определяет характер самого героя, характеризует ту или иную черту, его отличительные признаки.
в) является экономным средством, заменяющим описанную информацию типа: такой-то герой заговорил, сказал, ответил и т. д.;
г) выполняет функцию структурной организации стиха: придает монолитность, законченность песне, как бы являясь стержнем всей тирады или монолога» [3, с. 96].

По характерным особенностям можно выделить несколько групп эвенских запевных слов: слова, образованные от имен персонажей; от названий родов; от звукоподражаний. Особую группу представляют запевные слова не обладающие определенным значением. Они выделяются звуковой изобразительностью, которая передает образ персонажа, его характер и особенности. Слова данной группы включены в «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек и отмечены пометой *образн.* – образное слово, например: *чэе-ние* ‘один из припевов, употребляемых в песенной речи героев сказаний’ (непереводим); *гэрөкөн-гэрөрөкэн* ‘припев песни героев сказки, показывающий отрицательный образ’; *дэгэнчө-дэгэнчө* ‘припев песни положительного героя (женщины) в сказке’ и др.

В словаре пометой *фолькл.* отмечены лексемы, обозначающие национальные культурные традиции, такие как игры и связанные с ними слова. В настоящее время некоторые из них не функционируют в повседневной жизни эвенков, например: *байкунадык* ‘старинная игра (при которой гоняют мяч или чурку палкой)’; *байкундай* ‘играть (гоня мяч или чурку палкой)’.

Опрос информантов выявил две версии игры *байкунадык*. По мнению С.П. Хабаровской, эвенки рода Дойда 1961 г.р. суть игры заключается в состязании по забрасыванию мяча *мукливун*. Цель – забросить *мукливун* как можно дальше. *Мукливун* представляет собой шар, изготовленный из оленьей шкуры, вывернутой мехом внутрь, и сшитый сухожильными нитками *хум*. Размер шара сопоставим с кулаком мужчины. Для броска используется специальная деревянная палка длиной около 50 см, диаметром 1,5-2 см [МА, № 1].

Информант О.С. Подобашева-Балаганчик, эвенка рода Деллянкин 1966 г.р. описывает *байкунадык* как командную игру. Задача участников – переместить мяч *тэвэнкэн*, в обозначенную мхом *нямалра*, зону на стороне противника максимальное количество раз. *Тэвэнкэн* – это круглый предмет размером с мужской кулак из шерсти оленя. Для его изготовления используется шерсть из шейно-затылочной области оленя или с верхней части шкуры ног оленя *осал*. Шерсть скатывают в шар и скрепляют сухожильными нитками *хум*. Для перемещения мяча используется деревянный сук *гар* длиной около 50 см, толщиной 1,5-2 см. Сдвинуть *тэвэнкэн* с места не просто, так как *гар* часто соскальзывает с его меховой поверхности. Игра становится особенно увлекательной и трудной после дождя, когда мокрый *тэвэнкэн* скользит по траве [МА, № 2].

Заключение

Таким образом, «Эвенско-русский словарь» отражает основные категории фольклорной лексики. В ходе исследования составлена классификация эвенских фольклоризмов. Выявлены четыре основные группы: слова, обозначающие фольклорные реалии; синонимы; выразительные средства; запевные слова. Каждая из групп включает в себя несколько подгрупп. В сфере фольклорной лексики зафиксированы названия ныне не функционирующих традиционных игр. Эвенская фольклорная лексика намного обширнее, чем представлено в «Эвенско-русском» словаре и, приведенная нами классификация не является окончательной и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Бурькин, А. А. (2001). *Малые жанры эвенского фольклора: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы: исследования и тексты* [Монография]. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 272 с.
2. Данилова, А. А. (1991). *Бытовая лексика эвенского языка* [Монография] (П. А. Слепцов, ред.). Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 113, [1] с.

3. Лебедева, Ж. К. (1981). *Архаический эпос эвенов* (Б. Н. Путилов, ред.). Новосибирск: Наука, 156, [2] с.
4. Нестерова, Е. В. (2010). *Образные слова эвенского языка* [Монография] (В. А. Роббек, ред.). Новосибирск: Наука, 111, [1] с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 24).
5. Петров, А. А. (2013). *Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны)* [Монография] (В. А. Роббек, ред.). Новосибирск: Наука, 213, [3] с.
6. Петров, А. А. (1991). *Лексика духовной культуры эвенов: (народное искусство и обряды)* [Учебное пособие]. Ленинград: РГПУ им. А. И. Герцена, 79 с.
7. Роббек, В. А., & Роббек, М. Е. (2005). *Эвенско-русский словарь = Эвэды-нючиды төрэрүк* (свыше 14 000 слов) (А. А. Петров, ред.). Новосибирск: Наука, 353, [2] с., [1] карт.
8. Роббек, В. А. (2005). *Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров = Хоен эвэсэлни алмантан = Folklore of the even people of Berezovka* (Е. К. Тарабукина, ред.). Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 360, [1] с.
9. Роббек, Г. В. (2011). *Игры и состязания эвенов: лингвистический аспект* (Ч. М. Таксами, ред.). Новосибирск: Наука, 130, [4] с.
10. Роббек, М. Е. (2007). *Традиционная пища эвенов*. Новосибирск: Наука, 161, [2] с., [8] л.
11. Ройзензон, Л. И. (1968). О понятии «фольклорная фразеология». В *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума* (ноябрь 1968 г., с. 77–81). Тула: [б. и.].
12. Саввинова, С. Н. (2024). *Якутские лексические заимствования в эвенском языке*. Новосибирск: Наука, 128 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 48).
13. Садовникова, И. И. (2024). *Лексика растительного мира в эвенском языке*. Новосибирск: Наука, 104 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 49).

14. Соболев, Л. Н. (1952). *Пособие по переводу с русского языка на французский*. Москва: Просвещение, 404 с.
15. Томахин, Г. Д. (1997). Реалии в языке и культуре. *Иностранные языки в школе*, 3, с. 13–18.
16. Нестерова, Е. В. (2025). Материалы автора. Зап. от С. П. Хабаровской, 1961 г. р. (МА № 1). Якутск.
17. Нестерова, Е. В. (2025). Материалы автора. Зап. от О. С. Подобашевой-Балаганчик, 1966 г. р. (МА № 2). Якутск.

References

1. Burykin, A. A. (2001). *Small genres of Even folklore: Riddles, proverbs and sayings, taboos and amulets, customs and precepts, omens: Research and texts* [Monograph]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 272 p.
2. Danilova, A. A. (1991). *Everyday vocabulary of the Even language* [Monograph] (P. A. Slepsov, Ed.). Yakutsk: Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 113, [1] p.
3. Lebedeva, Zh. K. (1981). *Archaic epic of the Evens* (B. N. Putilov, Ed.). Novosibirsk: Nauka, 156, [2] p.
4. Nesterova, E. V. (2010). *Figurative words of the Even language* [Monograph] (V. A. Robbek, Ed.). Novosibirsk: Nauka, 111, [1] p. (Monuments of Ethnic Culture of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East; Vol. 24).
5. Petrov, A. A. (2013). *Vocabulary of spiritual culture of Tungusic peoples (Evenks, Evens, Negidals, Solons)* [Monograph] (V. A. Robbek, Ed.). Novosibirsk: Nauka, 213, [3] p.
6. Petrov, A. A. (1991). *Vocabulary of spiritual culture of the Evens: (folk art and rituals)* [Textbook]. Leningrad: Herzen State Pedagogical University of Russia, 79 p.
7. Robbek, V. A., & Robbek, M. E. (2005). *Even–Russian dictionary = Эвэды нючиды төрэрүк* (over 14 000 words) (A. A. Petrov, Ed.). Novosibirsk: Nauka, 353, [2] p., [1] map.
8. Robbek, V. A. (2005). *Folklore of the Evens of Berezovka. Samples of masterpieces = Хоен эвэсэлни алмантан = Folklore of the Even people*

- of Berezovka* (E. K. Tarabukina, Ed.). Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS, 360, [1] p.
9. Robbek, G. V. (2011). *Games and competitions of the Evens: A linguistic aspect* (Ch. M. Taksami, Ed.). Novosibirsk: Nauka, 130, [4] p.
 10. Robbek, M. E. (2007). *Traditional food of the Evens*. Novosibirsk: Nauka, 161, [2] p., [8] plates.
 11. Roizenzon, L. I. (1968). On the concept of “folklore phraseology”. In *Problems of stability and variability of phraseological units: Proceedings of the interuniversity symposium* (November 1968, pp. 77–81). Tula: [n.p.].
 12. Savvinova, S. N. (2024). *Yakut lexical borrowings in the Even language*. Novosibirsk: Nauka, 128 p. (Monuments of Ethnic Culture of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East; Vol. 48).
 13. Sadovnikova, I. I. (2024). *Vocabulary of the plant world in the Even language*. Novosibirsk: Nauka, 104 p. (Monuments of Ethnic Culture of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East; Vol. 49).
 14. Sobolev, L. N. (1952). *Manual for translation from Russian into French*. Moscow: Prosveshchenie, 404 p.
 15. Tomakhin, G. D. (1997). Realia in language and culture. *Foreign Languages at School*, 3, 13–18.
 16. Nesterova, E. V. (2025). Author’s materials. Recorded from S. P. Khabarovskaya, born in 1961 (MA No. 1). Yakutsk.
 17. Nesterova, E. V. (2025). Author’s materials. Recorded from O. S. Podobasheva Balaganchik, born in 1966 (MA No. 2). Yakutsk.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Елена Васильевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела северной филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677007, Российская Федерация
elenanesterova-2010@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Nesterova, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Northern Philology
*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
1, Petrovsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677015,
Russian Federation*
elenanesterova-2010@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5130-706X>
SPIN-code: 8214-0039
Scopus Author ID: 57216948875

Поступила 01.08.2025
После рецензирования 21.08.2025
Принята 01.09.2025

Received 01.08.2025
Revised 21.08.2025
Accepted 01.09.2025

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-525 EDN: KDEJYA

УДК 101.8(41)

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

АНАЛИЗ ТОПОНИМИИ МОРДОВСКОГО СЕЛА ТЕШНЯРЬ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕШНЯРЬСКОГО ГОВОРА

Н.В. Беленов

Аннотация

Обоснование. В статье представлен лексико-семантический анализ топонимии мордовского села Тешнярь Сосновоборского района Пензенской области и его окрестностей. Относительно тешнярьского говора в науке нет единого мнения: является ли он эрзянским, или смешанным, эрзянско-мокшанским, элементы какого из мордовских языков в нём преобладают и т.д. Исследование топонимии села представит в распоряжение лингвистов новые факты для прояснения данного вопроса, так как в эрзянской и мокшанской топонимии, помимо общемордовских, присутствуют чёткие этноязыковые маркеры.

Цель – выявить основные особенности топонимии с. Тешнярь и его окрестностей, соотнести их с мокшанскими и эрзянскими характеристическими топонимными чертами, определить место данной топонимии в системе мордовских топонимических пространств Сосновоборского района Пензенской области.

Материалы и методы: полевые материалы автора, собранные во время экспедиции 2022 года в селе Тешнярь и в других мордовских населённых пунктах Сосновоборского района Пензенской области. В ходе исследования использовались элементы лексико-семантического и контрастивного анализа собранных топонимных и иных лексических единиц.

Результаты. В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что данное топонимическое пространство, хотя и

включает некоторые мокшанские элементы, в целом обладает большинством характерных признаков эрзянских топонимических пространств. К таким чертам топонимии села Тешнярь относятся: эрзянская географическая лексика в составе топонимов, урбонимная система Ало пе – Вере пе, ряд характерных для эрзянских топонимических пространств географических названий.

Научная новизна: комплексное исследование топонимии села Тешнярь и его окрестностей предпринято впервые, в научный оборот введено 26 топонимных единиц.

Ключевые слова: топонимика; топонимная лексика; финно-угорские языки; мордва; мордовские языки; эрзя-мордовский язык; мокша-мордовский язык; Сосновоборский район; Тешнярь

Для цитирования. Беленов, Н. В. (2025). Анализ топонимии мордовского села Тешнярь Пензенской области в контексте языковой принадлежности тешнярского говора. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 52–71. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-525>

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

ANALYSIS OF THE TOPONYMY OF THE MORDOVIAN VILLAGE OF TESHNYAR, PENZA REGION, IN THE CONTEXT OF THE LINGUISTIC AFFILIATION OF THE TESHNYAR DIALECT

N. V. Belenov

Abstract

Background. The article presents a lexical and semantic analysis of the toponymy of the Mordovian village Teshnyar in the Sosnovoborsky district of the Penza region and its environs. Regarding the Teshnyar dialect, there is no consensus in science: whether it is Erzya, or mixed, Erzya-Moksha, elements of which of the Mordovian languages prevail in it, etc. The study of the toponymy of the Teshnyar will provide researchers with new facts to

clarify this issue, since in the Erzya and Moksha toponymies, in addition to the overall Mordovian languages ones, there are indicative ethno-linguistic markers.

Purpose. To identify the main features of the toponymy of the village Teshnyar and its surroundings, to correlate them with the Moksha and Erzya characteristic toponymic features, to determine the place of this toponymy in the system of Mordovian toponymic spaces of the Sosnovoborsky district of the Penza region.

Materials and methods. The author's own field materials collected during the 2022 expedition in the village Teshnyar and in other Mordovian settlements of the Sosnovoborsky district of the Penza region. The study used elements of lexical-semantic and comparative analysis of the collected toponymic and other lexical units.

Results. As a result of the conducted research, it can be concluded that this toponymic space, although it includes some Moksha elements, as a whole has most of the characteristic features of the Erzya toponymic spaces. Such features of the toponymy of the village Teshnyar include: the Erzya geographical lexemes as part of place-names, the urban system of Alo pe – Vere pe, a number of place-names characteristic of the Erzya toponymic spaces.

Scientific novelty: a comprehensive study of the toponymy of the village of Teshnyar and its surroundings was undertaken for the first time, 26 place-names exemplars were introduced into scientific circulation.

Keywords: toponymy; geographical terminology; Mordva; Erzya-Mordovian language; Moksha-Mordovian language; Sosnovoborsky district; Penza region

For citation. Belenov, N. V. (2025). Analysis of the toponymy of the Mordovian village of Teshnyar, Penza Region, in the context of the linguistic affiliation of the Teshnyar dialect. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 52–71. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-525>

Введение

Село Тешнярь впервые упоминается в исторических документах в 1757 году. По местным данным, оно основано в конце XVII века. Мордовское население села считает себя эрзянами, а материалы

тешнярского говора свидетельствуют о значительном влиянии на него мокшанского языка.

Длительный период своей истории село носило название Старый Тешнярь, поскольку другие населённые пункты, основанные на одноимённой реке, в том числе и русская Топоровка, также в разное время получали название Тешнярь. В настоящее время село Тешнярь практически слилось с райцентром Сосновоборском.

Мордовские говоры Пензенской области достаточно часто находились в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей, что не в последнюю очередь обусловлено территориальной близостью региона к Республике Мордовия.

В последней четверти XIX в. этнографические исследования среди пензенской мордвы проводил известный финский учёный А.О. Хейкель, данные материалы впоследствии вошли в состав его знаменитого труда [21].

В мордовских сёлах на территории нынешней Пензенской области на рубеже XIX-XX веков работала экспедиция Х. Паасонена [22; 23; 24], материалы которой широко привлекал для своего исследования У. Харва [20]. Из этнографических работ также надо отметить статью М.Е. Евсевьева о религиозных обрядах пензенской мордвы, материалы для которой собирались учёным в начале XX в., в том числе, в селе Тешнярь [5].

Особо надо отметить работу И.Г. Черапкина, в которой он описывает три выделяемых им мокшанских диалекта бывшей Пензенской губернии, территория бытования двух из которых ныне относится к Республике Мордовия, а ареал распространения третьего, спасского диалекта – к Пензенской области [19].

Многие особенности мордовских диалектов данной территории нашли отражение в общих и специальных работах, в большинстве которых отмечается высокая степень взаимопроникновения мокшанских и эрзянских элементов в местных говорах. Так, Т.И. Ломакина отмечает, что в мордовских сёлах Пензенской области без специального исследования бывает сложно определить, к какому языку относится тот или иной говор: эрзянскому или мокшанскому [9]. О.Е. По-

ляков относит интересующий нас тешнярьский говор к смешанному, мокшанско-эрзянским, наряду с говорами сёл Вышелей Городищенского и Пылково Лопатинского районов Пензенской области [12].

Особенности местных говоров, как правило, находят отражение в соответствующей топонимии; кроме того, географические названия зачастую сохраняют в себе такие особенности говора, которые в живой речи уже утрачены. Учитывая сказанное, предпримем попытку подойти к решению вопроса о принадлежности данного говора при помощи анализа бытующих в нём географических названий.

Значительное количество мордовских топонимов Пензенской области, в том числе и гидроним Тешнярь, рассмотрено в работе М.С. Полубоярова [11, с. 183]. История и этнография пензенской мордвы, её современное состояние отражено в монографии учёных Пензенского университета [10], там же разобраны некоторые топонимы. В настоящее время исследования мордвы региона продолжают [4].

Мокшане и эрзяне в Пензенской области расселены чересполосно и взаимопроникновение фонетических, морфологических и лексических элементов в их говорах здесь не редкость, что подтверждается не только материалами тешнярьского говора, но и говоров соседних сёл, например, Ёга (эрзянского) и Пичилейка (мокшанского) Сосновоборского района Пензенской области.

Краткая характеристика некоторых особенностей тешнярьского говора

По аналогии с выделяемыми Г.И. Ермушкиным укающе-икающими говорами в эрзянских диалектах [7], тешнярьский говор можно определить как укающе-ыкающий. В качестве примеров, можно привести следующие лексемы тешнярьского говора, в сравнении с литературно-письменными вариантами и формами в других эрзянских говорах: *укиштыр* – ‘клён’, вместо *укишторо*; *нумыл* – ‘заяц’ вместо *нумоло*; *песык* вместо *песок* – форма устоявшегося во многих эрзянских говорах заимствования из русского языка; *хтыма* вместо

втомо – аффикс лишительного падежа в эрзянском языке; *васуло* – ‘далеко’, вместо *васоло*; *тузеро* – ‘пшеница’, вместо *товзеро*.

Особо подчеркнём, что речь здесь не идёт о редукции гласных, что, вообще говоря, не редкость в эрзянских говорах, испытавших мокшанское влияние. В приведённых выше примерах гласный [ы] ударный, в сильной позиции.

Одной из ярких черт говора является замена согласных [в/ф/й] в консонантных сочетаниях на [х]: *охта* вместо *овто* – ‘медведь’; *техтерь* вместо *тейтерь* – ‘девушка’.

Совокупность рассмотренных выше особенностей тешнярьского говора привела к сложению в нём своеобразной формы лишительного суффикса: в отличие от литературно-письменных мокшанского *фтома* и эрзянского *втомо*, здесь он имеет форму *хтыма*. Например: *судохтыма*, то есть ‘безносые’ – прозвище жителей села Карауловка, согласно местному историческому преданию, бывших каторжников, которых в XVIII в. наказывали отрезанием носов.

Ударение в рассматриваемом говоре сложное, вследствие чего все гласные произносятся чётко, в сильной позиции, при этом, переходя на русский язык, носители говора продолжают ставить дополнительное ударение в конце слова.

К мокшанскому влиянию в данном говоре можно отнести такие фонетические явления, как смягчение аффрикаты [ч], в эрзянских говорах являющейся твёрдой, и нерегулярное [а] вместо [о] в окончаниях слов: *тума* вместо *тумо* – ‘дуб’, *тува* вместо *туво* – ‘свинья’ и т.д.; также отмечается нерегулярная редукция гласных последнего слога. К мокшанизмам можно отнести лексемы, относительно которых сами информанты сообщают, что так говорили их бабушки (в настоящий момент у мордвы с. Тешнярь эрзянское самосознание, но часть их предков, действительно, судя по лингвистическим данным, была мокшанами): *шуре* – ‘стол’, также *шуре* – ‘сторона улицы’; *пине* – ‘собака’ (данная лексема является общемордовской, но в мокшанских говорах встречается значительно чаще, чем в эрзянских, где её в этом значении заменяет *киска*); *нярь* в топонимии вместо *нерь*, например, в титульном ойкониме. Кроме того, устаревшее

эйкакш – ‘ребёнок’ в Тешняре также считается мокшанским словом (в действительности это эрзянское слово), поскольку оно бытует в говорах окрестных мокшанских сёл, например, в Пичилейке. В тешнярском говоре в этом значении распространена лексема *жаба*; в действительности и *жаба*, и *эйкакш* являются эрзянскими словами.

Материалы и методы

Материалы для настоящей работы собирались автором в течение полевого сезона 2022 г. в селе Тешнярь, а также в других мордовских населённых пунктах Сосновоборского района Пензенской области, данные говором которых привлекаются в статье для сравнительного анализа: Вачелай, Ёга, Вязовка, Нижний Катмис и других. Также на протяжении 2015-2023 гг. проводились исследования топонимии и топонимной лексики других мокшанских и эрзянских говором, бытующих на территории Пензенской, Самарской, Оренбургской и Ульяновской областей, результаты которых также были использованы при работе над настоящей статьёй.

Фиксация элементов топонимического пространства села Тешнярь осуществлялась на основе формы анкеты Г. М. Керта [4, с. 173], в соответствии с рекомендациями по работе с мордовской ономастикой А.П. Феоктистова [16]. Лексические особенности пензенской мордвы отмечены в различных работах О.Е. Полякова [12; 13].

При этимологии и сравнительном анализе географических названий мы опирались также на исследования в области топонимии и этимологии мордовских языков Д.В. Цыганкина [17], М.В. Мосина [18], Г.С. Ивановой [15].

Основными **методами исследования** явились: лексико-семантический, структурно-сопоставительный и контрастивный анализ.

Результаты и обсуждение

Ало не 'Ало 'р'е Название низинной части села Тешнярь. Происходит от эрзя-мордовских лексем: *ало* ‘низменный’ + *не* ‘конец’ = *нижний конец*. Является одним из главных маркеров эрзянских топонимических пространств.

Боблевой *Vobl'evoj* Название поля в окрестностях села Тешнярь. Информанты не объясняли его происхождение – вероятно, имеет прозвищную основу (вероятно, от заимствованного из русского языка бобыль).

Верене *V'er'e'p'e* Название нагорной части села Тешнярь. В эрзянских топонимических пространствах часто составляет дуальную систему с топонимом *Ало не*, как и в рассматриваемом случае. Название *Верене* происходит от эрзя-мордовских лексем: *вере* ‘вверху; сверху’ + *не* ‘конец’ = ‘верхний конец’.

Воловня *Va'lovn'a* Название урочища, происходит из русского языка, возникло в XX веке. На данном месте колхоз держал крупный рогатый скот.

Камчатка *Kamč'atka* Одна из улиц Тешняря, названная так вследствие своей отдалённости. Название-метафора.

Матьказ лисьма *Mat'kaz'li's'ma* Название родника у села Тешнярь. В основе топонима эрзянская лексема *метьказ* ‘ящерица’, *лисьма* стандартное обозначение родников в эрзянских топонимических пространствах.

Мельница *M'el'n'icä* В настоящее время так называется родник. Происхождение названия информанты объясняли тем фактом, что раньше на реке Тешнярь была водяная мельница. Топоним является адаптацией русского слова *мельница* в тешнярьском говоре.

Мельница пандо пря *M'el'n'icä 'panda pr'a* Возвышенность у одноимённого родника. В буквальном переводе *пандо пря* означает ‘вершина горы’, но, в ряде мордовских говоров, оно имеет значение ‘гора, возвышенность’. Сравните, например: в старобинарадском говоре мокшанского языка: *панда пря* ‘гора (вообще)’ [ПМА 3: Дудинская, Карамышева].

Овчарник *Afč'arnik* Название местности на окраине села, где раньше держали овец, происходит из русского языка.

Одарейка *Uda'r'ejka* Название одной из улиц в селе Тешнярь, в его основе лежат лексемы *од* – ‘новый’ и *эрай* – ‘житель’. Финаль *ка*, вероятно, возникла в процессе русификации названия.

Песык пандо пря *P'esyk 'panda pr'a* Название наиболее значительной из песчаных возвышенностей в окрестностях села Теш-

нярь. *Песык* – заимствование из русского языка в том же значении + *пандо пря* – устойчивое словосочетание для обозначения гор в тешнярьском говоре.

Петров пакся* *Petrou pak's'a Название одного из полей у села Тешнярь, ранее принадлежавшего помещикам Петровым. Название двусоставное: *Петров* – антропоним + общемордовское *пакся* – ‘поле’.

Пиче пандо пря* *Pič'e 'panda pr'a Название одной из возвышенностей у села Тешнярь. На её склонах произрастает сосновый бор, что и отразилось в названии: *пиче* – ‘сосна’ + *пандо пря* – ‘гора, возвышенность’.

Пой вирь угол* *Poj v'ir' 'ugol Название леса, в который жители села ездят за грибами. Топоним состоит из трёх лексем: эрзянской *пой* – ‘осина’, общемордовской *вирь* – ‘лес’ и заимствованной из русского языка *угол*. Последняя чаще всего встречается в эрзянских говорах в значениях ‘урочище’ или ‘окрестность’. Исходя из этого, можно предполагать, что изначально так назывался участок возле леса, а затем название было перенесено на весь лесной массив.

Полюбин пакся* *Pol'ub 'in pak's'a Название одного из полей, ранее принадлежавшего помещикам Полюбиным. Позднее на этом месте располагался посёлок, в котором проживало несколько семей. Название двусоставное: *Полюбин* – антропоним, произносится с тем же ударением, что и в русском языке + общемордовское *пакся* ‘поле’.

Попонь луга* *Porap' lu'ga Название поля, которое раньше принадлежало священнику. *Попонь* – заимствование из русского языка *поп* с общемордовской аффиксацией принадлежности, *луга* – раннее и широко распространённое как в эрзянских, так и в мокшанских говорах заимствование из русского языка со значением ‘луг’.

Потма* *Potma Название урочища в лесу. Ранее там существовал одноимённый населённый пункт. В соседнем эрзянском селе Вачелай это же место называется Тянауровка. Данная лексема в географическом значении в настоящее время в тешнярьском говоре не бытует, сохраняясь лишь в устойчивом словосочетании *ведь потма* – ‘дно реки’. При этом характеристики, приводимые информантами при

описании урочища Потма, в целом, соответствуют спектру значений, которые приводит для объяснения данного термина в мордовской топонимии Д.В. Цыганкин: ‘глубокое место в лесу’, ‘глубинка’, ‘скрытое место в лесу’ [17].

Расейка Ra'sejka Название улицы в селе. Его происхождение информанты объяснить затруднились, указав лишь, что это маленькая улица, там красивые дома, а проживают люди по фамилии Федяшкины. По нашему мнению, в основе названия лежит сельское прозвище, на что указывает характерная аффиксация.

Рузава латко Ru'zava 'latko Название одного из оврагов в окрестностях села Тешнярь. Топоним является двусоставным: общемордовское *рузава* – ‘русская женщина’ + *латко* – ‘овраг’. При объяснении топонима информанты привели две версии. Согласно первой, в данном овраге покончила жизнь самоубийством русская девушка, согласно второй, он получил своё название в честь русской женщины, которая долгое время управляла расположенным поблизости стеклозаводом. Вторая версия подтверждается исторически – стекольная фабрика у Тешняря была построена в 1835 г. русской купчихой Рассказовой из Пензы.

Стирьва латко St'ir'va 'latko Название оврага в окрестностях села. Информанты объясняют первую часть топонима *стирьва* как ‘пакость’, ‘падаль’ [ПМА 1: Очкина]. Когда-то давно в овраг свозили трупы погибших от болезней животных. Со временем это делать перестали, а затем и вовсе данная местность стала у сельчан любимым местом народных гуляний. Название представляет собой русско-эрзянский смешанный композит: *стирьва* – адаптированное заимствование из русского языка *стерва* ‘падаль, палая скотина’ + *латко* ‘овраг’.

Тешнярь T'eš'n'ür' В исследуемом топонимическом пространстве бытует два таких названия – гидроним и ойконим. Первичен потапоним. Его происхождение информантам неизвестно, по одной из местных версий, он восходит к эрзянской лексеме *теште* ‘звезда’. Эта лексема имеет в тешнярьском говоре ещё одно значение: так называется дикорастущее ядовитое растение, поедая которое,

погибает скот. Из-за зарослей данного растения жителям пришлось переносить село на новое место, первоначально оно располагалось на противоположном, левом берегу реки Тешнярь, а теперь находится на правом. Нам, однако, представляется более вероятной иная этимология, от лексем *тюжя* ‘жёлтый’ + *нярь* ‘мыс’. В современном тешнярьском говоре последняя лексема произносится по-эрзянски *нерь*. Течение реки Тешнярь извилисто, по её берегам часто встречаются песчаные холмы светло-жёлтого цвета, поросшие сосновым лесом, далеко вдающиеся в русло. Некоторые из них весьма значительны.

Томбаль *Tom'bal'* Название урочища в окрестностях села Тешнярь, информанты давали ему такую характеристику: «Это место такое, тут недалеко, через речку. Там топили коноплю (вымачивали – Н.Б.)» [ПМА 1: Очкин, Очкина]. Подобное название часто встречается в окрестностях эрзянских сёл. Чаще всего его значение – Заречье. В Тешняре также бытует мнение, что название этого места может происходить от того факта, что раньше там вымачивали конопляные стебли для получения пряжи. По-видимому, в основе народной этимологии лежит общемордовское *томбамс* – ‘толочь, мять’ (после вымачивания коноплю мнут). Однако значительный аналогичный материал по эрзянским топонимическим пространствам свидетельствует в пользу первой версии. Показателен пример из окрестностей села Александровка: Томбаль – название полей, расположенных по другую (от села) сторону железной дороги [ПМА 2: Крымкин, Михайлова]. Также Д.В. Цыганкин приводит значение для лексемы в ряде эрзянских говоров *томбаль* – ‘даль, дальняя сторона’ (оно также встречается в говорах эрзи Новомалыклинского района Ульяновской области). С урочищем Томбаль в Тешняре связано одно предание (информанты рассказывали его, как быль). Согласно ему, вода одного из местных родников опасна для здоровья, если её выпить в жаркий день, если же при этом ещё и заснуть, то можно не проснуться [ПМА 1: Очкин]. Прослеживаются параллели с местным топонимическим преданием о названии реки Тешнярь: левый берег реки в местном фольклоре ассоциируется с отравлением.

Узявка *U'z'avka* Название ручья, притока реки Тешнярь. Другая, параллельно бытующая форма названия – *Узявне*. В данных вариациях *-не* и *-ке* – различные аффиксы уменьшительности в эрзянском языке, также нельзя исключать, что форма *Узявка* – результат русификации топонима. Учитывая характеристики местности, в которой данный ручей впадает в реку Тешнярь, делая значительную петлю и фактически создавая вытянутый полуостров с узким перешейком, для этимологии названия предложим эрзянскую географическую лексему *усия* ‘остров’, ‘залив’. Тогда основа *узяв* = *усия* + аффикс прилагательной *в* – ‘островной, заливной’ (ручей).

Часовня *Č'a'sov'n'a* Название родника в окрестностях села. В нём считается хорошей, особенно интенсивно использовали данный родник во время работы стекольного завода. Название происходит из русского языка, видимо, когда-то при роднике была часовня (возможно, просто сруб с иконой). Такие названия нередки в эрзянской топонимии: сравните, родник *Часовня лисьма* в окрестностях села Нижние Кузлы Пономарёвского района Оренбургской области.

Шамухань *Šam'uhan' rak's'a* Название одного из тешнярьских полей. Информанты подчёркивали, что первая часть названия – немордовская, от фамилии или прозвища русского помещика, которому данное поле некогда принадлежало. Итак, в составе первой части топонима выделяется антропоним *Шамуха* + *нь* – общемордовский аффикс принадлежности; значение названия – ‘поле, принадлежавшее Шамухе’.

Широковка *Šyra'kofka* Название одной из улиц в Тешняре. Происходит из русского языка, по объяснениям информантов: «Широковка – потому что широкая» [ПМА 1: Акимова, Очкин] (нельзя исключать и антропонимное происхождение, от фамилии Широков).

Топонимическое пространство села Тешнярь по своим основным характеристикам находится ближе к эрзянским топонимическим пространствам, чем к мокшанским. К такому выводу приводит не только наличие в составе его географических названий исключительно эрзянской и общемордовской географической лексики, но и фиксация в нём типично эрзянских топонимных черт. Первое заме-

чение важно рассматривать именно в комплексе, поскольку в условиях типичной для Сосновоборского района мокшанско-эрзянской чересполосицы в ряд мокшанских говоров проникли эрзянские географические элементы и наоборот. Например, в мокшанском говоре села Пичилейка для обозначения оврагов бытует эрзянский географический термин *латко* вместо мокшанского *лотка*, что нашло отражение и в местной топонимии. В тешнярьском говоре, помимо общемордовских, встречаются только эрзянские географические термины: *латко* – ‘овраг’, *лей* – ‘река’, *лейне* – ‘ручей’, *лисьма* – ‘колодец’, *лисьмапря* – ‘родник’, *калмазырь* – ‘родовое место на кладбище’, *куринка* – ‘улица’, *чире* – ‘берег’.

В топонимии села Тешнярь присутствуют эрзянские черты: дуальная урбонимная система *Ало пе – Бере пе*, отмечены типичные для эрзянских сёл в целом географические названия *Попонь луга* и *Томбаль*, эрзянские лексемы в составе географических названий: *пой* – ‘осина’ (в мокшанском языке *пою*), *метьказ* ‘ящерица’ (*нетьказ*). Приведённые выше топонимные единицы села Тешнярь и его окрестностей, могут встречаться как в эрзянских, так и в мокшанских топонимических пространствах. Однако, частотность такой встречаемости в эрзянских топонимических пространствах на порядок выше. Так, Д.В. Цыганкин приводит в своей работе по топонимии Республики Мордовия три топонима *Попонь луга* – все они бытуют в окрестностях эрзянских сёл [17: 283]. Согласно нашим полевым исследованиям в мордовских сёлах Самарской области, в мокшанских топонимических пространствах подобные географические названия не фиксируются, при этом они отмечаются в эрзянских топонимических пространствах: в частности, у клявлинской и похвистневской эрзи, также один раз название фиксируется в форме *Поп луга*, между сёлами Ерзовка и Передовка, русско-эрзянским и эрзянским. Что касается топонима *Томбаль* и его вариаций: в мокшанских сёлах Самарского Поволжья подобные названия нами не отмечены [3], для эрзянских сёл региона топонимы *Томбаль* и *Томбалькс* типичны [1; 2]. Выборка по работе Д.В. Цыганкина дала следующие результаты: всего топонимов *Томбаль(кс)* на террито-

рии Мордовии учёным отмечено 18 единиц, из них 15 относятся к топонимическим пространствам эрзянских сёл (84%), 3 – мокшанских (16%). В данном случае показателен именно комплекс подобных названий: если вероятная встречаемость каждого из них по отдельности в мокшанских сёлах достаточно мала, то встречаемость в комплексе – практически нереальна. В то же время необходимо отметить, что топоним *Потма* значительно чаще встречается в мокшанских топонимических пространствах, чем в эрзянских, где, кроме того, он имеет форму *Потмо* [17, с. 285].

Одной из особенностей топонимии села является отантропонимное происхождение названий всех окружающих его полей, по фамилиям и прозвищам местных помещиков, владевших ими ранее. Субстратного топонимного слоя не выявлено, вся топонимическая номенклатура происходит из мордовских и русского языков, причём большинство топонимов, содержащих в составе русские лексемы, возникло в XX в. Надо отметить отсутствие в данном говоре заимствований из тюркских языков, как в топонимии, так и в географической лексике, что, в условиях длительного соседства с татарско-мишарскими сёлами [14] требует дополнительного анализа.

Наибольшую близость исследованное топонимическое пространство демонстрирует с топонимией сёл Ёга (эрзя) и Пичилейка (мокша), население которых исторически и в настоящее время активно взаимодействует между собой, что привело к взаимопроникновению в соответствующих говорах географической лексики и ряда топонимических универсалий. В других мордовских сёлах района – например, в Вачелае (эрзя) и Нижнем Катмисе (мокша) этноязыковые дифференцирующие признаки более выражены, в том числе, в топонимии.

Заключение

Проведённое исследование топонимии села Тешнярь и его окрестностей подтвердило характеристику, данную тешнярьскому говору О.Е. Поляковым [12], то есть, данный говор демонстрирует смешанные черты. В настоящее время этот говор по своим основ-

ным чертам ближе к эрзянскому языку, при этом отмечается бытование в нём некоторых мокшанских элементов – главным образом, в фонетике и в лексике. Можно полагать, что ранее таких элементов в исследуемом говоре было больше, но с течением времени они вытесняются и поглощаются эрзянским языком. На подобные явления в смешанных мокшанско-эрзянских сёлах указывал И.Г. Черапкин [19], а языковую ситуацию, схожую с наблюдаемой сегодня в селе Тешнярь, застал в начале XX века М.Е. Евсевьев в мордовских сёлах северо-востока Самарской области. Он отмечал, в частности, мокшанские языковые элементы в говоре села Сенькино [6], который ныне по всем характеристикам является эрзянским.

Немаловажным фактом является также эрзянская самоидентификация жителей села Тешнярь и самоопределение собственного говора как эрзянского.

Список литературы

1. Беленов, Н. В. (2021). Географическая лексика и топонимия старопенталинского говора эрзя-мордовского языка. *Вестник Новосибирского государственного университета*, 1, с. 67–80.
2. Беленов, Н. В. (2021). Географическая лексика клявлинского говора эрзя-мордовского языка. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 1, с. 28–35.
3. Беленов, Н. В. (2020). Топонимическое пространство мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области. *Этническая культура*, 1, с. 14–20.
4. Гагарина, Н. Е., Артамошкина, А. Д., & Кошелева, А. И. (2020). Пензенская мордва: эрзя и мокша как этнографическая группа. *Вестник Пензенского государственного университета*, 1, с. 3–8.
5. Евсевьев, М. Е. (1966). Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. В *Избранные труды* (Т. 5, с. 342–384). Саранск: Мордовское книжное издательство.
6. Евсевьев, М. Е. (1914). *Отчет о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка*. Казань: [б/и], 17 л.

7. Ермушкин, Г. И. (1984). *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: (эрзя-мордовский язык)*. Москва: Наука, 141 с.
8. Керг, Г. М. (2009). *Саамская топонимная лексика*. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 179 с.
9. Ломакина, Т. И. (1964). Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк). В *Очерки мордовских диалектов* (Т. IV, с. 289–330). Саранск: Мордовское книжное издательство.
10. Первушкин, В. И., & Прошкин, В. Я. (2010). *Мордва Пензенской области*. Пенза: [б/и], 124 с.
11. Полубояров, М. С. (2010). *Древности Пензенского края в зеркале топонимики*. Москва: ФОН, 224 с.
12. Поляков, О. Е. (1987). О языковых особенностях мордвы Пензенской области. В *Устно-поэтическое творчество мордовского народа* (Т. XI, с. 17–18). Саранск: Мордовское книжное издательство.
13. Поляков, О. Е. (2005). Языковые особенности мордвы, проживающей за пределами Республики Мордовия. В *Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре* (с. 130–134). Саранск: НИИГН при правительстве РМ.
14. Поляков, О. Е., & Леткина, Н. В. (2022). Тюркский компонент в топонимической лексике мордовских языков. *Вестник угроведения*, 3, с. 506–513.
15. Поляков, О. Е., Леткина, Н. В., & Иванова, Г. С. (2019). Топонимы мордовского происхождения в «Историческом словаре топонимов Симбирской губернии» (1859–1913 гг.). *Вестник угроведения*, 9(4), с. 702–709.
16. Феоктистов, А. П. (1964). Проект программы по изучению мордовской ономастики. В *Вопросы финно-угорского языкознания* (с. 213–220). Москва: Наука.
17. Цыганкин, Д. В. (2005). *Память, запечатлённая в слове: словарь географических названий Республики Мордовия*. Саранск: Красный Октябрь, 432 с.
18. Цыганкин, Д. В., & Мосин, М. В. (2015). *Этимологиянь валкс*. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 224 с.

19. Черапкин, И. Г. (1930). Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губернии. В *Мордовский сборник* (с. 19–33). Саратов: Правление СГУ.
20. Harva, U. (1952). *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*. Helsinki, 456 s.
21. Heikel, A. O. (1896). *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja*. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 43 s.
22. Paasonen, H. (1953). *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 155 p.
23. Paasonen, H. (1903). *Mordwinische Lautlehre* (MSFOu XXII). Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 123 p.
24. Paasonen, H. (1990–1996). *Mordwinische Wörterbuch* (Vols. 1–4). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. Vol. 1 (1990), 557 p. Vol. 2 (1992), 558–1305 p. Vol. 3 (1994), 1306–1927 p. Vol. 4 (1996), 1927–2703 p.

Полевые материалы автора

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Тешнярь Сосновоборский р-н Пензенской обл. Июнь 2022 г. (информанты: Е. Ф. Очкина, 1967 г. р.; А. Очкин, 1966 г.р.; С.А. Акимова 1974 г.р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Александровка Новомалыклинский р-н Ульяновской обл. Апрель 2023 г. (информанты: Л. Михайлова, 1966 г.р., А.И. Крымкин, 1946 г.р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Старая Бинарад-ка Красноярский р-н Самарской обл. Апрель 2019 г. (информанты: Л. И. Дудинская, 1960 г. р.; Л. Н. Карамышева, 1968 г.р.).

References

1. Belenov, N. V. (2021). Geographical vocabulary and toponymy of the Staroshentalinsky dialect of the Erzya-Mordovian language. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1, 67–80.
2. Belenov, N. V. (2021). Geographical vocabulary of the Klyavlinisky dialect of the Erzya-Mordovian language. *Filologicheskie Nauki. Nauchnye Doklady Vysshey Shkoly*, 1, 28–35.
3. Belenov, N. V. (2020). Toponymic space of the Moksha-Mordovian vil- lage of Blagodarovka, Borsky District, Samara Region. *Etnicheskaya Kultura*, 1, 14–20.

4. Gagarina, N. E., Artamoshkina, A. D., & Kosheleva, A. I. (2020). Penza Mordvins: Erzya and Moksha as an ethnographic group. *Vestnik Penzenskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1, 3–8.
5. Evseviev, M. E. (1966). Brotherhood feasts and other religious rites of the Mordvins of Penza Province. In *Selected Works* (Vol. 5, pp. 342–384). Saransk: Mordovian Book Publishing House.
6. Evseviev, M. E. (1914). *Report on a business trip to Samara and Kazan Provinces to study the dialects of the Mordovian language*. Kazan: [n.p.], 171.
7. Ermushkin, G. I. (1984). *Areal studies on Eastern Finno-Ugric languages: (Erzya-Mordovian language)*. Moscow: Nauka, 141 p.
8. Kert, G. M. (2009). *Saami toponymic vocabulary*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 179 p.
9. Lomakina, T. I. (1964). Gorodishchensky dialect of the Moksha-Mordovian language (brief phonetic sketch). In *Essays on Mordovian Dialects* (Vol. 4, pp. 289–330). Saransk: Mordovian Book Publishing House.
10. Pervushkin, V. I., & Proshkin, V. Ya. (2010). *Mordvins of Penza Region*. Penza: [n.p.], 124 p.
11. Poluboyarov, M. S. (2010). *Antiquities of Penza Region in the mirror of toponymics*. Moscow: FON, 224 p.
12. Polyakov, O. E. (1987). On linguistic features of the Mordvins in Penza Province. In *Oral and Poetic Creativity of the Mordovian People* (Vol. 11, pp. 17–18). Saransk: Mordovian Book Publishing House.
13. Polyakov, O. E. (2005). Linguistic features of Mordvins living outside the Republic of Mordovia. In *Ethnocultural Processes in the Mordovian Diaspora* (pp. 130–134). Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia.
14. Polyakov, O. E., & Letkina, N. V. (2022). Turkic component in the toponymic lexicon of Mordovian languages. *Vestnik Ugrovedeniya*, 3, 506–513.
15. Polyakov, O. E., Letkina, N. V., & Ivanova, G. S. (2019). Toponyms of Mordovian origin in the *Historical Dictionary of Toponyms of Simbirsk Province (1859–1913)*. *Vestnik Ugrovedeniya*, 9(4), 702–709.
16. Feoktistov, A. P. (1964). Draft program for the study of Mordovian onomastics. In *Issues of Finno-Ugric Linguistics* (pp. 213–220). Moscow: Nauka.

17. Tsygankin, D. V. (2005). *Memory imprinted in words: Dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia*. Saransk: Krasnyy Oktyabr, 432 p.
18. Tsygankin, D. V., & Mosin, M. V. (2015). *Etimologiyany'valks* [Etymological dictionary]. Saransk: Mordovian State University Press, 224 p.
19. Cherapkin, I. G. (1930). Dialects of the Moksha Mordvins of former Penza Province. In *Mordovian Collection* (pp. 19–33). Saratov: Saratov State University Administration.
20. Harva, U. (1952). *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen* [The religious beliefs of the Mordvins]. Helsinki, 456 p.
21. Heikel, A. O. (1896). *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja* [Mordvinian costumes and patterns]. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 43 p.
22. Paasonen, H. (1953). *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss* [Mordvinian chrestomathy with glossary and grammatical outline]. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 155 p.
23. Paasonen, H. (1903). *Mordwinische Lautlehre* [Mordvinian phonetics] (MSFOu XXII). Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 123 p.
24. Paasonen, H. (1990–1996). *Mordwinische Wörterbuch* [Mordvinian dictionary] (Vols. 1–4). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. Vol. 1 (1990), 557 p. Vol. 2 (1992), 558–1305 p. Vol. 3 (1994), 1306–1927 p. Vol. 4 (1996), 1927–2703 p.

Field materials of the author

Field materials of the author – *Jekspedicija v s. Teshnjar' Sosnovoborskij r-n Penzenskoj obl. Ijun' 2022 g. Informant: E. F. Ochkina, 1967 g. r.; A. Ochkin, 1966 g.r.; S.A. Akimova 1974 g.r.* [Expedition to the Teshnjar settlement, Sosnovoborsky District, Penza Oblast, June 2022. Informant: E. F. Ochkina, 1967 year of birth, A. Ochkin, 1966 year of birth, S.A. Akimova, 1974 year of birth].

Field materials of the author – *Jekspedicija v s. Aleksandrovka Novomalyklinskij r-n Ul'janovskoj obl. Aprel' 2023 g. (informanty: L. Mihajlova, 1966 g.r., A.I. Krymkin, 1946 g.r.* [Expedition to the Aleksandrovka settlement, Novomalyklinsky District, Ulyanovsk Oblast, April 2023. Informant: L. Mihajlova, 1966 year of birth, A.I. Krymkin, 1946 year of birth].

Field materials of the author – *Ekspeditsiya v s. Staraja Binaradka Krasnoyarskogo rayona Samarskoy obl., Aprel' 2019 g. Informant: L. I. Dudinskaya, 1960 g. r., L. N. Karamysheva, 1968 g. r.* [Expedition to the Staraja Binaradka settlement, Krasnoyarsky District, Samara Oblast, April 2019. Informant: L. I. Dudinskaya, 1960 year of birth, L. N. Karamysheva, 1968 year of birth].

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании
Самарский государственный социально-педагогический университет
ул. М. Горького, 65/67, г. Самара, 443099, Российская Федерация
belenov82@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikolay V. Belenov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Information and Communication Technologies in Education
Samara State Social and Pedagogical University
65/67, M. Gorky Str., Samara, 443099, Russian Federation
belenov82@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Поступила 02.10.2025
После рецензирования 11.10.2025
Принята 29.10.2025

Received 02.10.2025
Revised 11.10.2025
Accepted 29.10.2025

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-512 EDN: ZNNDLW

УДК 811.161.1'04:81'373:811.161.1:61:81.23

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В МЕДИЦИНСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Н.А. Буданова, М.И. Волович

Аннотация

Обоснование. С языковой точки зрения тексты по медицине интересны в первую очередь как материал для изучения медицинской терминологии, чему посвящено много научных работ, в том числе в области исторического терминоведения. В данной статье обосновывается, что общеупотребительная лексика исторических медицинских текстов имеет свои особенности и вызывает научный интерес. Объектом исследования является развитие нетерминологической лексики русского литературного языка первой половины XIX века на материале научных медицинских текстов.

Цель работы – анализ общеупотребительной лексики исторических текстов в лексикографическом, лексико-семантическом, словообразовательном аспектах.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили научные медицинские тексты XIX в. по фармакологии Александра Петровича Нелюбина (1785-1858) и Петра Федоровича Горянинова (1796-1865) – профессоров Императорской С.-Петербургской медико-хирургической академии – высшего специального учебного заведения Российской империи. Сравнительно-исторический метод, который использовался при работе с материалом XIX в., способствовал достижению цели работы, а также снятию возможных лингвистических трудностей при чтении конкретных исторических текстов современным читателем.

Результаты. Сопоставительный анализ нетерминологических слов проводился с двух сторон: на соответствие литературным нормам XIX в. и в сравнении с нормами современного русского литературного языка. Результат работы показал, что в научных медицинских дореволюционных текстах встречаются написания слов, не соответствующие орфографическим правилам XIX в., выявленные несоответствия немногочисленны.

В ходе исследования были выявлены следующие отклонения от орфографических норм XIX в.: написание слов «врач», «медицина», «профессор», «хирург», «фитолог» со строчной буквы; написание слова «эфир» через букву «ф»; написание приставок раз-, из-, воз- с буквой «з» в словах, где после приставки пишется глухой согласный, кроме буквы «с»; двойное написание некоторых слов. Правописание, отличное от нормированного, объясняется несколькими причинами: процессом демократизации русского литературного языка XIX в., сосуществованием двух равноправных вариантов правописания, авторскими ошибками, опечатками при наборе текстов в типографии.

Анализ лексико-семантических особенностей нетерминологических слов в научных медицинских текстах показал, что изменения лексического значения и стилистической принадлежности слов отражают общий процесс демократизации русского литературного языка XIX в., который проявился сокращением церковнославянской лексики и заимствованных слов и включением в его состав диалектно-просторечных и разговорных элементов.

Ключевые слова: медицинские тексты по фармакологии XIX в.; нетерминологическая лексика; дореформенная орфография; лексическое значение слова; церковнославянизмы; устаревшая лексика

Для цитирования. Буданова, Н. А., & Волович, М. И. (2025). Нетерминологическая лексика в медицинских научных текстах первой половины XIX в. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 72–92. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-512>

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

NON-TERMINOLOGICAL LEXIS IN MEDICAL SCIENTIFIC TEXTS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

N.A. Budanova, M.I. Volovich

Abstract

Background. From a linguistic point of view, medical texts are interesting primarily as a material for studying medical terminology, which is the subject of many scientific papers, including in the field of historical terminology. This article substantiates that the commonly used vocabulary of historical medical texts has its own characteristics and is of scientific interest. The object of the research is the development of non-terminological vocabulary of the Russian literary language of the first half of the 19th century based on scientific medical texts. The purpose of the work is to analyze the commonly used vocabulary of historical texts in lexicographic, lexico-semantic, and word-formation aspects.

Materials and methods. The research material was the scientific medical texts of the 19th century on pharmacology by Alexander P. Nelyubin (1785-1858) and Pyotr F. Goryaninov (1796-1865) – professors of the Imperial St. Petersburg Medical-Surgical Academy – the highest specialized educational institution of the Russian Empire.

The comparative-historical method, which was used when working with the material of the 19th century, contributed to achieving the goal of the work, as well as removing possible linguistic difficulties when reading specific historical texts by a modern reader.

Results. A comparative analysis of non-terminological words was carried out from two sides: for compliance with the literary norms of the nineteenth century and in comparison with the norms of the modern Russian literary language. The result of the work showed that in scientific medical pre-revolutionary texts there are spellings of words that do not comply with the spelling rules of the nineteenth century, the inconsistencies identified

are few. The study revealed the following deviations from the orthographic norms of the 19th century: spelling of the words “doctor”, “medicine”, “professor”, “surgeon”, “phytologist” with a lowercase letter; spelling of the word “ether” with the letter “f”; spelling of the prefixes raz-, iz-, voz- with the letter “z” in words where a voiceless consonant is written after the prefix, except for the letter “s”; double spelling of words. Spelling that differs from the standard is explained by several reasons: the process of democratization of the language of the 19th century, the existence of two equal spelling variants, author’s errors, and typos when typesetting texts in a printing house.

The analysis of lexical and semantic features of non-terminological words in scientific medical texts has shown that changes in the lexical meaning and stylistic affiliation of words reflect the general process of democratization of the Russian literary language of the 19th century, which manifested itself in the reduction of Church Slavonic vocabulary and loanwords and the inclusion of dialectal, vernacular and colloquial elements in its composition.

Keywords: 19th-century medical texts on pharmacology; non-terminological vocabulary; pre-reform spelling; lexical meaning of the word; Church Slavonicisms; obsolete vocabulary

For citation. Budanova, N. A., & Volovich, M. I. (2025). Non-terminological lexis in medical scientific texts of the first half of the 19th century. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 72–92. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-512>

Введение

Изучению медицинской терминологии посвящено много научных статей, написано более 30 кандидатских и докторских диссертаций [1; 6; 20; 24]. Медицинские тексты XIX в. также служили материалом для изучения развития медицинской терминологии в русском литературном языке, предметом исследования были, например, названия болезней [3]. Известно, что слова со временем могут устаревать, становясь архаизмами или историзмами; изменять свою сочетаемость; изменения могут касаться и лексического значения [2; 19], а неточное понимание слов затрудняет и даже искажает восприятие любого текста, что является нежелательным

особенно для текста научного. В России в XIX в. уже был сформирован научный стиль русского литературного языка, в котором «коммуникативные условия научного общения, воздействия на разум и задачи сформулировать и обосновать гипотетические положения, продемонстрировать полученные результаты, информировать о них и т.д. диктуют такие свойства стиля, как точность, логичность, объективность» [10, с. 32]. Актуальность работы связана с необходимостью изучения сохранившихся научных медицинских текстов XIX в.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили медицинские тексты XIX в. по фармакологии А.П. Нелюбина («Фармакографія. Химико-фармацевтическое и фармако-динамическое изложение приготовления и употребленія новѣшихъ лѣкарствъ», Т.1, 1834 г. и Т.2, 1835 г.) и П. Ф. Горянинова («Фармакодинамика или ученіе о дѣйствиіи и употребленіи врачебныхъ средствъ», ч.2, 1853 г. и «Грибы, плѣсени и пылевики въ медико-полицейскомъ и другихъ отношеніяхъ», 1848 г.). Данные тексты предназначались не только для узкого круга специалистов, врачей, но также использовались в качестве учебных пособий для студентов-медиков, поэтому их можно отнести к научно-учебному подстилю. В России начиная с XVIII в. медицинское образование очень медленно переходило на национальный язык: защищать диссертации на русском языке было разрешено только в 1855–1860 гг. «истории болезни во второй половине XIX века велись на латинском языке» [26, с. 35]. В начальный период развития медицинского образования в России печатались переводные тексты европейских авторов. По мере развития науки и практики русские врачи стали создавать оригинальные учебные пособия на русском языке. Именно оригинальные тексты двух русских врачей XIX в. и являются фактическим материалом нашего исследования.

Применение сопоставительного метода позволило проследить изменения нетерминологической лексики русского литературного языка в период с XIX в. до наших дней.

Результаты

1. Изучаемые тексты написаны в соответствии с нормами дореформенной орфографии русского языка. В текстах употребляются 4 буквы исторической кириллицы: І і – «и десятеричное»; Ъ ъ – «ять»; Ъ ъ – «ер», Ѡ, ѡ – «фита». 10 октября 1918 г. в России был принят «Декрет о введении новой орфографии», в котором были изложены новые правила правописания, направленные на упрощение русского письма. Реформа готовилась еще до революции и связана с именами выдающихся филологов того времени Ф.Ф. Fortunatovым и А.А. Шахматовым. В результате орфографической реформы из русского алфавита исключались следующие буквы: буква І с последовательной заменой на И; буква Ъ с заменой на Е; буква Ѡ с заменой на Ф; буква Ъ в конце слов и частей сложных слов [25].

«Фита» в XIX в. использовалась в словах, заимствованных напрямую из греческого языка. В наших текстах эта буква встречается только в двух случаях: в имени «Фома» и в слове «эфир» (и его производных): «Но особенное заслуживают вниманіе наблюденія Кромбгольца надъ 58-лѣтнимъ Прагскимъ наемщикомъ, *Ѡмою* Смолякомъ...» [12, с. 24]; «Наркотинъ в жирныхъ и *эфирныхъ* маслахъ растворяется» [22, с. 51].

Слова «Фома» и «эфир» — заимствования из греческого языка, о чем указано в словаре В.И. Даля, по правилам XIX в. слово «эфиръ» пишется с буквой «фита» [17, с. 666]. Однако в наших текстах можно увидеть написание слова, когда буква Ѡ («фита») заменяется буквой Ф («ферт»). Например, «фита» используется в «Фармакодинамике» в словах «эфиръ», «эфирование», «эфирный»: «отличіе отъ *эвира*» [13, с. XI], «свойства *эф. маслъ*» [13, с. X]. В этом же тексте дальше слово пишется через букву «Ф»: «Чай содержитъ въ себѣ: *acid.tannicum* (13 – 17 проц.) *эфирное* масло (0, 008)...» [13, с. 160]. В «Фармакографии» слово также пишется двояко: «На 4 унціи въ тонкій порошокъ стертого опія, наливаются 8 унцій сѣрнаго *эвира*...» [22, с. 48], «Потомъ отстоявшійся *эфир* слей въ особую склянку...» [22, с. 2]. В произведении «Грибы, плесени и пылевики» уже на одной странице мы видим двоякое написание: «эфир»

и «ээирь» [12, с. 32]. Таким образом, можно утверждать, что буква «фита» постепенно вытесняется из русского алфавита уже в первой половине XIX в., до проведения орфографической реформы русского языка и официального исключения этой буквы из алфавита. Исчезновение «фиты», вероятно, связано с небольшим количеством слов в русском языке, где она должна была употребляться, нивелированием зависимости правописания слова от его происхождения и существованием в русском алфавите буквы «ферт», обозначающей сходный звук [ф].

2. В соответствии с правилами XIX в. слово «госпиталь» склоняется как существительное женского рода: «За 20 лѣтъ предъ симъ растворъ солянокислаго цинка былъ впервые употребленъ въ золотухѣ, въ С. Петурбургской Морской *госпитали*» [21, с. 130].

3. Согласно правилам дореформенной орфографии, которые в XIX в. были систематизированы и изложены А.Х. Востоковым в «Сокращённой русской грамматике», слова определенных категорий необходимо было писать с прописной буквы [9, с. 143-145]. В наших текстах это следующие категории: А) обозначения чинов, должностей (Академик, Профессор); Б) названия профессий (Доктор, Врач, Химик, Аптекарь, Естествоиспытатель, Писатель, Лекарь, Алхимик); В) названия наук (Медицина, Химия, Наука, Алхимия); Г) названия жителей стран и городов (Русские, Итальянцы, Французы, Римляне, Англичанин); Д) имена прилагательные, образованные от этих существительных (Медицинский, Врачебный, Швейцарский, Английский, Немецкий, Европейский); Е) Государство. Вероятно, написание с большой буквы этих слов было связано с намерением подчеркнуть социальную значимость людей сословного общества XIX в. [11]. В то же время можно увидеть и отход от этих правил. Например, П.Ф. Горянинов в книге «Грибы, плесени и пылевика...» допускает написание подобных слов со строчной буквы: «...это и заставляло многих *фитологовъ* пренебрегать изслѣдованіемъ грибовъ, требующихъ микроскопа» [12, с. 4]; «Желая обратить вниманіе соотечественников и особенно *врачей* на этотъ обширный класс...» [12, с. 4]; «Мерн, *хирургъ* XVIII

столѣтія...» [12, с. 9]; «Нѣтъ сомнѣнія, что многія грибы со временемъ обогатятъ *медицину* специфическими средствами» [12, с. 17]. Также встречается двойное написание слова в одном тексте и даже на одной странице. Например, слово «профессор»: «Прагскій *Профессоръ* Кромбюльцъ» и «Спустя часъ, *профессоръ*, почувствовали легкий обморокъ» [12, с. 21]. В произведениях других авторов также встречаются отступления от правила: «Урбан, *германскій врачъ*, употреблялъ растворъ поваренной соли для разрушенія яда въ ранахъ» [13, с. 14]: «Корень былъ изслѣдованъ и др. *химиками*» [13, с. 333]; «... но и опыты *проф.* Варвинскаго въ Москвѣ надъ отчаянными холерными не приносили существенной пользы» [13, с. 13].

Написание со строчной буквы слов *врач, хирург, медицина, профессор, фитолог* указывает на процесс демократизации русского литературного языка XIX в., который отмечают многие исследователи [5; 10].

В исследуемых текстах названия всех химических элементов (*Бромъ, Эметинъ, Морфій, Лактукарій* и др.) пишутся с заглавной буквы. Возможно, такое написание было перенесено в русскоязычные медицинские тексты по аналогии с текстами на латинском и немецком языках, которые с XVIII в. использовались в медицинском образовании в России. В современной медицине в фармацевтических названиях и в рецептах на латинском языке с заглавной буквы традиционно пишутся названия лекарственных средств, лекарственных растений и названия химических элементов.

4. Правила написания некоторых приставок на -з в XIX в. не предполагали оглушения перед последующим глухим согласным, в отличие от современного правописания. Приставки без-, через- (чрез-) в XIX в. всегда имели на конце букву «з». В исследуемых текстах все слова с этими приставками написаны в соответствии с правилом: *безполезный, безпокойствіе, безкровный, безконечно, безтактный, безсонница, безсиліе, безпредѣльный, безчувствіе, безплодіе, безпамятство, черезчуръ, чрезполосица*.

Приставки из-, воз-, раз-, роз-, низ- сохраняли -з только перед следующей -с. Большинство слов написано согласно этому правилу:

изслѣдовать, возсоединить, возстановленіе, разсуждать, разстроить, разстояніе, разсказъ, разслабляющее, разсыпанный. Однако в текстах встречается написание этих приставок с буквой -з перед другими согласными, (*изчезающій, изцѣляютъ, разширенія, разширять, распознаваніе*), что противоречит правильному написанию, зафиксированному в «Толковом словаре» В.И. Даля, но может объясняться перенесением правила правописания приставок на -з перед -с на другие слова с этой приставкой перед глухими согласными.

Написание приставки раз- перед глухими согласными в словах *расширять* и *распознавать* не соответствовало правилам XIX в.: «Какъ извѣстная степень теплоты составляетъ необходимое условие жизнѣдѣтельности, такъ вліяніе холода первоначально угнетаетъ дѣятельность, ..., уменьшаетъ *разширенія*, полноту, объемъ частей...» [13, с. 26]. «Зная вообще свойства теплоты *разширять*, разжижать, проникать скорѣе или медленѣе всѣ тѣла и уравновѣшиваться...» (13, с. 284). В словаре В.И. Даля *расширять* написано с приставкой рас-: «*ширять, ширить* что чѣм, расширять, простирать, широко раскатывать, развѣшивать, распускать» [17, с. 634]. Горяинов П.Ф. пишет слово с приставкой рас: «*расширеніе* зрачка» [12, с. 25], этот вариант в дальнейшем сохранился как нормативный. Таким образом, мы опять фиксируем двоякое написание, что говорит о неустойчивости норм.

Слово *распознавание* по правилам XIX в. должно писаться с приставкой «рас»: «*Распознавать...*, раз(отл)личить, разобрать по признакамъ и примѣтамъ... *распознаваніе...*» [17, с. 69]. Однако в тексте обнаружено неправильное написание: «...и когда *распознаваніе* причинъ не затруднительно...» [13, с. 301].

Написание приставки из- в словах *изцѣляютъ, изчезать* также не соответствовало правилам XIX в. [15, с. 65]: «... а собственно дѣятельностию организма умноженная теплота и обильный потъ нерѣдко облегчаютъ или *изцѣляютъ* одержимыхъ тяжкими болѣзнями...» [13, с. 284]; «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мѣстное употребленіе теплоты дѣйствуетъ на отдаленные органы, такъ на пр. можемъ возстановить *изчезающую* дѣятельность сердца...» [13, с. 285].

Двойное написание одного и того же слова в одном тексте одного автора может объясняться не только неустойчивостью нормы правописания, но и опечаткой: «Но сколько и печальных *произшествій* от грибовъ!» [12, с. 17]; «Ядовитыя свойства *адскаго боleta* указаны недавно въ слѣдующихъ *произшествіяхъ*...» [12, с. 21]. В словаре Даля правописание указывается с буквой «с»: *произшествіе* [16, с. 487]. Двойное написание суффикса -янн- в слове *стеклянный* в «Фармакографии» А.П. Нелюбина: «Возьми слабой сѣрной кислоты произвольное количество, приведи оною в кипѣніе въ *стеклянномъ* сосудѣ...» [21, с. 124]; «Двѣ части (унціи) лучшей и очищенной Берлинской лазури и одна часть (унція) ртутной красной окиси ...варятся въ *стеклянномъ* или *глиняномъ* сосудѣ» [21, с. 138].

5. В текстах выявлено двойное написание слов со значением противодействия и противоположности: с приставкой *противу-* (*противугнилостныя лекарства, противупоказанія, противувоспалительное дѣйствіе, противуядіе, противусудорожное дѣйствіе*) и с приставкой *противо-* (*противоглистныя средства, противопоказанія, противодѣйствовать*). Такое сосуществование демонстрирует процесс вытеснения одного варианта другим. В современном русском языке для написания приставки с этим значением сохранился только один вариант — *противо-* [23, с. 624].

6. Правописание некоторых наречий в XIX в. также не было четко регламентировано, что приводило к различному их написанию. В словаре В. Даля наречие «льзя» обозначает «можно», противоположное значение имеет значение «нельзя», оно пишется слитно [15, с. 277]. В исследуемых текстах встречается как слитное, так и раздельное написание: «Если по какимъ либо причинамъ больному *нельзя* давать Юда внутрь, то лечѣніе зоба...» [21, с. 36]; «*Нельзя* не согласиться, что ни одно изъ растительныхъ произведеній не было столь часто разлагаемо...» [22, с. 13)]. Кроме этого, встретилось написание наречия «не можно»: «*Неможно* ожидать отъ него никакой пользы в болѣзняхъ изнурительныхъ...» [21, с. 81].

Встретилось два варианта написания наречия «досуха»: «Сей растворъ выпари *до суха*» [21, с. 21] и «Зеленоватый растворъ слѣ-

дуеть процѣдить и выпарить *досуха*» [21, с. 79]. Правильное написание – «досуха» [14, с. 481].

Присутствие вариативности написания слов указывает на то, что русская орфография на этапе XIX в. продолжала свое развитие, испытывая воздействие разных факторов: «это и влияние живой речи, приводящее к возникновению фонетических написаний, и традиции книжного произношения или церковнославянской письменной нормы, определяющие написания традиционные» [18, с. 37]. Возможной причиной может быть и «человеческий фактор», который приводил к ошибкам в текстах.

7. Академик В.В. Виноградов, указывая на процесс демократизации литературного языка в XIX в. отмечает, что «процесс образования «нового слога русского языка» был связан с борьбой против старой книжной традиции, носившей еще слишком глубокий отпечаток церковнославянского влияния» [7]. В языке науки это влияние сохранялось вплоть до конца XIX в., что доказывает многочисленное употребление слов церковнославянского происхождения. В современном языке эти слова являются устаревшими: «*Дабы соль сію* получить совершенно чистою, *надлежитъ* растворить *оною* въ перегнанной водѣ и снова выкристаллизовать, что повторяется отъ 2 до 3-хъ разъ, *особливо* при излишествѣ употребленной для насыщениа щелочи» [21, с. 20]; «Кристаллы бываютъ непрозрачны и *млечнаго цвѣта*» [21, с. 22]. Эти слова все еще входят в современный русский литературный язык, хотя остаются на его периферии. Они встречаются в литературных произведениях XIX в., а также в современных произведениях для стилизации эпохи того времени.

В исследуемых текстах активно используются глаголы церковнославянского происхождения, которые позже вышли из употребления. Например, *поспѣшествовать*, *вспомоществовать*, *сходствовать*, *различествовать*, *приличествовать*, *воспоследовать*.

Поспѣшествовать обозначает «способствовать, пособлять, содѣйствовать» [16, с. 340]: «Не менѣе того оказываетъ дѣйствіе свое на лимфатическую систему желѣзь и *поспѣшествуетъ* отдѣленію влагъ...» [21, с. 29].

Глагол *вспомоществовать* является однокоренным с глаголом «вспомогать», («вспомочь), оказать помощь» [14, с. 269]: «Наружное употребление Иода во всякомъ случаѣ *вспомоществуетъ* внутреннему его употребленію и ускоряетъ излѣченіе зоба» [21, с. 35].

«*Сходствовать* съ чѣмъ, уподобляться, быть схожимъ» [17, с. 370]: «Хлоръ, безъ сомнѣнія, кромѣ физическихъ качествъ и химическихъ свойствъ, весьма *сходствуетъ* с Иодомъ вкусомъ, запахомъ и способностью соединяться съ водотворомъ...» [21, с. 62].

«*Различествовать* от чѣго, различаться, несходствовать» [17, с. 33]: «Вещество..., имеющее большое сходство съ сулемою и отъ одной *различествующее* только тѣмъ, что отъ прибавленія селитряной равно как и сѣрной кислоты, даетъ Бромъ» [21, с. 79].

«*Приличествовать*, быть приличну, сообразнымъ, соответствовать, отвѣчать; быть кстати» [16, с. 423]: «Бромисто-желѣзные составы, всего болѣе *приличествуют* в болѣзняхъ лимфатической системы» [21, с. 84].

«*Воспослѣдовать*, послѣдовать» [14, с. 250]: «...отъ чего *воспослѣдуетъ* осажденіе золота въ металлическомъ видѣ» [21, с. 93].

8. Некоторые слова, используемые в текстах XIX в. сузили свое лексическое значение. В процессе исторического движения наблюдается сужение лексического значения у прилагательных *героический, счастливый, приличный*, в связи с чем изменилась их сочетаемость с другими словами.

«При употребленіи сихъ *героическихъ средствъ*, требуется величайшая осторожность» [22, с. 40]. «Но могут представиться условія, при которыхъ одинъ-два приѣма *героическаго* и настойчивое употребление слабѣе-дѣйствующаго *средства* не причиняютъ значительнаго вреда, когда уже знаемъ динамику средствъ...» [13, с. II]. В XIX в. такое употребление считалось нормой и имело значение «решительное, смелое употребление лекарства»: «*Геройскій*, славный, отважный, отчаянно-смѣлый, доблестный. *Героическій*, то же; относящійся къ героямъ;|о врачевн. снадобѣ: отважный, рѣшительный...» [14, с. 349].

«Послѣ многихъ *счастливыхъ опытовъ*, учиненныхъ надъ болыными, Мажанди убѣдился, что соли сіи соединяють въ себѣ, такъ

сказать, всѣ выгоды, ожидаемыя отъ употребленія опія, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій» [22, с. 31]; «Проф. Чаруковскій часто употреблялъ эту смѣсь съ счастливымъ успехомъ въ хроническихъ запущенныхъ болѣзняхъ» [13, с. 18]; «Зобъ... весьма счастливо излѣчивается Иодомъ» [21, с. 34]; «Большой лѣчимъ былъ отъ зоба около 5-ти летъ многими Врачами съ перемѣннымъ счастьемъ» [21, с. 38]. В исторических текстах прилагательное «счастливый» употребляется в значении «кому все удается, удачный, удачливый, желанный, благополучный, принесший угодное» [17, с. 371].

Прилагательное *приличный* в XIX веке имело значении «соответственный, сообразный» [16, с. 423]: «Питье это составляет самое нѣжное соляное лекарство, назначаемое при болѣзненной чувствительности желудка, и вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не достаточно еще обнаружился характеръ лихорадки, и другія соляныя лекарства были бы неприличны.» [13, с. 22]; «Въ противномъ же случаѣ остаются въ остаткѣ примѣшанныя соли, коихъ качество не трудно опредѣлить помощью *приличныхъ критерій*» [21, с. 25]; «*приличная форма*» (лекарства) [21, с. 28]. В современном языке значение сузилось до «соответствующий приличиям» [23, с. 549], поэтому в значениях «приличные лекарства, критерии и форма лекарства» не употребляется.

Среди существительных также есть слова, которые сузили свое лексическое значение, например, слово *пособие*: «Больной, оставшійся без *пособій*, подвергается обморокам...» [12, с. 19]. Здесь слово *пособие* обозначает «помощь»: действие по значению глагола «*пособлять*, иногда посабливать, пособить... помогать, дать помощи, оказать пособіе» [16, с. 338]. В современном русском языке *пособие* обозначает денежную помощь: «пособие по инвалидности, пособия многодетным матерям, выходное пособие» и «учебную книгу, а также предмет, необходимый при обучении чему-н.» [23, с. 56].

9. Некоторые слова не только изменили свое лексическое значение, но и вышли из употребления в современном русском языке. Например, *воспященіе*: «Дно сосуда болѣе разогрѣвается, нежели края онаго, для *воспященія* восхожденія соли къверху» [21, с. 20].

Воспящать, воспятить значит «обращать вспять, по(от)пятить, осадить, оборачивать, посылать назад; воспящение... отказ, запрет» [14, с. 251].

Слова *конфекты* и *конфеты* в словаре В. Даля представлены как равноправные варианты употребления. [15, с. 154]). В современном языке остался один вариант — *конфеты* [23, с. 292]. В медицинском тексте слово употребляется для обозначения формы лекарства (в виде конфет): «*Конфекты*, удобные для дороги и вообще для субъектов, нуждающихся въ слабительныхъ...» [13, с. 23]. В.В. Виноградов считает, что «при фонетической трансформации слова стержнем его целостности становится его смысловая структура». Тот предмет, на который в XIX в. указывало слово *конфекты*, не изменился, поэтому «с исторической точки зрения – это одно и то же слово» [8, с. 829].

10. Наряду с использованием слов высокого стиля в научных текстах XIX в. в свете общего процесса демократизации литературного языка постепенно появляются слова разговорного языка, что способствовало увеличению количества синонимических обозначений. Например, синонимы для обозначения болезни: *болезнь, недуг, страдание, болезненное безобразие*: «Аллохан - кристаллическій, безцвѣтнѣй продуктъ, по Либигу полезенъ въ *болѣзняхъ* печени» [13, с. 24]; «Назначается при леченіи упорныхъ параличей, спинной сухотки, застарѣлыхъ ревматич. и артрическихъ *недуговъ*...» [13, с. 35]. П.Ф. Горянинов использует словосочетание «страдание + название органа»: «При сильныхъ *страданіяхъ* мозга въ тифѣ...» [13, с. 34]; «...что ведетъ за собой блѣдность кожи, *страданіе лёгкихъ*...» [13, с. 37]. «Гумбольдтъ не видалъ *болѣзненныхъ безобразій* у тропическихъ жителей, б. ч. нагих, когда напротивъ того, живущіе въ малоосвѣщенныхъ домахъ и улицахъ часто страдаютъ отъ золотухи и англійской болѣзни» [13, с. 286].

Для обозначения больных использовались слова *больной* и *пациент*, которые сохранились в современном языке: «Въ домашнемъ быту, раздѣтый *больной*, сидящій или лежащій, окружается шерстяными одѣялами, подъ которыя впускаются водяные пары» [13, с. 291].

«Мерн, хирургъ XVIII столѣтія, видѣль грибы, образовавшіеся на бандажахъ перелома ноги у своего *паціента*» [12, с. 9]. Кроме этого, использовались другие обозначения: «Для *геморроидальныхъ* и *артритиковъ* находили полезнымъ давать его *cum resina guajacis*» [13, с. 20]; «Горькое полезно при слабости и кислотахъ желудка, для *ипохондриковъ* и *артритиковъ*, если не разгорячаетъ» [13, с. 281]; «*Эпилептикъ*, вдохнувшій много амміака, умеръ на 3-й день» [13, с. 326]; «Лучистая теплота, особенно солнечная, присоединяется съ пользою къ леченіямъ другими средствами *золотушныхъ*, *чахоточныхъ*, *слабонервныхъ*, *выздоровливающихъ*» [13, с. 286]; «*Золотушныхъ* и *рахитиковъ* сажаютъ въ ящикъ съ сухимъ чистымъ пескомъ или в песчаную яму» [13, с. 287]; «... но и опыты проф. Варвинскаго въ Москвѣ надъ отчаянными *холерными* не приносили существенной пользы» [13, с. 13].

Наименования больных образовывались от названий болезней: а) с помощью присоединения суффикса -ик: артрит – *артритик*, ипохондрия – *ипохондрик*, эпилепсия – *эпилептик*; б) переходом существительных в прилагательные с помощью суффикса -н-: геморрой – *геморроидальный*, золотуха – *золотушный*, чахотка – *чахоточный*, холера – *холерный*; в) образованием прилагательного из словосочетания и его переход в существительные: слабые нервы – *слабонервный*. В современном русском языке подобные словообразовательные модели также существуют, в разговорной речи они имеют негативную коннотацию.

11. Для разграничения омографов в текстах XIX в., как и в современном русском языке, использовался знак ударения: «Малые приемы (2 – 6 гр.), однакожь, безвредны, производять чувство жженія, *пото'м* — холода во рту, слабость...» [13, с. 50]; «Малѣйшіе приемы его производять нѣкоторое напряженное состояніе тѣла, соединенное съ чувствомъ пустоты въ желудке,... чувствомъ переменной теплоты и *по'томъ*...» [22, с. 5].

Заключение

1. Научные медицинские тексты первой половины XIX в. в сравнении с языком художественных произведений содержат в себе больше архаичных элементов, что объясняется их стилистической принадлежностью. Язык науки дольше, чем другие стили русского литературного

языка, пользовался лексикой «высокого стиля», используя церковнославянизмы и избегая диалектно-просторечных и разговорных слов.

2. В результате проведенного анализа исторических медицинских текстов значительных отклонений от литературной нормы XIX в. не было выявлено, но, в то же время, в них отражена конкуренция орфографических и лексико-семантических вариантов, сочетаемости, неустойчивость употребления, которая связана с общим переходом языка к современным литературным нормам: а) неустойчивое использование буквы Θ , θ («фита») в слове греческого происхождения «эфир», на что указывает частая замена «фиты» буквой Φ («ферт»), предопределило исчезновение этой буквы из русского алфавита в результате реформы в 1918 году; б) ошибки в написании приставок из-, воз-, раз- перед глухими согласными, кроме «с», указывают на постепенное отмирание этой нормы и приближение к современному правилу написания приставок на -з, -с в зависимости от последующего согласного; в) двоякое написание слов определенных категорий с заглавной и со строчной буквы (Врач / врач, Хирург / хирург, Медицина / медицина и др.) предвосхищает изменение правила их правописания; г) параллельное использование приставок противу- и противо- в словах «противупоказания», «противуядие», «противудействовать» отражает постепенный переход к существованию в современном языке одного варианта («противо-»).

3. Научный стиль является наиболее консервативным и очень медленно подвергается изменениям, происходящим в литературном языке, однако анализ научных медицинских текстов XIX в. показал, что его развитие соответствовало общей тенденции развития русского литературного языка, которая заключалась в сокращении использования слов церковнославянского происхождения и пополнения словарного состава за счет лексики живого русского языка.

Список литературы

1. Абрамова, Г. А. (2003). *Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития* [Диссертация доктора филологических наук]. Краснодар, 312 с.

2. Ахмерова, Г. А., Белая, А. Г., & Кузнецова, Т. А. (2018). Изменение лексического значения слов: расширение и сужение значений. В *Наука – образованию, производству, экономике: материалы 16-й Международной научно-технической конференции* (Т. 4, 260 с.). Минск: БНТУ.
3. Буданова, Н. А. (2020). Лексико-стилистические особенности медицинского текста XIX в. *Современные исследования социальных проблем*, 12(1), с. 14–24. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-1-14-24>
4. Булаховский, Л. А. (1957). *Русский литературный язык первой половины XIX века*. Киев, 491 с.
5. Введенская, Л. А., Павлова, Л. Г., & Катаева, Е. Ю. (2001). *Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов* (6-е изд.). Ростов н/Д: Феникс, 544 с.
6. Величко, О. В. (2009). Заимствование как один из способов обогащения научной медицинской терминологии. *Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований*, 4(32), с. 35–39.
7. Виноградов, В. В. (1978). *Избранные труды. История русского литературного языка* (с. 10–64). Москва. Получено с: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-78a.htm>
8. Виноградов, В. В. (1999). *История слов*. Москва, 1138 с.
9. Востоков, А. Х. (1845). *Сокращённая русская грамматика*. Москва, 157 с.
10. Войлова, К. А., & Леденева, В. В. (2017). *История русского литературного языка: учебник для академического бакалавриата* (2-е изд., испр. и доп.). Москва: Юрайт, 499 с.
11. Голубничая, А. В. (2015). К вопросу о написании с большой буквы имен нарицательных в текстах учебников русского языка XIX века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 10(52, ч. II), с. 72–75. ISSN 1997-2911. Получено с: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/17.html
12. Горяинов, П. Ф. (1848). *Грибы, плъсени и пылевики въ медико-полицейскомъ и другихъ отношеніяхъ*. Санкт-Петербург, 65 с.

13. Горянинов, П. Ф. (1853). *Фармакодинамика или учение о дѣйствиі и употребленіи врачебныхъ средствъ*. Санкт-Петербург, 552 с.
14. Даль, В. В. (1978). *Толковый словарь живого великорусского языка* (Т. I). Москва: Русский язык, 699 с.
15. Даль, В. В. (1979). *Толковый словарь живого великорусского языка* (Т. II). Москва: Русский язык, 779 с.
16. Даль, В. В. (1980). *Толковый словарь живого великорусского языка* (Т. III). Москва: Русский язык, 555 с.
17. Даль, В. В. (1980). *Толковый словарь живого великорусского языка* (Т. IV). Москва: Русский язык, 683 с.
18. Каверина, В. В. (2010). *Становление русской орфографии в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация* [Автореферат диссертации доктора филологических наук]. Москва, 44 с.
19. Лотте, Д. С. (1961). *Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики*. Москва: Изд-во АН СССР, 160 с.
20. Маджаева, С. (2012). *Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование* [Автореферат диссертации доктора филологических наук]. Волгоград, 37 с.
21. Нелюбин, А. П. (1834). *Фармакографія. Химико-фармацевтическое и фармако-динамическое изложение приготовления и употребленія новѣйшихъ лѣкарствъ* (Т. 1). Санкт-Петербург, 458 с.
22. Нелюбин, А. П. (1835). *Фармакографія. Химико-фармацевтическое и фармако-динамическое изложение приготовления и употребленія новѣйшихъ лѣкарствъ* (Т. 2). Санкт-Петербург, 414 с.
23. Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (1999). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник, 944 с.
24. Пикалова, Е. В. (2013). *Медицинская лексика в метафорическом использовании* [Автореферат диссертации кандидата филологических наук]. Воронеж, 25 с.
25. Российское историческое общество. (2025). *Историко-информационный портал*. Получено с: <https://historyrussia.org/sobytiya/10-oktyabrya-1918-goda-v-rossii-byla-vvedena-novaya-orfografiya.html?ysclid=mgw5k0luoi891579982>

26. Чернявский, М. Н. (2007). *Латинский язык и основы латинской терминологии*. Москва: ЗАО «ШИКО», 448 с.

References

1. Abramova, G. A. (2003). *Medical vocabulary: Key properties and development trends* [Doctoral dissertation in Philological Sciences]. Krasnodar, 312 p.
2. Akhmerova, G. A., Belaya, A. G., & Kuznetsova, T. A. (2018). Changes in lexical meaning of words: Expansion and narrowing of meanings. In *Science — to Education, Production, Economy: Proceedings of the 16th International Scientific and Technical Conference* (Vol. 4, 260 p.). Minsk: Belarusian National Technical University.
3. Budanova, N. A. (2020). Lexico-stylistic features of 19th-century medical texts. *Modern Studies of Social Problems*, 12(1), 14–24. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-1-14-24>
4. Bulakhovsky, L. A. (1957). *Russian literary language of the first half of the 19th century*. Kyiv, 491 p.
5. Vvedenskaya, L. A., Pavlova, L. G., & Kataeva, E. Yu. (2001). *Russian language and speech culture: Textbook for universities* (6th ed.). Rostov-on-Don: Feniks, 544 p.
6. Velichko, O. V. (2009). Borrowing as a means of enriching scientific medical terminology. *Humanities Research. Journal of Fundamental and Applied Research*, 4(32), 35–39.
7. Vinogradov, V. V. (1978). Selected works. *History of the Russian literary language* (pp. 10–64). Moscow. Retrieved from <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-78a.htm>
8. Vinogradov, V. V. (1999). *History of words*. Moscow, 1138 p.
9. Vostokov, A. Kh. (1845). *Abbreviated Russian grammar*. Moscow, 157 p.
10. Volova, K. A., & Ledeneva, V. V. (2017). *History of the Russian literary language: Textbook for academic bachelor's programs* (2nd ed., rev. and suppl.). Moscow: Yurayt, 499 p.
11. Golubnichaya, A. V. (2015). On capitalization of common nouns in 19th-century Russian textbooks. *Philological Sciences. Issues of Theory*

- and Practice*, 10(52, Part II), 72–75. ISSN 1997-2911. Retrieved from www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/17.html
12. Goryaninov, P. F. (1848). *Fungi, moulds, and dust fungi in medical-police and other contexts*. Saint Petersburg, 65 p.
 13. Goryaninov, P. F. (1853). *Pharmacodynamics, or the doctrine of the action and use of medicinal agents*. Saint Petersburg, 552 p.
 14. Dal, V. V. (1978). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 1). Moscow: Russkiy Yazyk, 699 p.
 15. Dal, V. V. (1979). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 2). Moscow: Russkiy Yazyk, 779 p.
 16. Dal, V. V. (1980). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 3). Moscow: Russkiy Yazyk, 555 p.
 17. Dal, V. V. (1980). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 4). Moscow: Russkiy Yazyk, 683 p.
 18. Kaverina, V. V. (2010). *The formation of Russian orthography in the 17th–19th centuries: Spelling usage and codification* [Doctoral thesis abstract in Philological Sciences]. Moscow, 44 p.
 19. Lotte, D. S. (1961). *Foundations of scientific and technical terminology construction. Issues of theory and methodology*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 160 p.
 20. Madzhaeva, S. (2012). *Medical terminological systems: Formation, development, functioning* [Doctoral thesis abstract in Philological Sciences]. Volgograd, 37 p.
 21. Nelyubin, A. P. (1834). *Pharmacography. Chemico-pharmaceutical and pharmacodynamic account of preparation and use of modern medicines* (Vol. 1). Saint Petersburg, 458 p.
 22. Nelyubin, A. P. (1835). *Pharmacography. Chemico-pharmaceutical and pharmacodynamic account of preparation and use of modern medicines* (Vol. 2). Saint Petersburg, 414 p.
 23. Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Azbukovnik, 944 p.
 24. Pikalova, E. V. (2013). *Medical vocabulary in metaphorical use* [Candidate dissertation abstract in Philological Sciences]. Voronezh, 25 p.
 25. Russian Historical Society. (2025). *Historical information portal*. Retrieved from <https://historyrussia.org/sobytiya/10-oktyabrya-1918-go>

da-v-rossii-by-la-vvedena-novaya-orfografiya.html?ysclid=mgw5k0lu-oi891579982

26. Chernyavsky, M. N. (2007). *Latin language and foundations of Latin terminology*. Moscow: ZAO «SHIKO», 448 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Буданова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
fraubudanova@yandex.ru

Волович Майя Ильинична, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
mivolovich@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Budanova, PhD (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department
Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
fraubudanova@yandex.ru

Maya I. Volovich, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department
Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
mivolovich@mail.ru

Поступила 30.09.2025
После рецензирования 18.10.2025
Принята 29.10.2025

Received 30.09.2025
Revised 18.10.2025
Accepted 29.10.2025

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ APPLIED ASPECTS OF LINGUISTICS

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-515 EDN: EANTOI
УДК 811.11-112

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.Ю. Команова, Я. Винья-Тальянти, Е.Н. Ширлина

Аннотация

Обоснование. В настоящее время в связи с возрастающим интересом к политической коммуникации, нами были рассмотрены основные приемы перевода, используемые для достижения политкорректности в рамках англоязычного политического дискурса.

Цель – анализ инструментов осуществления политкорректности при переводе в рамках политического дискурса.

Материалы и методы. Примеры для исследования были взяты из инаугурационной речи Д. Трампа, речи Х. Клинтон, а также других англоязычных политиков. Основными используемыми трансформациями и приемами перевода лексики для достижения политкорректности являются транскрипция, калькирование, экспликация, логическая синонимия, опущение и добавление.

Результаты. В результате проведенного исследования было установлено, что данные способы перевода применяются для смещения модальности высказываний и нередко выполняют манипулятивную функцию, позволяя переводчику снизить отрицательную коннотацию высказывания и вызвать нейтральный либо положительный отклик у реципиента, тем самым обеспечивая политкорректность в рамках контекста высказывания.

Ключевые слова: политкорректность; политический дискурс; транскрипция; калькирование; экспликация; логическая синонимия; опущение; добавление

Для цитирования. Команова, А. Ю., Винья-Тальянти, Я., & Ширлина, Е. Н. (2025). Политическая корректность в зеркале переводческих решений в англоязычном политическом дискурсе. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 93–106. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-515>

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

POLITICAL CORRECTNESS IN THE MIRROR OF TRANSLATION DECISIONS IN ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE

A.Yu. Komanova, Ja. Vigna-Taglianti, E.N. Shirlina

Abstract

Background. Currently, due to the growing interest in political communication, we have reviewed the main translation techniques used to achieve political correctness within the framework of English-language political discourse.

Purpose – to analyze the instruments for implementing political correctness in translation within the political discourse.

Materials and methods. The examples for the study were taken from the inaugural speech of D. Trump, the speech of H. Clinton, as well as other English-speaking politicians. The main translation techniques used for achieving political correctness are transcription, calquing, explication, logical synonymy, omission and addition.

Results. As a result of the research, it was found, that these techniques are used to change the modality of utterances and often perform a manipulative function, allowing the author of the translation to reduce the negative connotation of the utterance and elicit a neutral or positive reaction from the recipient, thereby ensuring political correctness in the context of the utterance.

Keywords: political correctness; political discourse; transcription; calquing; explication; logical synonymy; omission; addition

For citation. Komanova, A. Yu., Vigna-Taglianti, Ja., & Shirlina, E.N. (2025). Political correctness in the mirror of translation decisions in English-language political discourse. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 93–106. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-515>

Введение

В настоящее время наблюдается повышенный интерес общества к политической коммуникации и ее механизмам. Это объясняется тем фактом, что политическая коммуникация не только передает информацию, но и эмоционально влияет на реципиента, преобразуя существующую в сознании человека политическую картину мира.

Научная новизна данного исследования обусловлена растущим интересом к механизмам политической коммуникации и особенностям их реализации в межкультурной среде в рамках политического дискурса.

Политический дискурс может быть рассмотрен в широком и узком смыслах. В широком смысле данное явление представляет собой формы коммуникативного действия, предполагающие наличие субъекта и адресата в рамках политической сферы деятельности. В узком смысле политический дискурс включает в себя тип коммуникативного действия, целью которого является завоевание и сохранение внимания адресата и осуществление политических воздействий разного характера [11, с. 84-85].

Таким образом, политический дискурс включает в себя совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [3; 8; 10].

Исследование политкорректности в контексте политического дискурса представляет собой актуальное направление современной лингвистики, особенно в условиях глобализации и межкультурной коммуникации.

Политкорректностью называют тактичное отношение к различным общественным и политическим группам, которое исключает

дискриминацию, оскорбление национальных чувств, ущемление прав и свобод человека или группы лиц по религиозному, расовому, гендерному, профессиональному и другим признакам [9, с. 267].

Изучение определенных приемов перевода в различных сферах дискурсивной деятельности социума и различных языковых контекстах употребления поможет определить, как политическая корректность используется для манипуляции политическим дискурсом и сознанием группового реципиента.

Практическая значимость данного исследования определяется возможностью использования его результатов в практике политического перевода и преподавания теории перевода. Представленные примеры и анализ переводческих решений могут быть использованы в учебном процессе.

Материалы и методы

Объектом исследования послужили лексемы и коллокации, взятые из инаугурационной речи и других переговоров Д. Трампа, а также некоторые выдержки из высказываний Х. Клинтон и Д. Байдена в рамках политического дискурса на английском и на русском языках.

Необходимо отметить, что с целью достижения политкорректности некоторые термины, которые могут нести оскорбительный характер, при переводе заменялись на стилистически нейтральные или положительные эвфемизмы.

Опираясь на классификацию, предложенную В.Н. Комиссаровым, мы выделяем следующие приемы для перевода неполиткорректных номинаций в рамках политического дискурса: лексические трансформации (транскрипция, калькирование), лексико-грамматические трансформации (экспликация), опущение, добавление, а также логическая синонимия [7].

Наиболее частотным среди приемов перевода в рамках политического дискурса является транскрипция. К данному приему, в первую очередь, прибегают для передачи наименований видов дискриминации. Помимо широко используемых понятий, таких как расизм и национализм, в русском языке появляются следующие наимено-

вания: сексизм (sexism), лукизм (lookism), эйджизм (ageism) и т.д. Необходимо также отметить, что некоторые из этих единиц могут быть непонятны русскоязычному реципиенту, поэтому транскрипция иногда сопровождается экспликацией: сексизм (дискриминация по половому признаку), лукизм (дискриминация по внешности), эйджизм (дискриминация по возрасту) [12].

На втором месте по частотности употребления находится прием описательного перевода (экспликация). При использовании экспликации необходимо избегать прямого пословного перевода политической лексики, поскольку в таких случаях предпочтительной является замена слова или словосочетание более вежливой формой: reverse discrimination (сознательная дискриминация по отношению к национальному большинству с целью избежать обвинения в дискриминации по отношению к национальным меньшинствам), black studies, Native American studies (курс занятий, посвященных изучению культуры темнокожего населения / коренных народов США).

Еще одним распространенным приемом перевода можно считать полное или частичное калькирование.

Калькирование – представляет собой способ перевода лексической единицы оригинала при помощи замены ее составных частей (морфем) их лексическими соответствиями в переводящем языке. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания, копирующего структуру исходной лексической единицы [4].

К полным калькам относятся такие единицы, как multinational (многонациональный), multiracial (многорасовый), speech codes (речевые кодексы). К частичному калькированию с использованием транскрипции прибегают при переводе следующих выражений: affirmative actions (аффирмативные действия), sexual harassment (сексуальный харассмент). Последний пример реже переводят как «сексуальное домогательство» несмотря на то, что этот вариант является более понятным для реципиента.

Логическая синонимия представляет собой замену единицы исходного языка на единицу языка перевода, которая является ее синонимом.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим использование транскрипции при переводе речи Хиллари Клинтон в преддверии своей предвыборной кампании:

“But Donald Trump didn’t invent *sexism*, and its impact on our politics goes far beyond this one election. It’s like a planet that astronomers haven’t precisely located yet but know exists because they can see its impact on other planets’ orbits and gravities. *Sexism* exerts its pull on our politics and our society every day, in ways both subtle and crystal clear” [13].

«Дональд Трамп не изобрел *сексизм*, и его влияние на нашу политику выходит далеко за рамки этих выборов. Это похоже на планету, которую астрономы еще точно не обнаружили, но знают, что она существует, поскольку могут видеть ее влияние на орбиты и гравитацию других планет. *Сексизм* каждый день оказывает влияние на нашу политику и наше общество – как скрытно, так и напрямую» [1].

Анализируя данное высказывание, в первую очередь, необходимо обратить внимание, что репутация Д. Трампа касательно данной темы не является безупречной, в связи с чем Х. Клинтон дважды использует лексему *sexism* в своем высказывании. Транскрипция при переводе данного термина предполагает формирование относительно нейтрального отношения у реципиента, несмотря на желание Х. Клинтон смягчить и нивелировать нелицеприятные высказывания Д. Трампа в ее адрес в рамках ранее сложившегося политического контекста.

Далее рассмотрим еще один случай применения транскрипции при переводе инаугурационной речи Д. Трампа:

“As we gather today, our government confronts a crisis of trust. For many years, a radical and corrupt *establishment* has extracted power and wealth from our citizens while the pillars of our society lay broken and seemingly in complete disrepair” [17].

«Сегодня, пока мы находимся здесь, наше правительство переживает кризис доверия. В течение многих лет радикальный и коррумпированный *истеблишмент* лишал наших граждан власти и

богатства, в то время как основы нашего общества были разрушены и, казалось бы, находились в полном упадке» [2].

В данном случае мы видим, что лексема *establishment* не переведена в своем прямом значении по причине необходимости снижения «градуса» высказывания, что позволяет осуществить политкорректный переход к дальнейшему описанию последствий, к которым привело бесчинство политической элиты. Здесь также необходимо отметить, что данная лексема не является по наитию понятной, может вызвать сложности при понимании у реципиента. Однако, политический дискурс предусматривает наличие в нем специальной терминологии, что, в свою очередь, может не отразиться на понимании идеи высказывания в целом.

Рассмотрим применение калькирования при переводе высказывания Д. Байдена о становлении США как мультирасового демократического государства:

“*Gun violence* in this country is an epidemic <...> and it’s *an international embarrassment*” [15].

«Вооруженное насилие в этой стране – эпидемия <...> Это повод для стыда на международном уровне» [5].

В данном случае коллокация *gun violence* переведена при помощи полного калькирования, что звучит достаточно жестко в рамках высказывания. Выбор такого приема перевода объясняется влиянием контекста фразы в целом, так как мы видим, что фраза *international embarrassment* переведена описательно, что звучит значительно мягче исходного варианта. Таким образом достигается эффект поляризации, предполагая контрастное восприятие смыслов двух частей высказывания, достигаемого при помощи использования калькирования и экспликации соответственно.

Еще одним примером достижения политкорректности в политическом дискурсе может послужить прием опущения при переводе:

“Like in 2017, we will again build the strongest military the world has ever seen. We will measure our success not only by the battles we win but also by the wars that we end – and perhaps most importantly, *the wars we never get into*” [2].

«Как и в 2017 году, мы снова создадим самую сильную армию, которую когда-либо видел мир. Мы будем оценивать наш успех не только по сражениям, в которых мы победили, но и по войнам, которым мы положили конец, и, возможно, самое главное – *по войнам, в которые мы не ввязываемся*» [2].

В данном случае мы видим, что лексема *never* опущена для смягчения категоричности высказывания президента, говорящем о своем остром нежелании вмешиваться в конфликт. Несмотря на то, что лексема *never* сама по себе является стилистически нейтральной, в рамках политического дискурса и в контексте конкретного высказывания может показаться реципиенту вне регистра дискурса, так как отражает в большей степени эмоциональный подтекст высказывания. Кроме того, переводчик использует прием опущения для осуществления манипулятивного воздействия, наталкивая реципиента на мысль, что позиция отстраненности Д. Трампа в данной ситуации не такая устойчивая, как хочет это показать президент.

Далее рассмотрим применение логической синонимии для достижения политкорректности в политическом дискурсе. Проанализируем ответ Д. Трампа на высказывание В. Зеленского о ходе конфликта на территории Украины:

“You’re *gambling* with World War Three. <...> And what you’re doing is very disrespectful to the country, this country, that’s backed you far more than a lot of people said they should have” [14].

«Вы *играете* с третьей мировой войной. <...> И то, что вы делаете, очень неуважительно по отношению к стране, к этой стране. Она поддерживала вас гораздо больше, чем многие люди говорили, что должны были бы» [6].

В данном случае неполиткорректная лексема *gambling* была переведена стилистически нейтральным синонимом *играть* для снижения эмоциональности высказывания, что также позволило сохранить дипломатичный облик президентов перед лицом общественности.

Еще одним способом перевода фрагментов инаугурационной речи Д. Трампа для достижения политкорректности в политическом дискурсе является экспликация и добавление:

“This week, I will also end the government policy of trying to socially engineer race and gender into every aspect of public and private life. We will forge a society that is *colorblind* and merit-based” [16].

«На этой неделе я также положу конец правительственной политике, направленной на внесение социальной инженерии в вопросах расы и пола в каждом аспекте общественной и частной жизни. Мы создадим общество, где *не будут обращать внимание на цвета кожи, [а социальный статус]* будет основываться на заслугах» [2].

В данном примере мы видим, что экспликация при переводе лексемы *colorblind* является неизбежной по причине необходимости формирования нейтрального или положительного отношения реципиента к участку высказывания. Кроме того, прием добавления в данном случае является уточнением, что именно социальный статус будет являться основополагающим критерием поощрения граждан, а не цвет кожи. Комбинация двух способов перевода, в данном случае, смещает модальность высказывания в нейтральное или даже доброжелательное русло, хотя на исходном языке оно изначально таковым не являлось.

Заключение

Достижение политкорректности при передаче политических высказываний в рамках политического дискурса достигается преимущественно при помощи использования ряда переводческих приемов и трансформаций, а именно: транскрипции, калькирования, экспликации, логической синонимии, опущения и добавления. Следует отметить, что калькирование и частичное калькирование при переводе политических высказываний встречается значительно реже, чем другие способы перевода для достижения политкорректности. Это связано с тем, что данный прием представляет собой наиболее точный, дословный перевод, что противоречит идее изменения модальности высказывания. Однако калькирование может являться эффективным способом достижения политкорректности в совокупности с другими приемами перевода (экспликация, добавление и т.д.) в рамках политического дискурса.

Таким образом, мы полагаем, что любой из вышеперечисленных приемов перевода в рамках политического дискурса может быть применен не только с целью обеспечения политкорректности и сглаживания потенциальных конфликтов, но и с целью осуществления манипулятивного воздействия на реципиента для смещения модальности высказывания в выгодное для автора высказывания направление.

Список литературы

1. 10 ярких цитат Хиллари Клинтон (2017). *Ведомости*. Получено с: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/galleries/2017/10/27/739669-10-yarkih-tsitat-hillari-klinton#140737493617955>
2. Выдержки из инаугурационной речи президента Дональда Трампа, касающиеся внешней политики (2025). *Посольство и консульства США в Российской Федерации*. Получено с: <https://ru.usembassy.gov/ru/president-donald-trumps-inaugural-address-ru>
3. Гончарова, А. В., Команова, А. Ю., & Костина, Д. М. (2021). Способы осуществления манипулирования в англоязычном медиадискурсе политической направленности. *Казанская наука*, 6, 58–60. Получено с: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46455793_96523873.pdf
4. Гусейнова, Э. З. (2019). Способы перевода уникальной терминологической информации в финансовой сфере. *Вопросы науки и образования*, 1(42), 59–63. Получено с: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-unikalnoy-terminologicheskoy-informatsii-v-finansovoy-sfere>
5. Дубравский, П. (2025). «Вооружённое насилие — это эпидемия». *Lenta.ru*. Получено с: <https://lenta.ru/brief/2025/04/21/farewell-to-arms>
6. Кирсанов, Д. (2025). Трамп заявил Зеленскому, что тот «играет с третьей мировой войной». *ТАСС*. Получено с: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23275941>
7. Комиссаров, В. Н. (1990). *Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков*. Москва: Высшая школа, 253 с.

8. Нажмиддинова, С. (2024). Политический дискурс: его стратегии и функции. *Зарубежная лингвистика и лингводидактика*, 2(1/S), 713–718. Получено с: <https://inlibrary.uz/index.php/foreign-linguistics/article/view/67657>
9. Погорельый, Д. Е., Фесенко, В. Ю., & Филиппов, К. В. (2008). *Политологический словарь-справочник*. Ростов-на-Дону: Наука спектр, 320 с.
10. Харченко, Н. Л., Сеницына, И. А., Янова, Е. А., Галеева, Т. И., & Багдасарова, И. Ю. (2021). Формирование оценочного суждения в контексте политического дискурса (на материале выступления Дональда Трампа на сессии Генеральной Ассамблеи ООН). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки*, 4, 171–177. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.04.33>
11. Шапочкин, Д. В. (2019). *Политический дискурс: когнитивный аспект: монография*. Тюмень: Тюменский государственный университет, 292 с.
12. Шляхтина, Е. В. (2014). Особенности перевода политкорректной терминологии с английского на русский язык. *Вестник КГУ*, 5, 171–174.
13. Douglas, H. (2017). *What Happened: Hillary Rodham Clinton*. Heather Douglas Law. Получено с: <https://heatherdouglaslaw.com/2017/09/17/what-happened-hillary-rodham-clinton>
14. Kimball, D. G. (2024). Who Is Really “Gambling With World War III”? *Arms Control Association*. Получено с: <https://www.armscontrol.org/act/2025-04/focus/who-really-gambling-world-war-iii>
15. Smith, D. (2021). Joe Biden announces first steps to curb ‘epidemic’ of US gun violence. *The Guardian*. Получено с: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/apr/08/joe-biden-gun-violence-executive-actions-epidemic>
16. The Inaugural Address (2025). *The White House*. Получено с: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address>

References

1. *10 bright quotes by Hillary Clinton*. (2017). *Vedomosti*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/galleries/2017/10/27/739669-10-ya-rikh-tsitat-hillari-klinton#140737493617955>

2. Excerpts from President Donald Trump’s inaugural address concerning foreign policy. (2025). *U.S. Embassy and Consulates in the Russian Federation*. Retrieved from <https://ru.usembassy.gov/ru/president-donald-trumps-inaugural-address-ru>
3. Goncharova, A. V., Komanova, A. Yu., & Kostina, D. M. (2021). Methods of manipulation in English-language political media discourse. *Kazanskaya Nauka*, 6, 58–60. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46455793_96523873.pdf
4. Guseynova, E. Z. (2019). Methods of translating unique terminological information in the financial sphere. *Issues of Science and Education*, 1(42), 59–63. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-unikalnoy-terminologicheskoy-informatsii-v-finansovoy-sfere>
5. Dubravsky, P. (2025). “Armed violence is an epidemic”. *Lenta.ru*. Retrieved from <https://lenta.ru/brief/2025/04/21/farewell-to-arms>
6. Kirsanov, D. (2025). Trump told Zelensky that he is “playing with World War III”. *TASS*. Retrieved from <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23275941>
7. Komissarov, V. N. (1990). *Theory of translation (linguistic aspects): Textbook for institutes and faculties of foreign languages*. Moscow: Vysshaya Shkola, 253 p.
8. Nazhmidinova, S. (2024). Political discourse: Its strategies and functions. *Foreign Linguistics and Linguodidactics*, 2(1/S), 713–718. Retrieved from <https://inlibrary.uz/index.php/foreign-linguistics/article/view/67657>
9. Pogorely, D. E., Fesenko, V. Yu., & Filippov, K. V. (2008). *Political dictionary reference*. Rostov-on-Don: Nauka Spektr, 320 p.
10. Kharchenko, N. L., Sinitsyna, I. A., Yanova, E. A., Galeeva, T. I., & Bagdasarova, I. Yu. (2021). Formation of evaluative judgment in the context of political discourse (a case study of Donald Trump’s speech at the UN General Assembly). *Modern Science: Topical Issues of Theory and Practice. Series: Humanities*, 4, 171–177. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.04.33>
11. Shapochkin, D. V. (2019). *Political discourse: A cognitive aspect*. Monograph. Tyumen: Tyumen State University, 292 p.

12. Shlyakhtina, E. V. (2014). Features of translating politically correct terminology from English into Russian. *Bulletin of Kostroma State University*, 5, 171–174.
13. Douglas, H. (2017). *What Happened: Hillary Rodham Clinton*. Heather Douglas Law. Retrieved from <https://heatherdouglaslaw.com/2017/09/17/what-happened-hillary-rodham-clinton>
14. Kimball, D. G. (2024). Who is really “gambling with World War III”? *Arms Control Association*. Retrieved from <https://www.armscontrol.org/act/2025-04/focus/who-really-gambling-world-war-iii>
15. Smith, D. (2021). Joe Biden announces first steps to curb ‘epidemic’ of US gun violence. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/us-news/2021/apr/08/joe-biden-gun-violence-executive-actions-epidemic>
16. *The inaugural address*. (2025). *The White House*. Retrieved from <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Команова Алла Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
ул. Тимирязевская, 49, г. Москва, 127434, Российская Федерация
scaralla@mail.ru

Винья-Тальянти Якопо, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
ул. Тимирязевская, 49, г. Москва, 127434, Российская Федерация
jacopo.vignataglianti@rgau-msha.ru

Ширлина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева

ул. Тимирязевская, 49, г. Москва, 127434, Российская Федерация
shirlina@rgau-msha.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Alla Yu. Komanova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages
Russian State Agrarian University – MTAА
49, Timiryazevskaya Str., Moscow, 127434, Russian Federation
scaralla@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4659-314X>

Jacopo Vigna-Taglianti, Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages
Russian State Agrarian University – MTAА
49, Timiryazevskaya Str., Moscow, 127434, Russian Federation
jacopo.vignataglianti@rgau-msha.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-544X>

Elena N. Shirlina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages
Russian State Agrarian University – MTAА
49, Timiryazevskaya Str., Moscow, 127434, Russian Federation
shirlina@rgau-msha.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7397-6985>

Поступила 02.10.2025

После рецензирования 21.10.2025

Принята 28.10.2025

Received 02.10.2025

Revised 21.10.2025

Accepted 28.10.2025

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-526 EDN: HFPKKT
УДК 378.016:811.111

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА БИЛИНГВАМ: СПЕЦИФИКА РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ИЗ АЗИАТСКИХ СТРАН

Е.Ю. Ладонина, Н.А. Сытина

Аннотация

Обоснование. Статья исследует стратегии оптимизации процесса обучения английскому языку естественных билингвов из азиатских стран (на примере студентов из Туркменистана), владеющих русским, английским и туркменским языками. В статье особое внимание уделяется анализу ключевых лингвистических, когнитивных и социокультурных особенностей данной категории обучающихся, обусловленных влиянием их родного языка и образовательной культуры, а также рассматриваются специфические дидактические вызовы, возникающие при работе с тремя языками, принадлежащими к разным языковым семьям (славянская, германская, тюркская).

Актуальность данного исследования определяется необходимостью оптимизации процесса обучения студентов-туркменцев английскому языку как третьему языку, снижения влияния интерференции при обучении и создания условий адаптации к учебному процессу.

Цель исследования. Основываясь на принципах учёта интерференции, стратегического подхода и эффективного использования цифровых ресурсов, предложить комплексную методическую модель, направленную на преодоление типичных трудностей (фонетических, грамматических, прагматических), развитие коммуникативной компетенции и учёта культурных аспектов обучения для повышения эффективности образовательного процесса.

Материалы и методы. Авторами были использованы теоретические и эмпирические методы исследования. Методологической и тео-

ретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей. Обобщенный педагогический опыт преподавания английского языка и знания, полученные в результате эмпирических наблюдений и методических приёмов, позволили выявить способы оптимизации образовательного процесса.

Результаты. Охарактеризована комплексная и гибкая методическая модель обучения английскому языку студентов из азиатских стран на примере обучения туркменских студентов направления подготовки «Педагогическое образование с двумя профилями»; определены способы оптимизации учебного процесса и повышения мотивации с учётом лингвистических, социолингвистических и когнитивных факторов.

Область применения. Применение данного комплексного подхода возможно в вузе при обучении иностранных студентов из азиатских стран английскому языку.

Ключевые слова: преподавание английского языка; билингвизм; туркменский язык; лингвистическая интерференция; культурные факторы обучения; коммуникативная компетенция; оптимизация обучения

Для цитирования. Ладонина, Е. Ю., & Сытина, Н. А. (2025). Оптимизация процесса преподавания английского языка билингам: специфика работы со студентами из азиатских стран. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 107–123. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-526>

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

OPTIMISATION OF THE ENGLISH TEACHING PROCESS TO BILINGUALS: SPECIFICS OF WORKING WITH STUDENTS FROM ASIAN COUNTRIES

E. Yu. Ladonina, N.A. Sytina

Abstract

Background. The article explores the strategies of the English teaching process to the native bilinguals from Asian countries using the example of

students from Turkmenistan speaking Russian, English and Turkmen. The article pays special attention to the analysis of key linguistic, cognitive and sociocultural characteristics of this category of students determined by the influence of their native language and educational culture, and also examines the specific didactic challenges that arise when working with three languages belonging to different language families (Slavic, Germanic, Turkic).

Relevance of the study is determined by the need to optimize the process of teaching English as a third language to Turkmen students, reduce the impact of interference in learning and create conditions to the educational process.

Purpose. Based on the principles of interference, strategic approach and efficient use of digital resources, to propose a comprehensive methodological model aimed at overcoming typical difficulties (phonetic, grammatical and pragmatic), development of communicative competence and taking into account cultural aspects of learning to improve the effectiveness of the educational process.

Materials and methods. The authors used theoretical and empirical research methods. The methodological and theoretical basis of the study are the papers of Russian and foreign researchers. Generalized pedagogical experience of teaching English and knowledge obtained as a result of empirical observations and methodological techniques made it possible to identify ways to optimize the educational process.

Results. A comprehensive and flexible methodological model for teaching English to students from Asian countries is described using the example of teaching Turkmen students majoring in “Pedagogical education”; methods for optimizing the educational process and increasing motivation taking into account linguistic, sociolinguistic and cognitive factors have been identified.

Practical implications. The use of this integrated approach is possible at a university when teaching English to foreign students from Asian countries.

Keywords: teaching English; bilingualism; Turkmen language; linguistic interference; cultural factors; communicative competence; training optimization

For citation. Ladonina, E. Yu., & Sytina, N. A. (2025). Optimisation of the English teaching process to bilinguals: Specifics of working with students from Asian countries. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 107–123. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-526>

Введение

Рост числа студентов из Азии в международных образовательных программах делает актуальным поиск оптимальных подходов к преподаванию английского языка для данной специфической группы. Являясь билингвами, они обладают уникальным лингвистическим опытом, но сталкиваются с комплексом вызовов, вытекающих из глубоких различий между родным (туркменский) и английским языком, а также из особенностей азиатской образовательной системы. В некоторых отечественных исследованиях, посвящённых этим проблемам, отмечается, что неродной язык в целом может усваиваться через влияние родного языка [3]. В связи с этим очевидно, что механизмы речевой деятельности на родном и иностранном языках одни и те же, но отличаются уровнем функционирования и степенью взаимодействия [1].

Основная трудность, с которой сталкивается преподаватель при обучении студентов-билингвов любым видам речевой деятельности, – это не владение ими особенностями двуязычия, что в целом осложняет процесс усвоения материала по иностранному языку.

Опыт работы с обучающимися из Туркменистана позволил выявить характерные лингвистические особенности, обусловленные механизмами билингвизма:

- 1) возможность создания в речи таких студентов ложных связей между лексическими единицами двух и трех языков;
- 2) связь слова с родным языком, что провоцировало одновременно и его связь с соответствующей системой, которая образуется вокруг лексической единицы;
- 3) доминантность родного языка;
- 4) интерференция языков: «русский-английский», «английский-английский», «русский-туркменский-английский», «туркменский-английский».

Следует заметить, что наряду с принципами лингвистической относительности существует языковая детерминированность поведения человека. Речевое поведение говорящего характеризуется не только с точки зрения его психологических особенностей, но и этнических, присущих определенной этнической группе. Поскольку дей-

ствительность для представителей того или иного этноса всегда проходит через обусловленный фильтр лингво- и этнокультуры, несущей некоторые признаки, связанные с особенностями жизнедеятельности данного общества, то этническая сущность проявляется в характере народа, в его речевом поведении. Поэтому необходим комплексный подход при обучении билингвов английскому языку, при котором личность рассматривалась бы как языковая с этническими особенностями. При этом особенно актуальными являются сопоставительные исследования, описание расхождений и частичных совпадений как в родном языке, так и в изучаемом, порождающих особые трудности использования отдельных слов, грамматических явлений и анализ типичных ошибок в употреблении иноязычной речи.

Таким образом, обучение азиатских студентов требует особого подхода, учитывающего сложное взаимодействие трех языковых систем и специфические когнитивные процессы трехязычного перевода. Стандартные методики, рассчитанные на билингвов, оказываются недостаточно эффективными.

Цель исследования – предложить научно обоснованные пути оптимизации преподавания английского языка для данной категории обучающихся.

1. Специфика трехязычного билингвизма

1.1. Лингвистические особенности

Рассмотрим некоторые примеры, связанные с типологическими различиями. Английский, русский и туркменский языки представляют принципиально разные грамматические системы. Это затрагивает порядок слов, способы выражения грамматических категорий (падеж, время, вид, залог), структуру предложения, механизмы словообразования. Лексико-семантические особенности проявляются в наличии безэквивалентной лексики и культурно-специфических концептов в каждом языке. Особую сложность представляют «ложные друзья переводчика» между русским и английским, а также заимствования (особенно в туркменском из русского и английского). В области лексики чаще всего возникают трудности с фразовыми глаго-

лами, идиомами, а также наблюдаются различия в стилях вежливости и формулах речевого этикета. Следует также отметить особенность артикуляционной базы, ритмики и интонации этих языков [2].

1.2. Когнитивные и образовательные особенности

В системах образования многих азиатских стран сформирована ориентация на запоминание и воспроизведение. Опыт работы со студентами из Туркменистана показывает, что для них характерна недостаточная развитость навыков критического мышления и дискуссии. Акцент в процессе обучения для них часто делается на получении знаний от преподавателя, а не на их самостоятельном анализе и обсуждении. Страх сделать ошибку (фонетическую, лексическую или грамматическую) может приводить к пассивности таких студентов на занятиях, делает письменную речь для них приоритетной над устной. Это связано с тем, что исторически в некоторых образовательных традициях азиатских стран письменной форме уделялось больше внимания [5,12].

1.3. Социокультурные и социолингвистические факторы

Необходимо подчеркнуть, что студенты из азиатских стран при изучении английского языка предпочитают работать в группах, а не индивидуально. В большинстве случаев эти студенты проявляют высокое уважение к статусу преподавателя, нежелание задавать вопросы или оспаривать его мнение. Они всегда стремятся избегать ситуаций, приводящих к потере собственного достоинства или достоинства других, включая преподавателя [14,15].

Рассматривая социолингвистические особенности, важно также отметить, что обеспеченность учебными материалами и словарями для туркменского языка значительно уступает ресурсам для русского и английского.

2. Принципы оптимизации преподавания

2.1. Преодоление переноса и интерференции как осознанный процесс

Как уже отмечалось выше, изучение иностранного языка в условиях трехязычного билингвизма – это сложный процесс, который

тесно связан как с внутренними (психофизиологические и этнические характеристики обучающегося), так и внешними переменными (степень сходства или различия между родным и изучаемыми языками). Все это порождает процесс переноса особенностей родного языка на изучаемый первый и второй иностранный, что сопровождается социальными, культурными и прагматическими факторами и приводит к возникновению интерференции, как одного из механизмов трехязычия, препятствующей эффективности процесса изучения иностранного языка.

Чтобы избежать негативных последствий или уменьшить влияние переноса родного языка на иностранный, необходимо систематически сравнивать структуры английского языка и родного языка студента (фонетика, грамматика, лексика) и объяснять причины типичных ошибок. Возьмём для примера лексический аспект. Для преодоления лексических трудностей используется система упражнений с фокусом на конкретные пласты лексики и особенности национальной культуры. Как известно, фразеологические единицы в разных языках могут различаться интенсивностью признака, определенным составом лексических компонентов, могут являть неполное тождество внутренней формы или грамматической характеристики, и их контрастивный анализ даёт возможность уменьшить влияние интерференции, особенно когда идёт речь о фразеологизмах с одинаковым мотивирующим образом, но разной семантики. Пример задания. *Подберите русские и туркменские фразеологизмы, адекватные следующим английским, и найдите национально-специфические элементы данных устойчивых выражений в трёх языках: in Rome, do as the Romans do; to kill two birds with one stone; a little bird told me и т.д.*

2.2. Адаптация методики к образовательной культуре

Одним из способов оптимизации преподавания иностранного языка в условиях трехязычного билингвизма заключается в создании такой среды, в которой подчёркивается, что ошибки – это естественная часть обучения. Примером такого акцентирования может служить использование метода позитивной коррекции. Идеи пози-

тивности широко распространяются в конце XX в. в психологии, в свете того факта, что позитивно настроенный человек демонстрирует большой потенциал и ресурсность для личностного роста и достижений в учёбе или работе. Научные результаты изучения психологического потенциала личности нашли отражение в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей [6,8,13]. Следует отметить, что успехи позитивной психологии выходят за рамки парадигмы современной психологии и находят своё применение также в образовательном пространстве. Применительно к процессу обучения иностранному языку в условиях трехязычия можно лишь говорить о создании благоприятной среды или психологического климата, когда позитивная оценка или доброжелательный совет, например, какую конструкцию или выражение лучше использовать в данной коммуникативной иноязычной ситуации, избавляет обучаемых от страха допустить ошибку [4,7]. Одним из эффективных способов является вовлечение студентов в получение правильного результата. Рассмотрим пример коррекции лексико-грамматических ошибок. В течение занятия составляется список ошибок. На каком-то этапе занятие останавливается и ошибки записываются на доске. Как правило, большинство ошибок студенты могут исправить сами, соответственно, у студентов появляется ощущение результативности и положительные эмоции.

Ошибка	Коррекция	Комментарий
It depends of the situation	It depends <i>on</i> the situation	В данном предложении в туркменском языке нет предлога
He has been teaching English since 5 years	He has been teaching English <i>for</i> 5 years	Since (from the moment) For (how long)
Long holidays are usefuller than short working days.	Long holidays are <i>more useful</i> than short working days.	The formation of comparative and superlative adjectives in English depends on the length of the adjective.

При этом необходимо также отметить, что большое значение имеет поощрение коммуникации даже с неидеальной грамматикой на начальных этапах взаимодействия и построения доверительных отношений со студентами.

Другой немаловажный способ оптимизации процесса обучения подразумевает развитие критического мышления. Представим пример заданий, которые формулируются на русском и английском языках, при работе с темой «Личное развитие и развитие учителя» (Personal and teacher development). В рамках данной темы студентам предлагаются карточки, на которых представлены слова и фразы, обозначающие характеристики человека.

<i>patience</i>	<i>determination</i>
<i>power of concentration</i>	<i>enthusiasm</i>
<i>care for people</i>	<i>a sense of humour</i>
<i>quickness of mind</i>	<i>punctuality</i>
<i>flexibility</i>	<i>confidence</i>
<i>love of performing</i>	<i>toughness</i>

1. Прочитайте следующий список качеств и разделите на три группы: а) личные характеристики, б) интеллектуальные способности, в) моральные качества (Read the following list of qualities, put them into 3 groups: a) personal qualities, b) intellectual gifts, c) moral attributes).

2. Скажите, какими из них вы обладаете, а какими хотели бы обладать (Do you have any qualities, attributes or gifts and what characteristics would you like to have?).

3. Выберите самые ценные качества, по вашему мнению, для учителя (Choose the traits of character which you think best describe a teacher).

4. Объясните, почему вы так считаете, и запишите Ваши аргументы (Explain why you think so and put down your reasons).

5. Сравните и обсудите в парах, как можно развивать эти важные для учителя качества (Discuss with a partner how to develop these characteristics).

Внедрение коммуникативного подхода предполагает постепенный процесс перехода от традиционных паттернов и чётко структурированных заданий (ролевые игры по шаблону или парная работа с инструкцией) к свободному общению и дискуссиям. Пример задания. *Complete the sentences with your opinion about current school:*

1) *School rules should allow students to...* 2) *The school syllabus should allow students...* 3) *Student-teacher relationships should allow students to...* 4) *School facilities should allow students to...*

2.3. Социокультурный контекст

Значительный пласт сведений о правилах общения на английском языке, обучение прагматике, объяснение культурных норм англоязычного общения (вежливость, *small talk*, невербалика) и сравнение этих норм с нормами, принятыми в другой культуре, лишь кажутся необязательными. На самом деле их обязательность в рамках другой культуры несомненна, так при полноценной коммуникации оценивается не только и не столько правильность речи, а соблюдение говорящим социокультурных конвенций, что требует преподавания английского языка в неразрывной связи с культурой. Приведем пример заданий для обучения туркменских студентов *small talk* и нормам общения, которые предлагаются выполнить в несколько этапов:

1. Warm up. Студентам озвучивается определение *small talk* (n.) – *light conversation for social occasions* (Collins English Dictionary) [10] и предлагается ответить на вопросы: *What is the purpose of small talk? Where can you make new contacts? Think of the events to add to the list: presentations, meetings, ...*

2. Icebreaker (слово или слова, снимающие напряжение в разговоре и подходящее для начала разговора). *How can you start a conversation with someone you don't know? Think about these: observations of the person, location of the meeting, common points of interest and knowledge.*

3. Icebreakers (слова, способные завязать разговор). Из предложенного списка фраз и предложений требуется выбрать подходящие для того, чтобы завязать разговор. *Which of these are good icebreakers? Why?*

What is your favourite cat?

So, John what brings you here today?

What do you find the most enjoyable aspect of your job?

How did you come to find yourself in health care field?

4. Затем предлагается выделить темы, уместные для начала разговора. *Are these topics appropriate? Why (not)? Sports, News, Travel, Entertainment, Family, Work, Home town, Death, Religion.*

5. Failure (приводится пример неудачной беседы).

Peter started his conversation. But something went wrong. Can you see the problem?

Peter: So tell me, what do you do?

Kate: I'm a journalist.

Peter: Ok.

Kate: I love it very much. It's very interesting and I travel a lot.

Peter: Ok.

Kate: What else I can say... Sometimes it can be exhausting. And what does your job involve?

Peter: I'm a teacher.

Kate: I see...

6. Small talk practice. Студенты составляют собственный диалог. Задание направлено на формирование навыков ведения коммуникации.

1. Expressing interest. Look at the list of short phrases. What do they tell the speaker? Really? Right? Ok! No! Wow! That's great/amazing! A journalist (echoing) That sounds... /So tell me... / I see what you mean.

2. Improve the conversation using the words.

3. Look at one of the variants of the improved conversation. What has changed?

Peter: So tell me, what do you do?

Kate: I'm a journalist.

Peter: Really? How interesting! What do you write about?

Kate: I write about different places. So I travel a lot.

Peter: You travel a lot? That sounds great! You must really love your work.

Kate: I do! But sometimes it can be exhausting. You know moving around all the time. And what does your job involve?

Peter: I see what you mean.

Kate: What does your job involve?

Peter: I'm a teacher. I work with...

2.4. Развитие всех аспектов коммуникативной компетенции

Для формирования коммуникативной компетенции особое внимание уделяется обучению устной речи (Speaking) и произношению (Pronunciation), а также навыкам чтения (Reading) и письма (Writing), где у студентов особенно часто проявляются их сильные стороны. Кроме того, важными составляющими учебного процесса являются следующие аспекты: использование аутентичных материалов (статей, видео, подкастов, отражающих реальный язык и культуру); сочетание коммуникативных заданий с элементами, привычными студентам (чёткие объяснения правил, лексические списки, переводные упражнения для осознания различий); развитие критического мышления: постановка проблемных вопросов, анализ текстов с разных точек зрения, обучение аргументации через структурированные модели; использование групповой работы как способ снизить индивидуальный страх ошибки и опереться на коллективистские ценности.

3. Эффективные методы и приёмы

Опыт работы со студентами из азиатских стран показывает, что наиболее эффективными методами при обучении их английскому языку являются использование ролевых игр и симуляций: практика реальных коммуникативных ситуаций (интервью, презентация, обсуждение в кафе); проектная работа: длительные проекты (индивидуальные/групповые), развивающие исследовательские, творческие и языковые навыки; персонализированная обратная связь: конкретные комментарии, указывающие на успехи и зоны роста.

Заключение

Оптимизация преподавания английского языка билингуам из азиатских стран требует комплексного подхода, учитывающего глубокие лингвистические различия, когнитивные стили и социокультурные установки студентов. Таким образом, предложенная методическая модель обучения включает: 1) системную работу с интерференцией: через контрастивный анализ и целенаправлен-

ную практику; 2) гибкую методiku, сочетающую коммуникативные принципы с элементами, учитывающими привычные образовательные паттерны; 3) создание психологически комфортной среды, снижающей страх ошибки и поощряющей активное участие; 4) интеграцию культурного компонента: обучение прагматике и развитие кросс-культурной осведомлённости; 5) использование разнообразных методов и технологий, повышающих мотивацию, вовлечённость и практическую направленность обучения. При этом преподаватель выступает не только как источник знаний, но и как культурный посредник, помогающий студентам преодолеть барьеры и стать уверенными и эффективными пользователями английского языка в глобальном контексте. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку специализированных учебных материалов и оценку эффективности конкретных адаптированных методик для различных азиатских лингвокультурных групп.

Список литературы

1. Зимняя, И. А. (1991). *Психология обучения иностранным языкам в школе*. Москва: Просвещение, 222 с.
2. Карпова, А. М. (2017). Анализ фонетических систем английского и туркменского языков (прогноз относительно туркмено-английской интерференции). В *Филологические науки в России и за рубежом: материалы V Международной научной конференции* (с. 31–34). Санкт-Петербург: Свое издательство. Получено с: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/258/13011> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Костомаров, В. Г., & Митрофанова, О. Д. (1989). Родной язык и другие языки. *Иностранный язык в школе*, 1, 3–14.
4. Майсюк, Ю. Л. (2020). Использование приёмов позитивной психологии при обучении иностранному языку в вузе. В *Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ* (Выпуск X, с. 61–63). Минск: БГУ. Получено с: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253213> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Миненкова, Н. В. (2019). Учёт особенностей туркменского языка при обучении РКИ студентов из Туркменистана. В *Материалы*

- LVII отчётной научной конференции преподавателей и научных сотрудников ВГУИТ за 2018 год* (в 3 частях, Ч. 3, с. 68) (О. С. Корнеева, ред.). Воронеж: Воронежский государственный университет инженерных технологий.
6. Позитивная психология (2022). Получено с: <https://www.psychologos.ru/articles/view/positivnaya-psihologiya> (дата обращения: 15.05.2025).
 7. Поршнева, Е. Р., & Краснова, М. А. (2021). Обучение иностранному языку в контексте позитивной психологии. *Язык и культура*, 53, 255–269.
 8. Солодушкина, М. В. (2012). Позитивная психология: успехи, проблемы и перспективы. *Психологические исследования*, 5(24). Получено с: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
 9. Brown, H. D. (2007). *Principles of Language Learning and Teaching* (5th ed.). New York: Longman, Pearson Education, 423 p.
 10. Collins English Dictionary. Получено с: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 15.06.2025).
 11. Cortazzi, M., & Jin, L. (1996). Cultures of learning: Language classrooms in China. В H. Coleman (Ed.), *Society and the language classroom* (pp. 169–206). Cambridge University Press.
 12. Ellis, R. (2008). *The Study of Second Language Acquisition* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press, 824 p.
 13. Fredrickson, B. L., & Losada, M. F. (2005). Positive affect and the complex dynamics of human flourishing. *American Psychologist*, 60(7), 678–686.
 14. Hu, G. (2002). Potential cultural resistance to pedagogical imports: The case of communicative language teaching in China. *Language, Culture and Curriculum*, 15(2), 93–105.
 15. McKay, S. L., & Bokhorst-Heng, W. D. (2008). *International English in its sociolinguistic contexts: Towards a socially sensitive EIL pedagogy*. Routledge, 228 p.

References

1. Zimnyaya, I. A. (1991). *Psychology of teaching foreign languages in school*. Moscow: Prosveshchenie, 222 p.

2. Karpova, A. M. (2017). Analysis of phonetic systems of English and Turkmen languages (forecast regarding Turkmen-English interference). In *Philological Sciences in Russia and Abroad: Proceedings of the 5th International Scientific Conference* (pp. 31–34). Saint Petersburg: Svoe Izdatelstvo. Retrieved from <https://moluch.ru/conf/phil/archive/258/13011> (accessed: 20.05.2025)
3. Kostomarov, V. G., & Mitrofanova, O. D. (1989). Native language and other languages. *Foreign Language at School, 1*, 3–14.
4. Maysyuk, Yu. L. (2020). Using positive psychology techniques in teaching foreign languages at university. In *Practice of Teaching Foreign Languages at the Faculty of International Relations, BSU* (Issue X, pp. 61–63). Minsk: BSU. Retrieved from <https://elib.bsu.by/handle/123456789/253213> (accessed: 25.05.2025)
5. Minenkova, N. V. (2019). Considering features of the Turkmen language in teaching Russian as a foreign language to students from Turkmenistan. In *Proceedings of the 57th Annual Scientific Conference of Teachers and Researchers at VSUIT for 2018* (in 3 parts, Part 3, p. 68) (O. S. Korneeva, Ed.). Voronezh: Voronezh State University of Engineering Technologies.
6. Positive psychology. (2022). Retrieved from <https://www.psychologos.ru/articles/view/pozitivnaya-psihologiya> (accessed: 15.05.2025)
7. Porshneva, E. R., & Krasnova, M. A. (2021). Teaching foreign languages in the context of positive psychology. *Language and Culture, 53*, 255–269.
8. Solodushkina, M. V. (2012). Positive psychology: Achievements, challenges, and prospects. *Psychological Research, 5*(24). Retrieved from <http://psystudy.ru> (accessed: 10.06.2025)
9. Brown, H. D. (2007). *Principles of language learning and teaching* (5th ed.). New York: Longman, Pearson Education, 423 p.
10. *Collins English Dictionary*. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 15.06.2025)
11. Cortazzi, M., & Jin, L. (1996). Cultures of learning: Language classrooms in China. In H. Coleman (Ed.), *Society and the language classroom* (pp. 169–206). Cambridge University Press.

12. Ellis, R. (2008). *The study of second language acquisition* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press, 824 p.
13. Fredrickson, B. L., & Losada, M. F. (2005). Positive affect and the complex dynamics of human flourishing. *American Psychologist*, 60(7), 678–686.
14. Hu, G. (2002). Potential cultural resistance to pedagogical imports: The case of communicative language teaching in China. *Language, Culture and Curriculum*, 15(2), 93–105.
15. McKay, S. L., & Bokhorst-Heng, W. D. (2008). *International English in its sociolinguistic contexts: Towards a socially sensitive EIL pedagogy*. Routledge, 228 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сытина Надежда Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
Волгоградский государственный университет
пр-кт Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
n.sytina@volsu.ru

Ладонина Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
Волгоградский государственный университет
пр-кт Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
e.ladonina@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Sytina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Communication and Language Education Department
Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskij, Volgograd, 400062, Russian Federation
n.sytina@volsu.ru

SPIN-code: 8945-2414

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8247-6157>

Researcher ID: Y-2887-2018

Elena Yu. Ladonina, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Foreign
Language Communication and Language Education Department
Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskij, Volgograd, 400062, Russian Fe-
deration

e.ladonina@volsu.ru

SPIN-code: 7927-8926

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3369-3806>

Researcher ID: Y-2896-2018

Поступила 02.08.2025

После рецензирования 25.08.2025

Принята 02.09.2025

Received 02.08.2025

Revised 25.08.2025

Accepted 02.09.2025

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-518

EDN: IGEMXH

УДК 81.26 - 347.78.034

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЭПИТЕТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А.А. Билялова, Е.В. Дорофеева, М.В. Камашева

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью медиа в формировании общественного сознания, где языковые средства, такие как эпитеты, становятся инструментом не только художественной выразительности, но и воздействия на аудиторию. Комплексный подход к классификации и функционированию эпитетов в медиатекстах способствует более глубокому пониманию их роли в формировании смыслов, эмоциональной окраски и манипулятивного потенциала. Также в статье рассмотрены переводческие стратегии, направленные на сохранение смысловой, эмоциональной и прагматической эквивалентности при передаче эпитетов из англоязычных медиатекстов на русский язык, включая приёмы модуляции, калькирования, грамматической замены, экспликации и антонимического перевода.

Цель – анализ типов эпитетов и их функционирования в англоязычных СМИ и выявление особенностей их перевода на русский язык.

Материалы и методы. Исследование основано на материале публикаций 2024-2025 гг., размещённых в изданиях The American Conservative, The Guardian, Military Watch Magazine, The Opinions, The Washington Post, а также их переводов, опубликованных на портале «ИноСМИ». На основе контекстуального, компонентного, сопоставительного анализа, а также при помощи статистического метода опреде-

лены основные типы англоязычных эпитетов и переводческие приемы их передачи на русский язык.

Результаты. Выявлено, что эпитет выполняет не только эмоционально-оценочную и экспрессивную функции, но и становится инструментом формирования медиаобраза и смыслового воздействия на массового адресата. Успешный перевод эпитета в медиатексте требует стратегии, нацеленной на функциональную эквивалентность, а не на формальное соответствие, другими словами, перевод эпитетов в СМИ – это стратегическая операция по перенастройке оценочной архитектуры текста, необходимая для адекватного межкультурного медиадиалога.

Ключевые слова: медиадискурс; эпитет; переводческие трансформации; перевод

Для цитирования. Билялова, А. А., Дорофеева, Е. В., & Камашева, М. В. (2025). Эпитет в англоязычном медиадискурсе: функциональный, семантический и переводческий аспекты. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 124–142. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-518>

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

THE EPITHET IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONAL, SEMANTIC, AND TRANSLATION ASPECTS

A.A. Bilyalova, E.W. Dorofeeva, M.V. Kamasheva

Abstract

Background. The relevance of this research is driven by the growing influence of media in creating public consciousness, where linguistic devices such as epithets are not only literary devices but also tools in shaping the masses. An integrated approach to categorizing and functioning in the work of epithets in media texts facilitates the better comprehension of their work in building meaning, emotional associations, and manipulation. The

article also takes into account translation strategies of preserving semantic, emotional, and pragmatic equivalence when translating English-language mass media text epithets into Russian through strategies such as modulation, calquing, grammatical substitution, explication, and antonymic translation.

Purpose – analysis of types of epithets and their functioning in English-language media and identification of the peculiarities of their translation into Russian.

Materials and methods. The study is based on material published in 2024–2025 in *The Guardian*, *The Washington Post*, *The New York Times*, *The Economist*, and other publications, as well as their translations published on the InoSMI portal. Based on contextual, component, and comparative analysis, as well as statistical methods, the main types of English-language epithets and translation techniques for their rendering into Russian have been identified.

Results. It has been revealed that epithets not only perform emotional, evaluative, and expressive functions, but also become a tool for shaping media images and exerting semantic influence on the mass audience. Successful translation of epithets in media texts requires a strategy aimed at functional equivalence rather than formal correspondence. The translation of epithets in the media is a strategic operation to reconfigure the evaluative architecture of the text, which is necessary for adequate intercultural media dialogue.

Keywords: media discourse; epithet; translation strategies; translation

For citation. Bilyalova, A. A., Dorofeeva, E. W., & Kamasheva, M. V. (2025). The epithet in English-language media discourse: Functional, semantic, and translation aspects. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 124–142. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-518>

Введение

Современный медиадискурс представляет собой особый тип коммуникативного пространства, в котором язык используется не только как средство передачи информации, но и как инструмент интерпретации реальности [15; 16]. В условиях цифровизации и усиления идеологического влияния СМИ возрастает значение лингво-

стилистических средств, способных воздействовать на массовое сознание [17; 20]. К числу таких средств относится эпитет – универсальный компонент текстовой выразительности, соединяющий когнитивную и эмоциональную составляющие языка [1; 2; 7; 8; 13; 14].

В современной лингвистике закрепилось несколько исследовательских оптик, каждая из которых по-разному определяет эпитет и задает собственные диагностические признаки. Классико-стилистический подход описывает эпитет как атрибутивное определение с выраженной оценкой и экспрессией; когнитивно-семантический подход трактует эпитет как триггер фрейма и как маркер перераспределения внимания; функционально-прагматический подход связывает эпитет с ресурсами оценки и градуирования; переводоведческий подход подчеркивает роль эпитета как носителя оценочной и культурной информации [3; 6; 9; 11].

В данной работе под эпитетом понимается стилистически маркированное определение, которое выражает субъективно-оценочное отношение автора к предмету речи, усиливающее его выразительность и эмоциональную насыщенность. В данном определении в отличие от нейтральных определений, эпитет не только описывает признак, но и интерпретирует его через призму авторской оценки, культурных коннотаций или идеологических установок. В медиадискурсе эпитет выполняет кроме когнитивной и эмотивной функции, информативно-оценочную, манипулятивную и идеологическую, что делает его одним из ключевых инструментов воздействия на аудиторию.

Изучение эпитетов в медиадискурсе актуально по нескольким причинам. Во-первых, эпитеты формируют оценочные рамки восприятия информации, влияя на интерпретацию событий и формирование общественного мнения. Во-вторых, их анализ позволяет выявить механизмы манипуляции и убеждения, что особенно важно в эпоху информационных войн и медиаполитики. В-третьих, сравнительное изучение эпитетов в разных языковых культурах раскрывает специфику национального менталитета и культурные особенности восприятия действительности. Особое внимание требует перевод эпитетов между английским и русским медиадискур-

сом, где необходимо соблюдать баланс между семантической точностью и прагматической эквивалентностью. В процессе перевода наблюдаются сдвиги полярности и степени интенсивности, утрата или усиление культурно-специфических коннотаций [4; 5; 10; 12].

Таким образом, анализ функциональных и структурных особенностей эпитетов, а также механизмов их перевода позволяет не только глубже понять специфику медиадискурса, но и разработать рекомендации для более точной и эффективной межъязыковой коммуникации.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы использовались англоязычные публикации конца 2024 и 2025 годов из ведущих международных СМИ The American Conservative, The Guardian, Military Watch Magazine, The Opinions, The Washington Post. Параллельно анализировались их русскоязычные переводы на портале ИноСМИ, который является крупнейшим ресурсом переводов зарубежных медиатекстов. Такая конфигурация корпуса позволила сопоставить оригиналы и их переводы для русскоязычной аудитории и показать, как передаются эпитеты в межъязыковой и межкультурной коммуникации. Всего рассмотрено 80 контекстов с эпитетами разной семантической природы. Особое внимание уделялось материалам об актуальных глобальных событиях – геополитических конфликтах, экономических кризисах, социальных трансформациях и культурных феноменах – где эпитеты заметно влияют на интерпретацию и оценку происходящего.

Методологический инструментарий включал контент-анализ, лингвистическое наблюдение, сопоставительный анализ и статистическую обработку данных. Количественную основу обеспечили контент-анализ и статистика, качественную глубину давали сопоставительный разбор и наблюдение. Совместное применение методов позволило описать распределение эпитетов по типам и функциям и оценить переводческие стратегии с точки зрения сохранения смысла, экспрессии и прагматического эффекта.

Результаты и обсуждение

Эпитет представляет собой одно из наиболее рекуррентных стилистических ресурсов медийного дискурса, ключевая роль которого заключается в формировании эмоционально-оценочного фона текста, обеспечивая переход от фактуально нейтрального сообщения к его интерпретации в ценностной плоскости. Как отмечалось выше, для эпитетов в СМИ характерны функции: когнитивная, информативно-оценочная, манипулятивная и идеологическая. Использование эпитета позволяет автору не только описывать события, но и направлять их восприятие реципиентом, формируя определённое эмоциональное и аксиологическое отношение к объекту описания [18].

На когнитивном уровне эпитет выступает механизмом фреймирования, активирующим в сознании адресата не только денотативное значение, но и комплекс ассоциативных и коннотативных связей, включающих эмоциональные, культурные и идеологические компоненты [19]. В результате нейтральное изложение приобретает ценностную окраску, а медиатекст получает способность управлять интерпретационными траекториями восприятия.

В прагматическом аспекте эпитет служит инструментом имплицитного конструирования бинарных оппозиций типа «одобрение / неодобрение», «свой / чужой», «норма / девиация». Эти оппозиции выполняют функцию латентной аксиологической навигации, программируя интерпретацию событий в рамках заданного семантического поля.

Дополнительной функцией эпитета является смещение акцентов в структуре медиатекста. Он концентрирует внимание адресата на одних аспектах изображаемой действительности и одновременно маргинализирует другие. Особенно отчётливо данная функция проявляется в политическом и общественно-публицистическом дискурсе. Эпитет в медиадискурсе представляет собой вербальный механизм конструирования социальной реальности, посредством которого средства массовой информации интерпретируют события с позиций определённых ценностей, норм и идеологических установок. Анализ функционирования эпитетов позволяет выявить скрытые стратегии

речевого воздействия и проследить, каким образом языковые средства участвуют в формировании общественного восприятия и идеологического позиционирования медиапространства.

Изучение эпитетов предполагает анализ двух ключевых аспектов: структура и семантика.

С точки зрения структуры, эпитеты в СМИ можно разделить на несколько типов, от односложных до комплексных конструкций.

Простые (однокомпонентные) эпитеты являются наиболее частотным типом, представленным одним прилагательным или причастием, например: «*strong statement*», «*sharp decline*», «*fresh solution*». Подобные эпитеты выполняют функцию быстроты восприятия и мгновенную оценку.

Составные (двух- и трехкомпонентные) эпитеты состоят из двух или более слов, создавая более сложный и детализированный образ, например: «*socially oriented budget*», «*politically motivated case*», «*environmentally friendly technology*». Такие эпитеты позволяют ввести в текст сложные понятия и термины, а также усилить оценку за счёт нанизывания определённых характеристик.

Сравнительные и метафорические эпитеты (сложные) представляют собой развёрнутые конструкции, часто построенные на основе сравнения или метафоры. Они являются мощным средством образной оценки, например: “*The package of sanctions hangs over the economy like the sword of Damocles*” (сравнительный). “*The demographic decline of recent years is becoming increasingly pronounced*” (метафорический). Метафорические эпитеты создают яркие, наглядные образы, которые легко усваиваются и запоминаются аудиторией, упрощая сложные явления до понятных визуальных метафор.

Семантическая классификация, представленная в данном исследовании, базируется на оси «одобрение» – «неодобрение».

Мелиоративные (положительно-оценочные) эпитеты используются для создания привлекательного образа явления или идеи: «*progressive reform*», «*wise decision*», «*booming economy*», «*iron-willed leader*». Они формируют симпатию, одобрение и поддержж-

ку. Часто используются в портретных интервью или репортажах о достижениях власти.

Пейоративные (отрицательно-оценочные) эпитеты используются как основной инструмент критики и создания образа врага, проблемы или угрозы, например: «*defeatist sentiments*», «*corrupt official*», «*opaque deals*». Данные эпитеты, вызывающие осуждение, негодование, страх или отторжение, направлены на дискредитацию оппонентов, явлений или действий, которые противоречат позиции издания.

Следующую группу составляют интенсифицирующие эпитеты, которые не столько оценивают, сколько усиливают характеристику, придавая ей масштаб или исключительность: «*abject failure*», «*staggering losses*», «*resounding victory*», «*partial fulfillment*». Функция интенсифицирующих эпитетов заключается в драматизации или, наоборот, приуменьшении значимости события, управляя уровнем эмоционального напряжения аудитории.

Псевдонейтральные (скрыто-оценочные) эпитеты – это наиболее тонкий и эффективный тип. Формально они могут выглядеть как нейтральные или даже положительные, но в конкретном контексте несут строго определённую оценку, например: *the so-called «expert» expressed his opinion* (эпитет «*so-called*» ставит под сомнение компетентность); «*yet another statement from the politician*» (эпитет «*yet another*» имплицитно означает «надоевшее, бесполезное»). Псевдонейтральные эпитеты – это инструмент скрытой манипуляции, который позволяет автору сохранить видимость объективности, при этом транслируя чёткую оценочную позицию.

Таким образом, исследование эпитетов в медийном дискурсе раскрывает их полифункциональную природу, обусловленную как структурными особенностями, так и семантической нагруженностью. Как демонстрирует анализ, эпитеты выполняют не только описательно-сравнительную, но и экспрессивно-оценочную функцию, формируя у адресата определённое восприятие описываемого явления. Однако актуальность данного феномена выходит за рамки лингвистики одного языка, затрагивая сферу переводоведения –

дисциплины, изучающей механизмы и стратегии межъязыковой и межкультурной трансформации текста.

Главная трудность перевода эпитетов состоит в том, что переводчику необходимо сохранить не только значение слова, но и тот эмоциональный и оценочный эффект, который оно вызывает у носителя исходного языка. В разных культурах и языках одни и те же слова могут вызывать совершенно разные ассоциации, и потому буквальный перевод редко бывает удачным.

В медиадискурсе эта задача усложняется ещё больше. Эпитеты здесь работают как инструмент воздействия – они помогают журналисту задать нужный тон, сформировать позицию издания и направить восприятие читателя. Переводчик, сталкиваясь с такими выражениями, вынужден учитывать не только лексическое значение, но и авторскую интенцию, политический контекст и культурные коды аудитории, на которую ориентирован перевод. Поэтому перевод эпитетов в СМИ – это не просто технический процесс, а своего рода межкультурный диалог. В данном контексте ключевое значение приобретают переводческие приёмы – от калькирования и транслитерации до адаптации и смысловой компенсации. В рамках данного исследования был проведён анализ переводческих решений путём выявления доминирующих переводческих трансформаций (лексических, грамматических и лексико-грамматических) применительно к различным эпитетам.

Лексические трансформации, представленные переводческими приёмами генерализация, конкретизация, модуляция и калькирование, составляют 63 % всех случаев перевода эпитетов. Наиболее частотными среди них оказались модуляция и калькирование.

Примеры модуляции:

1) *A **seasoned** veteran, Kellogg is expected in Kyiv imminently* [22]. – Ожидается, что **многоопытный** Келлог, ветеран внешней политики, вскоре прибудет в Киев.

2) *Added to this has been a **mounting** frustration with the Biden administration* [22]. – К этому добавляется **зреющее** разочарование администрацией Байдена.

Примеры калькирования:

1) *Nevertheless, this historical story does not exhaust the causes of Britain's **exceptional** belligerence* [2323]. – Тем не менее, историческая перспектива не исчерпывает причин **исключительной** ответственности Британии.

2) *On a recent **icy** afternoon in the western Ukrainian city of Kovel, a **silver-haired** man in military fatigues prepared to board a train* [24]. – Недавним **морозным** днем в западноукраинском городе Ковеле **седовласый** мужчина в военной форме стоял на перроне, готовясь сесть в поезд.

3) *In one corner will be President Donald Trump, **hungry** for a Ukraine peace deal that would make him look like a global peacemaker* [25]. – В одном углу будет президент Дональд Трамп, **жаждущий** мирного соглашения с Украиной, которое сделает из него миротворца глобального масштаба.

При переводе эпитетов на грамматическом уровне широко применяется приём грамматической замены, его применение составляет 20 % всех случаев перевода анализируемых эпитетов. Его использование обусловлено расхождениями в грамматических системах английского и русского языков, которые нередко исключают прямой перенос эпитетов, выраженных прилагательными и причастиями, в русскоязычный текст. При этом сохраняется смысловое содержание и прагматическая функция исходной публикации, например:

1) *The United Kingdom has continued to face a **worsening** economic crisis, with the new Labour government expected to make continued cuts to the British Armed Forces* [26]. – Великобритании грозит **усугубление** экономического кризиса, и предполагается, что новое лейбористское правительство продолжит сокращать вооруженные силы.

2) *So far, the signaling between Putin and Trump does not immediately suggest a new era of **warmer** relations* [27]. – Пока что сигналы между Путиным и Трампом не говорят о начале новой **оттенели** в отношениях.

Лексико-грамматические трансформации составляют 16 % всех случаев перевода анализируемых эпитетов. В рамках данной переводческой трансформации были выявлены приемы экспликации и антонимического перевода.

Примеры экспликации:

1) *But with Russia continuing to find **fresh** recruits for its grinding advances, the army is struggling to find enough people to fill the gaps at the front [24].* – Но поскольку российская армия **успешно пополняет свои ряды**, ВСУ тоже приходится искать людей, чтобы заткнуть зияющие бреши на фронте.

2) *In Britain, it was considered almost **treasonable** to suggest otherwise [2323].* – В Великобритании любые сомнения в правильности этой линии практически **приравнивались к измене**.

Примеры антонимического перевода:

1) *The government **did not ignore** the crisis[28].* – Правительство **отреагировало** на кризис.

2) *It's **not uncommon** for politicians to change their views [2426].* – Политики **часто** меняют свои взгляды.

На Рисунке представлено общее соотношение случаев использования переводческих трансформаций при переводе эпитетов в англоязычных публикациях в СМИ на русский язык.

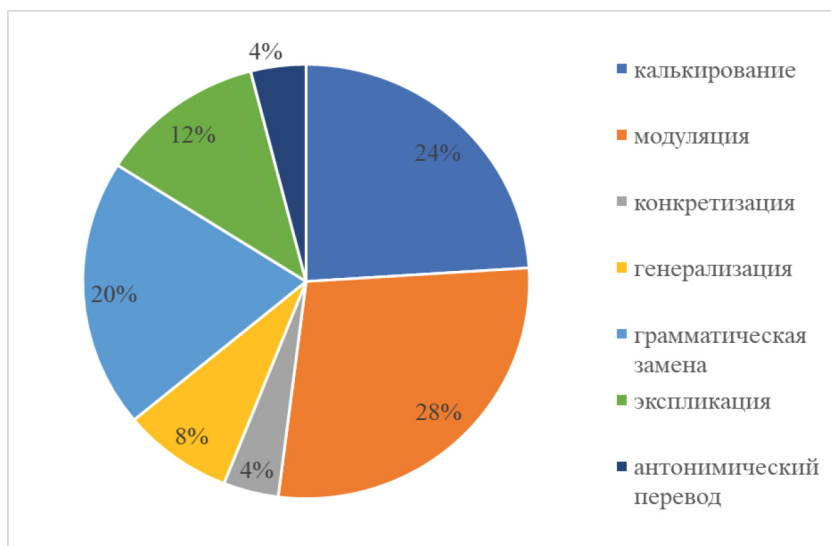

Рис. Соотношение случаев использования переводческих трансформаций при переводе эпитетов в англоязычных публикациях в СМИ на русский язык

Количественный анализ показывает, что наиболее продуктивными трансформациями в переводе эпитетов являются модуляция (28%), калькирование (24%), грамматическая замена (20%).

Заключение

Проведённый анализ подтвердил, что эпитет в англоязычном медиадискурсе выполняет не только экспрессивную роль, но и задаёт интерпретационные рамки высказывания, выступая средством идеологического сигнала. Перевод на русский язык требует сохранения оценочной нагрузки и прагматики оригинала, поэтому выбор стратегии определяется принципами функциональной эквивалентности, а не формальным совпадением формы.

Корпус включал 80 контекстов из материалов 2024-2025 годов, что позволило зафиксировать типовое распределение приёмов. Лексические трансформации составили 63% с преобладанием модуляции 28% и калькирования 24%, грамматическая замена дала 20%, лексико-грамматические решения экспликации и антонимического перевода суммарно составили 16%. Эти данные отражают системные асимметрии английского и русского языков и нормативные ожидания российского новостного стиля, где предпочтительны прямые утвердительные формулы и точная дозировка интенсивности оценки.

Практическая ценность работы состоит в особых критериях выбора перевода эпитетов для медиатекстов. Рекомендуется соотносить приём с целевой прагматикой высказывания и жанром, учитывать редакционную политику издания, дозировать пояснения при экспликации, избегать избыточной драматизации и контролировать фактическую точность при сохранении эмоционального эффекта.

Перспективы развития исследования включают расширение корпуса за счёт мультижанровых текстов и иных языковых пар, внедрение автоматизированных методов детекции эпитетов и полярности, а также продольный анализ изменений оценочной лексики в связи с актуальными медийными повестками.

В целом перевод эпитетов в СМИ выступает стратегической операцией по перенастройке оценочной архитектуры текста, при которой сохраняется медиаэффект и не искажается авторская интенция.

Список литературы

1. Ашимова, А. Ф., & Юсуфов, М. Г. (2019). Семантические группы прилагательных-эпитетов, логически несовместимых с определяемыми существительными в поэтической речи. *Вестник Социально-педагогического института*, 3, 30–34.
2. Боровкова, Е. Р. (2022). Лингвостилистические особенности эпитета в англоязычной и русскоязычной сказках. *Международный научно-исследовательский журнал*, 116(2–3). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.095>
3. Булахова, Н. П., & Сквородников, А. П. (2017). К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике). *Экология языка и коммуникативная практика*, 2, 5–15.
4. Бурова, Е. А., & Турчина, А. В. (2021). Специфика передачи эпитетов при переводе художественных произведений с английского на русский язык. *Инновационные аспекты развития науки и техники*, 11, 94–100.
5. Гималетдинова, Г. К., & Перминова, М. А. (2016). Трудности художественного перевода английских эпитетов (на примере романа Н. Хорнби «Как стать добрым»). *Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 158(5), 1392–1403. Получено с: https://kpfu.ru/portal/docs/F2094929751/158_5_gum_17.pdf
6. Губанов, С. А. (2020). Проблема дефиниции эпитета. *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*, 3, 98–103.
7. Кожемяченко, Е. В. (2023). Эпитет как средство образной выразительности в поэзии М. Цветаевой. *Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. Филология*, 1, 67–71.
8. Котов, А. А., & Мухина, Е. А. (2022). Об эпитетах в русских духовных стихах. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 8(171), 112–116.

9. Красавский, Н. А., & Москалев, И. Ю. (2021). Эпитет и метафора как художественно-выразительные средства идиостиля Артура Шницлера. *Мир лингвистики и коммуникации*, 2, 121–136. Получено с: http://tverlingua.ru/archive/064/9_64.pdf
10. Махмутова, А. Н., & Закирова, Р. Г. (2024). Способы переводов экспрессивной лексики в коротких рассказах Дафны Дю Морье на примере эпитетов. *Russian Linguistic Bulletin*, 5(53). Получено с: <https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.21>
11. Митичева, В. А. (2023). Эпитеты в системе средств характеристики душевного состояния героев в романе И. С. Тургенева «Дым». *Ceteris Paribus*, 5, 98–101.
12. Молчанова, Г. Г. (2025). Деривационные возможности фразового эпитета как источник порождения новых лексем. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 28(1), 9–20.
13. Щелок, Т. И. (2021). Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg» Зигфрида Ленца. *Научный диалог*, 4, 181–196.
14. Aitken, J. K. (2022). The Septuagint within the history of Greek praise epithets. *Hebrew Bible and Ancient Israel*, 11(2–3), 186–204. <https://doi.org/10.1628/hebai-2022-0033>
15. Al-Sofi, B. (2023). A cognitive-stylistic analysis of epithets in media headlines: The case of the Yemen war. *Journal of Media Linguistics*, 9(2), 45–67.
16. Berdimuratova, A. (2025). Linguistic analysis of epithets in newspaper-journalistic and scientific genres. *International Journal of Artificial Intelligence*, 1(3), 208–211.
17. Boulianne, S., & Larsson, A. O. (2021). Engagement with news and political misinformation: The role of digital media literacy. *New Media & Society*, 23(9), 2647–2666. <https://doi.org/10.1177/1461444820948161>
18. Kudrnac, A. (2023). “Ruthless aggressor” and “heroic people”: The use of evaluative epithets in the media coverage of the Russia-Ukraine war. *Discourse & Communication*, 17(5), 569–587. <https://doi.org/10.1177/17504813231177241>
19. Ibrahim, N. (2024). The semiotics of emotive epithets in Arab media discourse: A case study of the Palestinian-Israeli conflict. *Social Semiotics*, 34(1), 88–105. <https://doi.org/10.1080/10350330.2022.2159362>

20. KhosraviNik, M. (2020). Digital discourse and the politics of polarization: A case study of the 2018 US midterm elections. В *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* (с. 545–561). Routledge.
21. Reyes, A. (2020). The discursive construction of nationalism: A comparative analysis of news coverage of territorial disputes in Asia. *Discourse & Communication, 14*(6), 569–589. <https://doi.org/10.1177/1750481320939731>

References

1. Ashimova, A. F., & Yusufov, M. G. (2019). Semantic groups of adjective epithets logically incompatible with the defined nouns in poetic speech. *Bulletin of the Social and Pedagogical Institute, 3*, 30–34.
2. Borovkova, E. R. (2022). Linguostylistic features of epithets in English and Russian fairy tales. *International Research Journal, 116*(2–3). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.095>
3. Bulakhova, N. P., & Skovorodnikov, A. P. (2017). Toward defining the concept of epithet (preparation for functional characterization). *Ecology of Language and Communicative Practice, 2*, 5–15.
4. Burova, E. A., & Turchina, A. V. (2021). Specificity of translating epithets in literary works from English into Russian. *Innovative Aspects of Science and Technology Development, 11*, 94–100.
5. Gimaletdinova, G. K., & Perminova, M. A. (2016). Challenges of literary translation of English epithets (a case study of N. Hornby's novel *How to Be Good*). *Proceedings of Kazan University. Humanities Series, 158*(5), 1392–1403. Retrieved from https://kpfu.ru/portal/docs/F2094929751/158_5_gum_17.pdf
6. Gubanov, S. A. (2020). The problem of defining the epithet. *At the Intersection of Languages and Cultures. Topical Issues of Humanitarian Knowledge, 3*, 98–103.
7. Kozhemyachenko, E. V. (2023). Epithet as a means of figurative expression in Marina Tsvetaeva's poetry. *Bulletin of Belarusian State Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology. Philology, 1*, 67–71.
8. Kotov, A. A., & Mukhina, E. A. (2022). On epithets in Russian spiritual verses. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University, 8*(171), 112–116.

9. Krasavskiy, N. A., & Moskalev, I. Yu. (2021). Epithet and metaphor as expressive means of Arthur Schnitzler's individual style. *World of Linguistics and Communication*, 2, 121–136. Retrieved from http://tverlingua.ru/archive/064/9_64.pdf
10. Makhmutova, A. N., & Zakirova, R. G. (2024). Methods of translating expressive vocabulary in Daphne du Maurier's short stories: A case study of epithets. *Russian Linguistic Bulletin*, 5(53). Retrieved from <https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.21>
11. Miticheva, V. A. (2023). Epithets as means of characterizing the emotional state of characters in I. S. Turgenev's novel *Smoke*. *Ceteris Paribus*, 5, 98–1 Newton.
12. Molchanova, G. G. (2025). Derivational potential of phrasal epithets as a source of generating new lexemes. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, 28(1), 9–20.
13. Shchelok, T. I. (2021). Epithets in the short story *Der große Wildenberg* by Siegfried Lenz. *Scientific Dialogue*, 4, 181–196.
14. Aitken, J. K. (2022). The Septuagint within the history of Greek praise epithets. *Hebrew Bible and Ancient Israel*, 11(2–3), 186–204. <https://doi.org/10.1628/hebai-2022-0033>
15. Al Sofi, B. (2023). A cognitive stylistic analysis of epithets in media headlines: The case of the Yemen war. *Journal of Media Linguistics*, 9(2), 45–67.
16. Berdimuratova, A. (2025). Linguistic analysis of epithets in newspaper journalistic and scientific genres. *International Journal of Artificial Intelligence*, 1(3), 208–211.
17. Boulianne, S., & Larsson, A. O. (2021). Engagement with news and political misinformation: The role of digital media literacy. *New Media & Society*, 23(9), 2647–2666. <https://doi.org/10.1177/1461444820948161>
18. Kudrnac, A. (2023). “Ruthless aggressor” and “heroic people”: The use of evaluative epithets in the media coverage of the Russia–Ukraine war. *Discourse & Communication*, 17(5), 569–587. <https://doi.org/10.1177/17504813231177241>
19. Ibrahim, N. (2024). The semiotics of emotive epithets in Arab media discourse: A case study of the Palestinian–Israeli conflict. *Social Semiotics*, 34(1), 88–105. <https://doi.org/10.1080/10350330.2022.2159362>

20. KhosraviNik, M. (2020). Digital discourse and the politics of polarization: A case study of the 2018 US midterm elections. In *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* (pp. 545–561). Routledge.
21. Reyes, A. (2020). The discursive construction of nationalism: A comparative analysis of news coverage of territorial disputes in Asia. *Discourse & Communication*, 14(6), 569–589. <https://doi.org/10.1177/1750481320939731>

Материал для исследования/Research material

22. <https://www.theguardian.com/world/2025/jan/04/ukraine-dealmaker-trump-putin-war-russia-zelensky> (дата обращения: 05.08.2025).
23. <https://www.theamericanconservative.com/why-is-the-uk-so-invested-in-the-russia-ukraine-war/> (дата обращения: 05.08.2025).
24. <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/21/ukraine-faces-difficult-decisions-over-acute-shortage-of-frontline-troops> (дата обращения: 05.08.2025).
25. <https://www.washingtonpost.com/world/2024/12/20/trump-putin-russia-ukraine-relations/> (дата обращения: 05.08.2025).
26. <https://militarywatchmagazine.com/article/british-defence-sources-vulnerability-ballistic-missile-defence> (дата обращения: 05.08.2025).
27. <https://www.washingtonpost.com/world/2024/12/20/trump-putin-russia-ukraine-relations/> (дата обращения: 05.08.2025).
28. <https://www.aljazeera.com/opinions/2024/1/23/the-uk-cannot-ignore-the-crisis-in-drc> (дата обращения: 05.08.2025)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Билялова Альбина Анваровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Елабужского института
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
abil71@mail.ru

Дорофеева Елена Вениаминовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Институт международных отношений, истории и востоковедения

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
elena.dor@mail.ru*

Камашева Марина Викторовна, старший преподаватель кафедры
иностраннных языков Елабужского института
*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
kat.mar@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Albina A. Bilyalova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Yelabuga Institute
*Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
abill71@mail.ru
SPIN-code: 1343-7998
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9539-2363>
ResearcherID: N-8599-2015
ScopusAuthor ID: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56151147200>
Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?hl=ru&user=ND318soAAAAJ>*

Elena W. Dorofeeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Theory and Practice of Translation, Institute of International Relations, History and Oriental Studies
*Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
elena.dor@mail.ru
SPIN-code: 6316-9240
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9088-2171>
Researcher ID: P-3458-2017*

Google scholar: <https://scholar.google.ru/citations?hl=ru&user=-uFlqNkAAAAJ>

Marina V. Kamasheva, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Yelabuga Institute
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
kam.mar@mail.ru
SPIN-code: 4661-6761
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8568-359X>
Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?user=qF-hWdN4AAAAJ&hl=ru>

Поступила 01.10.2025

После рецензирования 11.10.2025

Принята 27.10.2025

Received 01.10.2025

Revised 11.10.2025

Accepted 27.10.2025

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-527

EDN: HRGLWP

УДК 81'373

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ АВИАСПЕЦИАЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.Г. Фомин, А.В. Андреешина

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования подтверждается необходимостью выявления и описания процессов, приводящих к изменению статуса языковой единицы субстандартного языка в англоязычной профессиональной коммуникации авиаспециалистов.

Цель. Выявить и описать функциональные особенности субстандартной лексики в профессиональной коммуникации авиаспециалистов на материале английского языка.

Материалы и методы. Методом целенаправленной выборки было отобрано 188 английских субстандартных лексических единиц (СЛЕ). В работе применялись методы классификационного, функционального и лексикографического анализа для определения статуса языковых единиц, их функций и динамики переходов между лексическими пластами.

Результаты. Установлено, что основу субстандартной лексики в англоязычной коммуникации авиаспециалистов составляют профессионализмы, обладающие меньшей экспрессивностью в сравнении с жаргонизмами. Субстандартная лексика в профессиональной коммуникации выполняет следующие функции: номинативную и функцию новизны, присущие каждой языковой единице, а также компрессивную, проявляющуюся в использовании сокращений, и эмотивную, которая реализуется через метафорически образованные слова. Две последние функ-

ции направлены на достижение прагматического эффекта, а именно на обеспечение быстрой коммуникации и придание речи эмоциональной окраски. Выявлены двунаправленные процессы: процесс детерминологизации, в результате которого образуются профессионализмы, и процесс терминологизации субстандартной лексики.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация; субстандартная лексика, подъязык; профессионализмы; жаргонизмы; интержаргонизмы; интерпрофессионализмы

Для цитирования. Фомин, А. Г., & Андреяшина, А. В. (2025). Особенности функционирования субстандартной лексики в профессиональной коммуникации авиаспециалистов (на материале английского языка). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 143–169. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-527>

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

FEATURES OF THE SUBSTANDARD VOCABULARY IN THE PROFESSIONAL COMMUNICATION OF AVIATION SPECIALISTS (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

A.G. Fomin, A.V. Andreyashina

Abstract

Background. The relevance of this study is understood by the need to identify and describe the processes that alter the status of substandard language units in professional communication of aviation specialists.

Purpose. To identify and characterize functions of substandard lexical units used by English aviation professionals.

Materials and methods. A targeted selection process resulted in a corpus of 188 English substandard lexical units. Multiple methods were applied, including classification, functional, and lexicographical analysis to categorize these units, determine their functions and trace their migration across different lexical strata.

Results. The findings indicate that the substandard vocabulary of the aviation sublanguage is fundamentally comprised of professionalisms, which are less impressive, than jargonisms. The substandard vocabulary has several key functions: nominative and the novelty function, both inherent to each substandard lexical unit, as well as compressive function, manifested in contractions, and emotive one, expressed through metaphors. The study also revealed two countervailing processes: the determinologization, which gives rise to professionalisms, and the terminologization of substandard vocabulary.

Keywords: professional communication; substandard vocabulary; sublanguage; professionalisms; jargonisms; interjargonisms; interprofessionalisms

For citation. Fomin, A. G., & Andreyashina, A. V. (2025). Features of the substandard vocabulary in the professional communication of aviation specialists (based on the English language). *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 143–169. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-527>

Введение

Язык как объект лингвистических исследований всегда находится в центре внимания ученых, поскольку со временем он подвергается количественным и качественным изменениям. В настоящее время в научной среде особенно активно изучается профессиональная коммуникация.

Профессиональная коммуникация представляет собой специфическую модель, в рамках которой национально-культурные особенности коммуникантов находят отражение в вербальных средствах (лексические единицы, грамматические структуры) и невербальных средствах (жесты и интонация) [9, с. 26]. Профессиональное общение отличается от бытового общения тем, что в ней национальные особенности коммуникантов не просто присутствуют, но и являются системообразующим фактором, напрямую влияющим на эффективность и результат взаимодействия.

Специфика профессиональной коммуникации, пронизанная культурно-обусловленными элементами, требует рассматривать ее главный инструмент – язык – в качестве целостной системы.

Язык – сложная структура, все элементы которой находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Его следует рассматривать не просто как совокупность лексических единиц и грамматических конструкций, а как целостную систему, включающую взаимодействующие подсистемы [16, с. 10].

Ю. В. Правиков, поддерживая данную точку зрения, утверждает, что язык – это система, структура которой содержит ряд частично перекрещивающихся подсистем, называемых подъязыками или субъязыками [14, с. 78-79].

Р. Киттредж определяет подъязык как функциональную и структурно обособленную разновидность естественного языка, используемую определенным сообществом специалистов для коммуникации в строго ограниченной предметной области, которая включает в себя специализированную лексику и особые синтаксические конструкции [39, с. 79].

Синтаксис подъязыка обладает значительными отличиями от синтаксиса общелитературного языка. Это проявляется, в частности, в активном использовании эллиптических конструкций. Частотность употребления различных синтаксических структур также может кардинально различаться. Так, в технической литературе практически полностью отсутствуют вопросительные формы, стилистические инверсии и восклицания.

Вслед за Л. Л. Нелюбиным, в данном исследовании под подъязыком понимается языковая подсистема, включающая в себя набор языковых единиц и структур, обладающая функционально-стилистической направленностью и обслуживающая определенную предметную область [13, с. 157].

Таким образом, данный подход предлагает комплексный и многоаспектный взгляд на феномен подъязыка. Во-первых, он акцентирует его функциональную природу, рассматривая подъязык не как изолированное явление, а как инструмент, порожденный и обслуживающий конкретную сферу человеческой деятельности – профессиональную или социальную. Это позволяет анализировать языковые явления в непосредственной связи с их коммуникативными задачами,

что является ключевым для современной лингвистики. Во-вторых, данная дефиниция подчеркивает системный характер подъязыка. Это означает, что объектом исследования становится не просто набор отдельных специальных слов, а целостная структура, обладающая собственным набором языковых единиц и правил их сочетания. Такой подход позволяет выявить внутреннюю организацию подъязыка и описать его лексические, грамматические и синтаксические особенности, как взаимосвязанные элементы одной системы.

В структуру любого профессионального подъязыка входят кодифицированная и некодифицированная (субстандартная) лексика. Субстандартная лексика представляет собой набор языковых единиц, отклоняющихся от литературной нормы и употребляющихся главным образом в коммуникации.

Субстандартные лексические единицы – совокупность разговорных лексем, выходящих за пределы литературного языка [17, с. 7].

Некодифицированная (субстандартная) лексика играет ключевую роль, так как она выполняет функцию эмоциональной выразительности речи специалистов. Эмоциональная выразительность является неотъемлемым компонентом профессиональной коммуникации, так как способствует не только трансляции фактов, но и формированию групповой идентичности, снятию психологического напряжения, экспрессивной оценке рабочей ситуации и укреплению связей внутри коллектива. По мнению А. Э. Мезит, данная функция СЛЕ называется эмотивной (экспрессивной) [13, с. 23].

Некодифицированная лексика выполняет также компрессивную функцию (функцию экономии языковых средств), которая выходит на первый план, поскольку в условиях профессиональной деятельности скорость информационного обмена является критически важным показателем. Она реализуется через редукцию языковой формы и направлена на экономию речевых усилий и оптимизацию коммуникативного процесса. Ключевыми средствами реализации данной функции являются аббревиация и сокращения [8, с. 133].

Мы согласны с позицией С. А. Титаренко, который определяет все вышеуказанные функции как имплицитные (вторичные, второ-

степенные). Их реализация в высказывании обусловлена стремлением автора достичь с помощью сообщения желаемого прагматического эффекта; к эксплицитным (первичным, базовым) он относит номинативную функцию и функцию новизны [20, с. 118].

Основу любого высказывания формируют лексические единицы, которые служат носителями информации. Данная информация отражена в значении, которое проецирует ментальную репрезентацию объектов и явлений действительности и дает им названия. Поэтому номинативная функция носит фундаментальный, а не второстепенный характер, поскольку сама коммуникация не состоялась бы без процесса номинации лексемами явлений окружающей действительности.

Номинативная функция субстандартной лексики проявляется в четком и точном обозначении объектов или явлений, характерных для конкретной сферы деятельности.

Функция новизны также относится к базовой функции субстандартной лексики, поскольку данные лексемы служат постоянным источником обогащения литературного языка всевозможными способами [33, с. 195].

Материалы и методы

Для выявления и описания функциональных особенностей англоязычной субстандартной лексики в профессиональной коммуникации авиаспециалистов методом целенаправленной выборки было отобрано 188 английских субстандартных лексических единиц (СЛЕ). Источниками языкового материала послужил англоязычный форум авиационной тематики на сайте AIRLINERS.NET: Civil Aviation.

В работе был использован ряд методов исследования: метод классификационного анализа, позволивший систематизировать отобранные языковые единицы и определить их статус, метод функционального анализа, обеспечивший выделение функций, выполняемых субстандартной лексикой; метод лексикографического анализа, примененный для проверки наличия лексической единицы в слова-

рях в целях рассмотрения процессов перехода лексики между пластами субстандартной и кодифицированной лексики.

Результаты и обсуждения

Некодифицированная лексика в англоязычной профессиональной коммуникации включает профессиональное просторечие и профессиональный жаргон.

Профессиональное просторечие представляет собой некодифицированную, устную разновидность языка, обслуживающую сферу профессионального общения [21, с. 50]. В отличие от терминологии, данный пласт лексики функционирует в устной, неподготовленной профессиональной речи.

Основу профессионального просторечия в подъязыке авиаспециалистов составляют профессионализмы (93% из числа отобранных СЛЕ). С точки зрения семантико-функциональной характеристики, профессионализмы противопоставляются терминам, обозначая одно и то же явление профессиональной деятельности. Термины являются официальными элементами научного стиля литературного языка, тогда как профессионализмы отражают неформальную речь работников конкретной научно-производственной области [18, с. 399; 23, с. 175]. Например, *pinkie* – посадка, совершаемая в сумерках между официальным временем захода солнца (или восход солнца) и настоящей темнотой [24] (профессионализм), функционирует в устной коммуникации благодаря своей эмоциональной окраске, возникшей в результате метафорического переноса.

- 1) “Let’s wrap it up before sunset – I don’t wanna deal with a *pinkie* landing in this crosswind” [27].

В отличие от профессионализмов, термины, будучи кодифицированными лексическими единицами, используются не только в устной коммуникации, но и в научной литературе. Например, *gyroplane* – автожир, винтокрылый летательный аппарат (термин используется в научной литературе):

- 2) “Mathematical models of a *gyroplane* rotor have been carried out.” [37, с. 1].

Отсутствие словарной дефиниции является еще одной дифференцирующей чертой профессионализмов. Например, “*autopilot* (from Greek *autos* – self... and French *pilote* – chief, leader) – name of subsystem of stabilization as part of the automatic airborne control system supporting automatic stabilization in space and control of airplane for the purpose of saving of the given flight mode” [6, с. 6] (термин с дефиницией); *ground Joes* – лицо нелетного состава (профессионализм, не имеет дефиниции в словаре).

Профессионализмы, в отличие от стилистически нейтральных терминов, часто обладают экспрессивной окраской. Например, *thunder chickens* – вертолеты (профессионализм, экспрессивно окрашен); *helicopters* – flight vehicle being heavier than air with a vertical taking-off and landing [6, с. 28], термин, стилистически нейтрален:

- 3) “We’ve got a flight of *thunder chickens* on final approach, every one clear the active runway” [27].

В данном предложении использован профессионализм *thunder chickens*, который образован в результате метафорического переноса значения на основе подобия звука работы вертолета и грома. Слово *chickens* здесь используется в ироничном и шутовском контексте и показывает отношение специалиста к данному объекту.

- 4) “If you told me the airline would offer extra legroom and assigned seating? I would have needed an airlift via medical *helicopter* to the nearest trauma unit!” [27].

В предложении выше использован термин *helicopter*, стилистически нейтральный эквивалент эмоционально окрашенного слова *thunder chickens*.

Профессиональное просторечие в подъязыке авиаспециалистов включает также интерпрофессионализмы (1,5%). Интерпрофессионализмы – это профессионализмы, которые употребляются в нескольких профессиональных подъязыках [15, с. 50]. Например, *bear* – 1. Самолет Ту-95 (авиационной область). 2. Человек, который считает, что рыночные цены, особенно на акции, будут снижаться (банковское дело). 3. Игрок в карты, который постоянно блефует

(игры). 4. Человек, который проявляет силу или мужество (военная сфера) [38].

Субстандартная лексика включает также профессиональные жаргонизмы, относящиеся к профессиональному жаргону (5%). Профессиональные жаргонизмы – это субстандартные лексические единицы, фигурирующие в речи профессиональных групп или социальных прослоек, поставленных в особые условия жизни и общения» [19, с. 48]. Например, *Forever Fucking Gone* – ракетоноситель. Фраза *Forever Gone* указывает на основную функцию ракетоносителя – выводить спутники или другие объекты в космос, где они «навсегда уходят» из видимости земли. Это может символизировать окончательную потерю связи с объектом после его запуска. Профессионализм содержит сильный эмоциональный элемент – *fucking*. Использование ненормативной лексики придает названию агрессивный характер, что отражает силу и мощь ракетоносителя.

Профессиональные жаргонизмы – некодифицированные лексемы оценочного характера, выражающие отношение профессиональной группы к явлениям трудовой деятельности, функционирующие как стилистически сниженные дублеты кодифицированной лексики [1, с. 526]. Для профессиональных жаргонизмов свойственен ряд дифференцирующих признаков, включающих стилистическую сниженность, наличие коннотативного компонента в лексическом значении и пейоративную окраску [21, с. 160]. Например, *goat* (козел, отскок самолета от взлетно-посадочной полосы после касания шасси при посадке) – жаргонизм, имеет негативную эмоциональную окраску. Метафорика рассматриваемого жаргонизма строится на образном сравнении. Упругое и неконтролируемое отскакивание самолета от полосы ассоциируется с поведением животного – козла, известного своими резкими, прыгучими движениями. Использование именно этого образа передает высокую степень риска и неудачной посадки.

К субстандартной лексике подъязыка авиаспециалистов, наряду с другими разновидностями, относятся интержаргонизмы (0,5%). Интержаргонизмы – жаргонизмы, имеющие аналогичное значе-

ние в разных профессиональных языках [11, с. 68]: *puke* – пилот (в авиационной сфере); акт продажи ценной бумаги или другого актива, несмотря на то, что это будет сделано в убыток (в финансовой сфере).

Таким образом, мы представили полную характеристику структуры субстандартной лексики авиационного подъязыка и выяснили, что его основу формируют профессионализмы.

Для полного понимания ее роли необходимо рассмотреть функции, которые она выполняет.

Основной функцией англоязычной субстандартной лексики в профессиональной коммуникации авиаспециалистов выступает номинативная функция, которая заключается в наименовании предметов и явлений. Данная функция является эксплицитной (базовой), так как она реализуется в каждой языковой единице [20, с. 117].

Выполняя номинативную функцию, субстандартные лексические единицы образуют вторичную систему, где профессиональные реалии получают свои наименования, сосуществующие со стандартами кодифицированного языка [10, с. 159].

- 5) “It’s a matter of weather the A359 for EK ends up on the East coast of Australia – *Doctor Fog* might have the final say on that, especially in terms of a WLG service, where weather patters could make it the most likely option” [27].

В данном предложении профессионализм *Doctor fog* заменяет лексему литературного языка *meteorologist*. Это подтверждает мысль Ю. В. Лаптевой о том, что некодифицированная лексика является вторичной лексической системой, в которой субстандартные слова являются заменителями литературных слов.

Функция новизны, являющаяся еще одной эксплицитной функцией, проявляется в момент употребления лексических или семантических новообразований в процессе коммуникации [2, с. 176; 21, с. 244].

- 6) “Yeah, I heard that unit’s been *sick* all week. The new part finally came in, so we’ll get it fixed” [27].

В данном примере профессионализм *sick* (в неисправном состоянии) образован в результате антропоморфной метафоры на основе

функционального подобия организма человека и предмета в авиации. В организме человека болезнь нарушает его нормальное функционирование – организм ослаблен и не может выполнять задачи в полную силу. Так же и у оборудования, неисправность нарушает его слаженную работу – устройство функционирует с перебоями, некорректно или просто выходит из строя. Оба предмета имеют общий признак – неспособность корректно выполнять свою основную функцию. Данный семантический неологизм, возникший в результате метафорического переноса, выполняет функцию новизны, поскольку наделяет существующую лексему иным, профессионально-специфическим значением, способствуя обогащению языка специалистов.

Имплицитные (вторичные) функции СЛЕ в профессиональной коммуникации авиаспециалистов – это функции, реализация которых связана с коммуникативными намерениями говорящего достичь посредством использования определенных СЛЕ конкретного прагматического эффекта [20, с. 118]. Имплицитными в рассматриваемом подязыке являются компрессивная и эмотивная функции.

Эмотивная функция некодифицированной лексики заключается в том, что она помогает выразить эмоции, чувства и личную оценку говорящего, придавая общению более яркий и живой характер.

Субстандартная лексика не только называет предметы и явления, но и выражает отношение коммуникантов к ним. Оценочный компонент значения придает лексике эмоциональную окрашенность. В подязыке авиаспециалистов СЛЕ, выполняющие эмотивную функцию, делятся на:

- 1) лексемы, характеризующиеся положительной оценкой;
- 2) лексемы, характеризующиеся отрицательной оценкой

В исследуемом подязыке выявлены субстандартные лексические единицы, характеризующиеся положительной оценкой. Положительную экспрессивную окрашенность придают профессиональным наименованиям метафоры: *hawk* (летательный аппарат), *pirate* (пилот).

- 7) “Its MMO is 82. Above 80. You have to watch it because the auto-throttles are so slow that it will quickly over speed if it starts

accelerating or in chop – especially if another *hawk* is nearby causing wake turbulence” [27].

В вышеприведенном примере используется метафорически преобразованный профессионализм *hawk*. Метафоризация значения произошла на основе сходства летательного аппарата, характеризующегося быстротой и эффективностью работы, с ястребом – хищной птицей, обладающей мгновенной реакцией и острым зрением. Метафора влияет на положительное восприятие, создавая образы скорости, эффективности и мастерства, что является желаемыми качествами для летательных аппаратов, особенно в контексте военной авиации.

Отрицательную экспрессивную окрашенность имеют профессионализмы-прономинанты, образованные в результате метафорического переноса: *gomer* – неопытный противник в воздушном бою.

8) “Plus Neptune is moving on from its Afro fleet to an A-319 firetanker, which is oddest of all since that particular aircraft doesn’t have a cargo conversion available. Even a *gomer* could tell you that trying to turn aa short-haul airliner into a firefighting rig without the right mods is a losing battle” [27].

Слово *gomer* заимствовано из старого телевизионного шоу “Gomer Pyle, U.S.M.C”, в котором главный персонаж, Гомер Пайл, изображался как неуклюжий и не слишком сообразительный морской пехотинец. В авиационном подъязыке это имя стало метафорически использоваться для обозначения противника, который рассматривается как менее опытный в воздушном бою. Таким образом, субстандартная лексическая единица *gomer* образовалась в результате метафорического переноса на основе сходств характеристик (неопытность или некомпетентность) двух сравниваемых объектов.

В исследуемом подъязыке встречается лексика с вульгарной окраской (*Fucking National Guard* – Национальная воздушная гвардия).

9) “This is correct. They are just demoing the old building to get it out of the way. *The Fucking National Guard* no longer is at the airport.” [27].

В данном предложении использование жаргонного слова *Fucking* усиливает эмоциональную окраску высказывания. В данном случае оно сигнализирует о раздражении, связанном с задержками, вызванными Национальной гвардией. Это слово служит для подчеркивания недовольства и может указывать на то, что собеседник считает действия этой группы неэффективными. Другая причина использования данного жаргона может заключаться в том, что в некоторых кругах существует определенное предвзятое мнение о Национальной гвардии как о менее профессиональной или менее подготовленной по сравнению с регулярными вооруженными силами.

В профессиональной коммуникации авиаспециалистов СЛЕ с отрицательной оценкой больше (17,5%), чем СЛЕ с положительной (12,3%). Это обосновывается тем, что работа в авиации часто связана с высоким уровнем стресса и ответственностью. В таких условиях специалисты могут использовать более жесткий язык, чтобы выразить недовольство по поводу определенных ситуаций, связанных с безопасностью или эффективностью.

В профессиональной коммуникации авиаспециалистов *эмотивную* функцию выполняют метафорически мотивированные субстандартные лексические единицы, поскольку метафора, основанная на переносе значения, создает яркие и запоминающиеся образы и передает эмоциональную оценку.

Метафорические переносы основаны на сходстве между двумя различными предметами, тем самым создавая богатство и выразительность языка. Это может быть схожесть по форме, внешнему виду, размеру, функциям, цветовым характеристикам и т.д. Так, например, на основе визуального сходства между самолетом и «резкой» облаков произошла метафоризация значения профессионализма *cloud cutter* (летательный аппарат, способный летать на больших высотах). Визуальное сходство оправдано тем, что в процессе полета самолета через облака может создаваться впечатление, что он их «разрезает».

- 10) “I’m just making sure I understand, but your guess at this point is that they have found a flaw that is based on the design of the

aircraft – something even *a cloud cutter* couldn't overcome an altitude – and this will be a very bad thing for Boeing?" [27].

Кроме того, в подъязыке авиаспециалистов были выявлены случаи метафоризации, произошедшей на основе сходства функций: *driver* (пилот летательного аппарата). Общеупотребительное слово *driver* обозначает человека, который управляет транспортным средством. Так как пилот, который управляет самолетом, выполняет аналогичную функцию, метафорический перенос значения является оправданным.

- 11) "You know, being a good *driver* up there isn't just about flying the plane. It's all about reading the conditions and making quick decisions" [27].

Еще одна не менее важная функция, которую выполняют профессиональные наименования в речи авиаспециалистов – компрессивная функция (функция экономии времени), средствами реализации которой является аббревиация и сокращения.

- 12) "I'm assuming the *helo* crew probably doesn't know the profile for RJs typically doing this circle to land either" [27].

В данном предложении профессионализм *helo* реализует компрессивную функцию за счет такого лингвистического приема, как сокращение (*helo* – helicopter).

Лексические единицы, выполняющие функцию экономии языковых средств, относятся к лексико-тематической группе «БПЛА» и «Конструктивные элементы и системы БПЛА». Это можно объяснить тем, что новые системы и компоненты БПЛА появляются очень быстро, а сокращения позволяют оперативно вводить лексические единицы в профессиональный оборот, избегая громоздких описаний.

- 13) "I need some data to do a T/O analysis. So more the RWY data and stuff. At these conditions what are the min rwy lengths needed to have the normal *obst* clearance etc..." [27].

В данном примере используется профессионализм *obst*, приспособленный к условиям устной коммуникации, являющийся более кратким вариантом термина *obstacle* и полученный в результате усечения.

В подъязыке авиаспециалистов **10%** специальной лексики составляют профессионализмы, образованные путем сокращения терминологических единиц. Этот процесс обусловлен прагматической необходимостью – потребностью в быстром и эффективном обмене профессиональной информацией. Подобные лексические единицы представляют собой результат перехода терминов в субстандартный слой языка, в разряд профессионализмов. Изначально научные термины подвергаются сокращению, утрачивая свой формальный статус, но сохраняя семантическую связь с исходным понятием.

Данные профессионализмы являясь наименованиями, соотносимыми с терминами, представляют собой результат их словообразовательных изменений. Трансформация, связанная с приспособлением единиц к условиям устной групповой коммуникации, приводит к созданию более кратких вариантов терминов. Таким образом, ключевым фактором возникновения сокращенных лексических единиц выступает стремление авиаспециалистов к языковой экономии [5, с. 121].

Примечательно, что такие профессионализмы:

1. Широко распространены в разговорной речи, но отсутствуют в научной литературе в силу своей неформальной природы.

2. Не фиксируются в терминологических словарях и не имеют дефиниции.

14) “Feasible and accurate acoustic modeling of external and internal aircraft environments is essential for designing low-noise multi-*propeller* aircraft” [32, с. 1]

15) “... one of the av accidents sites can tell us why he landed there? Clearly it’s an engine out situation, but why? Actually, there were 2 F bombs. *Prop* was not spinning [27].

Анализ приведенных примеров наглядно демонстрирует процесс трансформации терминологической лексики в профессиональной коммуникации авиаспециалистов. Если в научной литературе (пример 14) используется полная терминологическая форма *propeller*, то в разговорной речи (пример 15) мы наблюдаем ее сокращенный вариант *prop*. Кроме того, в англоязычных авиаци-

онных словарях терминов лексема *prop* отсутствует, в отличие от ее терминологического заменителя: “propeller – air-screw, device for thrust force obtaining in air medium” [6, с. 127]. Лексема *prop* зафиксирована только в англоязычном авиационном словаре сленга: “*Prop* (Propeller) – this is the propeller of the drone. This is the spinny blade like thing that helps keep a quadcopter in the air, or propel a fixed wing aircraft forward [34].

16) “The analysis in the article made it possible to characterize in detail possible *modifications* in the functioning of aircraft engines, based both on the current state of technical knowledge and on the anticipated directions of its development, which has not been a frequent issue in comprehensive research so far.” [26, с. 1].

17) “...or broader Polaris 2.0 and more? The sUA “coffin” business seats on the HDs are long in the tooth, and I’ve long thought any future *mod* of the HDs will likely include replacing them with standard domestic First recliners. Since the 787-10 has replaced the HDs on ORD-HNL, IAH/DEN-Hawaii ...” [27].

Данные примеры также показывают процесс перехода термина (*modifications*) в разряд профессионализмов (*mod*). В научной литературе используется полная форма, что и характерно для официального стиля изложения, а в разговорной речи наблюдается использование сокращенной формы – *mod*. Слова-сокращения, имеющие функцию экономии языковых и временных ресурсов, используются в разговорной речи и приобретают статус профессионализмов.

Данное языковое явление отражает динамику развития специальной лексики: термины, используемые в нормативных документах, подвергаются компрессии в условиях профессионального общения, переходя в разряд профессионализмов, неформальных, но общепринятых в профессиональной среде лексических единиц. Данный переход обусловлен потребностью в эффективной коммуникации без потери смысла, стремлением к языковой экономии в условиях высокого темпа профессионального взаимодействия и формированием групповой языковой идентичности авиаспециалистов.

Подобные профессионализмы, сохраняя семантическую связь с исходными терминами, приобретают новый коммуникативный статус – они становятся маркерами профессиональной принадлежности, оставаясь при этом за пределами кодифицированной лексики. Этот процесс ярко иллюстрирует живой, динамичный характер профессионального языка, постоянно адаптирующегося к практическим нуждам его носителей.

В рассматриваемом подязыке также встречается процесс терминологизации субстандартной лексики. Зародившись как профессионализмы, субстандартные лексические единицы постепенно теряют экспрессивность, получают широкое распространение и в итоге, закрепившись в словарях и научной литературе, переходят в разряд официальных терминов.

Ярким примером терминологизации субстандартной лексики служит лексема *tail-dragger* – same as tail-wheel aircraft (самолет с хвостовым колесом) [39, с. 228].

В словаре Дэвида Крокера “Dictionary of Aviation” (2005 г.) данная лексическая единица маркирована как “informal”, что свидетельствует о ее изначальной принадлежности к профессионализмам с эмоциональной окраской, полученной в результате метафорического переноса [29, с. 228].

Примечательно, что в более ранних лексикографических источниках (“Webster’s third new international dictionary of the English language unabridged” 1986 года, “Cambridge international dictionary of English”, 1995 года) этот термин отсутствует, что подтверждает его относительно позднее вхождение в терминосистему авиации [27;39].

В англо-русском авиационном словаре 1941 года встречается только лексическая единица *tail drag* в значении «груз, прикрепленный к корме дирижабля при стоянке на мачте» [7, с. 272].

В современных словарях *tail-dragger* фиксируется без помет “slang” или “informal”, что подтверждает терминологический статус данного слова: “*tail dragger*, also known as a tailwheel aircraft, is a fixed-wing aircraft that has its main landing gear located forward of

the center of gravity, causing the tail to be lower than the nose when on the ground, resulting in the tail resting on the runway” [33].

Употребление данного слова в научных текстах без кавычек также подчеркивает его устоявшийся терминологический статус:

18) “Automatic landing of unmanned, high-altitude long-endurance aircraft, characterized by large wingspans, very low wing loading and – here – by a *tail-dragger* configuration, requires control strategies that differ from classical Autoland systems” [31, с. 1].

О закреплении рассматриваемой лексической единицы в терминосистеме свидетельствует появление системы производных терминов: *tail-dragger configuration, tail-dragger aircraft, tail-dragger landing*.

Среди субстандартной лексики подъязыка авиаспециалистов насчитывается 3% профессионализмов, перешедших в кодифицированный слой языка. Переход профессионализмов в разряд официальных терминов обусловлен несколькими причинами: высокой частотностью употребления, отсутствием нейтрального эквивалента для выражения понятия, а также прагматической необходимостью – удобством использования в устной коммуникации.

Заключение

1. Субстандартная лексика в подъязыке авиаспециалистов включает профессионализмы, интерпрофессионализмы, жаргонизмы, интержаргонизмы.

2. В исследуемом подъязыке профессионализмы преобладают и составляют 93% от общего числа всех отобранных СЛЕ, поскольку данный пласт лексики является менее экспрессивным и, в этой связи, более формальным, нежели жаргонизмы, часто имеющие отрицательную эмоциональную окраску.

3. Субстандартная лексика выполняет самые разнообразные функции, которые тесно связаны между собой: номинативную, эмоциональную, компрессивную и функцию новизны. Все эти функции в совокупности оправдывают цель использования некодифицированной лексики в речи авиаспециалистов в английском языке – сделать

общение доступным, приближенным к стилю профессиональной разговорной речи, а также придать ему выразительность и эмоциональную насыщенность.

4. Основываясь на отобранном языковом материале и не экстраполируя выводы, отмечаем, что 10% терминологических единиц, подвергшихся сокращению, переходит в разряд профессионализмов. Подвергаясь процессу детерминологизации, сокращенные слова ускоряют коммуникацию, обеспечивая оперативность передачи профессиональной информации. Процесс детерминологизации демонстрирует способность профессионального подязыка к непрерывной эволюции в соответствии с практическими требованиями коммуникации.

5. Субстандартная лексика может подвергаться процессу терминологизации. В рассматриваемом подязыке лишь малая часть профессионализмов перешла в разряд терминов (3%). Это можно объяснить тем фактом, что большинство профессионализмов обладает экспрессивной окраской, что может помешать процессу терминологизации.

Список литературы

1. Алиева, П. Ш. (2024). Языковая природа и социальная релевантность профессиональных жаргонизмов. *Мир науки, культуры, образования*, 3(106), 525–527. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-525-527>
2. Афанасьева, Г. И. (1995). *Русско-английский сборник авиационно-технических терминов*. Москва: Авиаздат, 640 с.
3. Берестнев, Г. И. (2002). *Семантика русского языка в когнитивном аспекте*. Калининград: Изд-во КГУ, 157 с.
4. Борхвальдт, О. В. (2000). *Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка* (диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук). Красноярск, 517 с.
5. Голованова, Е. И. (2019). Является ли профессионализм дублетом термина? *Вестник Курганского государственного университета*, 1(52), 120–124.

6. Данилин, А. И. (2012). *Краткий русско-английский словарь по авиации*. Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет им. С. П. Королёва (национальный исследовательский университет), 208 с.
7. Дубошин, В. Н. (1941). *Англо-русский авиационный словарь*. Москва: Гостехиздат, 316 с. Получено с: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005239577/ (дата обращения: 09.08.2024)
8. Захарченко, Т. Е. (2009). *Английский и американский сленг*. Москва: Изд-во АСТ, 133 с.
9. Зоткина, И. В. (2011). *Профессиональная коммуникация языковой подготовки дипломатов* (автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук). Москва, 28 с. Получено с: <https://www.dissercat.com/content/professionalnaya-kommunikatsiya-yazykovoi-podgotovki-diplomatov> (дата обращения: 07.06.2025)
10. Лаптева, Ю. В. (2012). Функции молодёжного сленга (на материале французского языка). *Вестник МГОУ, 1*, 158–161. Получено с: <https://thelib.net/1783459-funkcii-molodezhnogo-slenga-na-materiale-francuzskogo-jazyka.html> (дата обращения: 07.06.2025)
11. Мезит, А. Э. (2018). *Подъязык и профессиональная языковая картина мира работников гидроэнергетической отрасли (функциональный и лексикографический аспект)* (диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук), 249 с.
12. Мезит, А. Э. (2020). Некодифицированная лексика в языке гидроэнергетиков. *Вестник Томского государственного университета, 453*, 20–28. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/3>
13. Нелюбин, Л. Л. (2003). *Толковый переводческий словарь*. Москва: Флинта, 318 с.
14. Правиков, Ю. В. (2007). Феномен подъязыка в культуре в контексте понятий национального, литературного и искусственного языка. *Аналитика культурологии, 7*. Получено с: <https://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1600-феномен-подъязыка-в-культуре-в-контексте-понятий-национального-литературного-и-искусственного-языка.html> (дата обращения: 05.05.2025)

15. Прибытова, Л. В. (2023). Субстандартная лексика в подязыке угледобывающей отрасли. *Филология: научные исследования*, 9, 47–59. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.9.43478>
16. Раскин, В. (2007). *К теории языковых систем*. Москва: Эдиториал УРСС, 14 с.
17. Рябичкина, Г. В., & Метельская, Е. В. (2011). *Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков*. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 156 с.
18. Сердобинцева, Е. Н. (2012). Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка. *Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского*, 27, 396–401.
19. Скворцов, Л. И. (1972). Профессиональные языки, жаргоны и культура речи. *Русская речь*, 1, 48–59.
20. Титаренко, С. А. (2021). Полифункциональность субстандартной лексики в процессе коммуникативного акта (на материале английского языка). *Гуманитарные и социальные науки*, 89(6), 115–122. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-115-122>
21. Фельде, О. В. (2010). Русское профессиональное просторечие в свете теории LSP (Language for special purposes). *Вестник Читинского государственного университета*, 9(66), 48–52.
22. Эльканова, Б. Д. (2019). Социальные функции американского сленга. В *Современные технологии: проблемы инновационного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции* (с. 243–246). Получено с: <https://elibrary.ru/xmscan> (дата обращения: 09.03.2025)
23. Юсупова, Л. Г. (2016). Особенности профессиональной лексики и её отличие от терминов. *Достижения вузовской науки*, 21, 175–178.
24. Aviation slang. Получено с: <https://sierrahotel.net/pages/aviation-slang-pilot-slang> (дата обращения: 09.04.2025)
25. Acronyms and slang Explained. Получено с: <https://www.dronetrest.com/t/fpv-jargon-buster-acronyms-and-slang-explained/9867> (дата обращения: 04.03.2025)
26. Brodzik, L., Prokopowicz, W., Ciupek, B., & Frackowiak, A. (2025). Minimizing the environmental impact of aircraft engines with the use

- of sustainable aviation fuel (SAF) and hydrogen. *Energies*, 18(3), 472. 21 p. <https://doi.org/10.3390/en18030472>
27. Cambridge International Dictionary of English (1995). New York: Cambridge University Press, 1804 p.
28. Civil Aviation. Получено с: [https://www.airliners.net/forum/search.php?keywords=IMU&fid\[0\]=3](https://www.airliners.net/forum/search.php?keywords=IMU&fid[0]=3) (дата обращения: 05.03.2025)
29. Crocker, D. (2005). *Dictionary of Aviation*. London: Bloomsbury Publishing Plc, 254 p.
30. Kittredge, R. (1982). Sublanguages. *American Journal of Computational Linguistics*, 8(2), 79–84. Получено с: <https://aclanthology.org/J82-2006/> (дата обращения: 05.03.2025)
31. Laabs, B., Luckner, R., Paul, R., & Block, N. (2023). Total energy control for the automatic landing of UAS with large aspect ratio and low wing loading. В *Proceedings of the 10th Aerospace Europe Conference (EUCASS)* (pp. 1–15). <https://doi.org/10.13009/EUCASS2023-949>
32. Luo, L., Huang, X., & Zhang, T. (2025). External and interior acoustics simulation for multi-propeller aircraft based on URANS + FW-H and acoustic-solid coupling. *Chinese Journal of Aeronautics*, 38(7), 31. <https://doi.org/10.1016/j.cja.2025.103453>
33. New Generation Dictionary. Goong.com. Получено с: <https://goong.com/word/tail-dragger-meaning/> (дата обращения: 02.02.2025)
34. Pierce, R. M. (1911). *Dictionary of Aviation*. New York: The Baker & Taylor Company, 266 p.
35. Plag, I. (2004). Syntactic category information and the semantics of derivational morphological rules. *Folia Linguistica*, 58(3/4), 193–226.
36. Smith, T. (1954). *Aircraft Year Book for 1954*. Washington: The Lincoln Press, 472 p.
37. Somov, Y. I., & Polyntsev, O. Y. (2005). Nonlinear dynamics and robust control of a gyroplane rotor. *IFAC Proceedings Volumes*, 38.1, 97–102.
38. Thesaurus.com. Получено с: <https://www.dictionary.com/browse/bear> (дата обращения: 09.04.2025)
39. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged: With Seven Language Dictionary (1986). Chicago: Encyclopædia Britannica, 1136 p. Получено с: <https://archive.org/details/>

webstersthirdnew0000unse_c1v0/page/n7/mode/2up?q=tail-dragger
(дата обращения: 04.03.2025)

References

1. Alieva, P. Sh. (2024). The linguistic nature and social relevance of professional jargonisms. *World of Science, Culture, Education*, 3(106), 525–527. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-525-527>
2. Afanasyeva, G. I. (1995). *Russian-English collection of aviation technical terms*. Moscow: Aviazdat, 640 p.
3. Berestnev, G. I. (2002). *Semantics of the Russian language in the cognitive aspect*. Kaliningrad: KSU Publishing House, 157 p.
4. Borkhvaldt, O. V. (2000). *Vocabulary of gold mining in the aspect of historical terminology of the Russian language* [Doctoral thesis in Philological Sciences]. Krasnoyarsk, 517 p.
5. Golovanova, E. I. (2019). Is a professionalism a doublet of a term? *Bulletin of Kurgan State University*, 1(52), 120–124.
6. Danilin, A. I. (2012). *Concise Russian-English dictionary of aviation*. Samara: S. P. Korolev Samara State Aerospace University (National Research University), 208 p.
7. Duboshin, V. N. (1941). *English-Russian aviation dictionary*. Moscow: Gostekhizdat, 316 p. Retrieved from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005239577/ (accessed: 09.08.2024)
8. Zakharchenko, T. E. (2009). *English and American slang*. Moscow: AST Publishing House, 133 p.
9. Zotkina, I. V. (2011). *Professional communication in language training of diplomats* [PhD thesis abstract in Pedagogical Sciences]. Moscow, 28 p. Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/professionalnaya-kommunikatsiya-yazykovoi-podgotovki-diplomatov> (accessed: 07.06.2025)
10. Lapteva, Yu. V. (2012). Functions of youth slang (based on French language material). *Bulletin of Moscow Region State University*, 1, 158–161. Retrieved from <https://thelib.net/1783459-funkcii-molodezhnogo-slenga-na-materiale-francuzskogo-jazyka.html> (accessed: 07.06.2025)

11. Mezit, A. E. (2018). *Sublanguage and professional linguistic worldview of hydropower industry workers (functional and lexicographic aspect)* [PhD thesis in Philological Sciences], 249 p.
12. Mezit, A. E. (2020). Non-codified vocabulary in the language of hydro-power engineers. *Bulletin of Tomsk State University*, 453, 20–28. <https://doi.org/10.17223/15617793/453/3>
13. Nelyubin, L. L. (2003). *Explanatory translation dictionary*. Moscow: Flinta, 318 p.
14. Pravikov, Yu. V. (2007). The phenomenon of sublanguage in culture in the context of concepts of national, literary, and artificial language. *Analytics of Culturology*, 7. Retrieved from <https://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1600-феномен-подъязыка-в-культуре-в-контексте-понятий-национального-литературного-и-искусственного-языка.html> (accessed: 05.05.2025)
15. Pribytova, L. V. (2023). Substandard vocabulary in the sublanguage of the coal mining industry. *Philology: Scientific Research*, 9, 47–59. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.9.43478>
16. Raskin, V. (2007). *Toward a theory of language systems*. Moscow: Editorial URSS, 14 p.
17. Ryabichkina, G. V., & Metelskaya, E. V. (2011). *Dictionary of substandard vocabulary (jargon, argot, slang) in Russian and English*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilyevich, 156 p.
18. Serdobintseva, E. N. (2012). Professionalisms in the system of special vocabulary and in the system of the national language. *Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 27, 396–401.
19. Skvortsov, L. I. (1972). Professional languages, jargons, and speech culture. *Russian Speech*, 1, 48–59.
20. Titarenko, S. A. (2021). Polyfunctionality of substandard vocabulary in the communicative act (based on English language material). *Humanities and Social Sciences*, 89(6), 115–122. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-115-122>
21. Felde, O. V. (2010). Russian professional vernacular in the light of LSP (Language for Special Purposes) theory. *Bulletin of Chita State University*, 9(66), 48–52.

22. Elkanova, B. D. (2019). Social functions of American slang. In *Modern Technologies: Issues of Innovative Development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 243–246). Retrieved from <https://elibrary.ru/xmscan> (accessed: 09.03.2025)
23. Yusupova, L. G. (2016). Features of professional vocabulary and its difference from terms. *Achievements of University Science*, 21, 175–178.
24. *Aviation slang*. Retrieved from <https://sierrahotel.net/pages/aviation-slang-pilot-slang> (accessed: 09.04.2025)
25. *Acronyms and slang explained*. Retrieved from <https://www.dronetrest.com/t/fpv-jargon-buster-acronyms-and-slang-explained/9867> (accessed: 04.03.2025)
26. Brodzik, L., Prokopowicz, W., Ciupek, B., & Frackowiak, A. (2025). Minimizing the environmental impact of aircraft engines with the use of sustainable aviation fuel (SAF) and hydrogen. *Energies*, 18(3), 472. 21 p. <https://doi.org/10.3390/en18030472>
27. *Cambridge International Dictionary of English*. (1995). New York: Cambridge University Press, 1804 p.
28. *Civil Aviation*. Retrieved from [https://www.airliners.net/forum/search.php?keywords=IMU&fid\[0\]=3](https://www.airliners.net/forum/search.php?keywords=IMU&fid[0]=3) (accessed: 05.03.2025)
29. Crocker, D. (2005). *Dictionary of aviation*. London: Bloomsbury Publishing Plc, 254 p.
30. Kittredge, R. (1982). Sublanguages. *American Journal of Computational Linguistics*, 8(2), 79–84. Retrieved from <https://aclanthology.org/J82-2006/> (accessed: 05.03.2025)
31. Laabs, B., Luckner, R., Paul, R., & Block, N. (2023). Total energy control for the automatic landing of UAS with large aspect ratio and low wing loading. In *Proceedings of the 10th Aerospace Europe Conference (EUCASS)* (pp. 1–15). <https://doi.org/10.13009/EUCASS2023-949>
32. Luo, L., Huang, X., & Zhang, T. (2025). External and interior acoustics simulation for multi-propeller aircraft based on URANS + FW H and acoustic solid coupling. *Chinese Journal of Aeronautics*, 38(7), 31. <https://doi.org/10.1016/j.cja.2025.103453>
33. *New Generation Dictionary*. Goong.com. Retrieved from <https://goong.com/word/tail-dragger-meaning/> (accessed: 02.02.2025)

34. Pierce, R. M. (1911). *Dictionary of aviation*. New York: The Baker & Taylor Company, 266 p.
35. Plag, I. (2004). Syntactic category information and the semantics of derivational morphological rules. *Folia Linguistica*, 58(3/4), 193–226.
36. Smith, T. (1954). *Aircraft year book for 1954*. Washington: The Lincoln Press, 472 p.
37. Somov, Y. I., & Polyntsev, O. Y. (2005). Nonlinear dynamics and robust control of a gyroplane rotor. *IFAC Proceedings Volumes*, 38.1, 97–102.
38. *Thesaurus.com*. Retrieved from <https://www.dictionary.com/browse/bear> (accessed: 09.04.2025)
39. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged: With Seven Language Dictionary*. (1986). Chicago: Encyclopædia Britannica, 1136 p. Retrieved from https://archive.org/details/webstersthirdnew0000unse_c1v0/page/n7/mode/2up?q=tail-dragger (accessed: 04.03.2025)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фомин Андрей Геннадьевич, профессор, профессор кафедры переводоведения и лингвистики
Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, г. Кемерово, 650000, Российская Федерация
andfomin67@mail.ru

Андреяшина Анастасия Вячеславовна, преподаватель; соискатель
Новосибирский государственный технический университет;
Кемеровский государственный университет
ул. Карла Маркса, 20, г. Новосибирск, 630073, Российская Федерация; ул. Красная, 6, г. Кемерово, 650000, Российская Федерация
Хрулях99@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Andrey G. Fomin, D.Sc. of Philology, Professor, Professor of the Department of Translation Studies and Linguistics

Kemerovo State University
6, Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation
andfomin67@mail.ru
SPIN-code: 5774-7041
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>
Researcher ID: B-5240-2019
Scopus Author ID: 57204806354
Academia.edu: <https://independent.academia.edu/AndreyFomin9>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Andrey-Fomin>

Anastasiya V. Andreyashina, lecturer; applicant

Novosibirsk State Technical University; Kemerovo State University
20, Karl Marx Str., Novosibirsk, 630073, Russian Federation; 6,
Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation
Xpylyax99@mail.ru
SPIN-code: 6716-0584
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-7794-4737>

Поступила 29.09.2025
После рецензирования 20.10.2025
Принята 30.10.2025

Received 29.09.2025
Revised 20.10.2025
Accepted 30.10.2025

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTEGRATIVE HUMANITIES RESEARCH

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-528 EDN: СААУТТ

УДК 372.881.1

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕЧЕВОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ

А.Р. Каюмова, Г.В. Садыкова

Аннотация

Обоснование. За последние десять лет интерес к искусственному интеллекту (ИИ) в мире существенно вырос. ИИ рассматривается как катализатор трансформаций в образовании, в том числе дошкольном, что должно затрагивать не только обучающегося, педагога и управленца, но и родителя, так как именно родитель зачастую является для своих детей основным «поставщиком» гаджетов и приложений, построенных на базе ИИ, мерилом их безопасности и полезности.

Цель – определить отношение современного родителя к ИИ как к средству развития речи ребенка 4-7 лет и обозначить риски, связанные с внедрением интеллектуальных технологий в программы обучения дошкольников.

Материалы и методы. Исследование проведено с применением количественных и качественных методов: опрос (анкетирование и интервью) и контент-анализ видеозаписей занятий и дневников ситуационной рефлексии. Всего в исследовании приняло участие 44 родителя и более 180 детей 4-7 лет.

Результаты. Результаты исследования свидетельствуют о преимущественно положительном восприятии родителями внедрения

ИИ-технологий в дошкольное обучение, что обусловлено их верой в потенциал данных инструментов для развития детей, в том числе языкового. По окончании эксперимента родители отметили значительные преимущества использования технологий ИИ, такие как пополнение словарного запаса, развитие навыков говорения и аудирования, а также повышение мотивации к обучению через геймификацию. Однако, наряду с этим, выявлены существенные риски, связанные с ограничением социального взаимодействия и физической активности при чрезмерном взаимодействии с ИИ-технологиями, возможной неточностью и гипертрофированностью генерируемого контента. Также отмечается необходимость учета финансовых затрат, технических сбоев и недостатка ИКТ-компетенций у педагогов и родителей. Исследование подчеркивает важность сбалансированного и ответственного внедрения ИИ в дошкольное образование, учитывающего как его преимущества, так и потенциальные угрозы.

Ключевые слова: искусственный интеллект; развитие речи; дошкольный возраст; детский сад; домашнее обучение; родители

Для цитирования. Каюмова, А. Р., & Садыкова, Г. В. (2025). Искусственный интеллект в речевом развитии детей. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 170–191. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-528>

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CHILDREN'S SPEECH DEVELOPMENT

A.R. Kayumova, G.V. Sadykova

Abstract

Background. Over the past ten years, interest in artificial intelligence (AI) has grown significantly around the world. AI is seen as a catalyst for transformations in education, including preschool education, which should affect not only the learner, teacher and administrator, but also the parent,

as it is the parent who is often the main “supplier” of AI-based gadgets and applications for their children, the measure of their safety and usefulness.

Purpose. The article aims to determine the attitude of modern parents towards AI as a means of speech development in children aged 4 to 7, and to identify the risks associated with the introduction of intelligent technologies into preschool education programs.

Materials and methods. The study combined quantitative and qualitative methods: a survey (questionnaires and interviews) and content analysis of video recordings of classes and situational reflection diaries. A total of 44 parents and more than 180 children aged 4-7 participated in the study.

Results. The results of the study indicate a predominantly positive perception of AI technologies in preschool education by parents, as they believe in the potential of these tools for the holistic development of children as well as their language development. At the end of the experiment, the parents noted significant benefits of using AI technologies, such as expanding vocabulary, developing speaking and listening skills, and increasing motivation through gamification. However, there are also significant risks associated with limiting children’s social interaction and physical activity through excessive use of AI technologies, as well as potential inaccuracies and exaggerations in generated content. The study also shows the need to consider financial costs, technical failures, and the lack of ICT skills among teachers and parents. The study highlights the importance of a balanced and responsible implementation of AI in early childhood education, taking into account both its benefits and possible threats.

Keywords: artificial intelligence; speech development; preschool age; kindergarten; home education; parents

For citation. A Kayumova, A. R., & Sadykova, G. V. (2025). Artificial intelligence in children’s speech development. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 170–191. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-528>

Введение

Последние прорывы в области технологий искусственного интеллекта (ИИ) существенно трансформируют общественные институты, включая систему образования, что влияет как на содержание

обучающих программ, так и на методы и средства, используемые в них. Активными пользователями ИИ-инструментов становятся и педагоги, и родители, и дети. Вместе с тем образовательный потенциал интеллектуальных технологий на сегодняшний момент недостаточно изучен, что особенно актуально для системы дошкольного образования. Как и любая другая инновация, ИИ-технологии требуют серьезного изучения и апробаций, прежде чем станут неотъемлемым и массовым инструментом, применяемым с детьми дошкольного возраста. Перед педагогическим сообществом стоит проблема создания и внедрения научно-обоснованных эффективных моделей интеграции интеллектуальных технологий в программы обучения детей.

Хотя применение технологии ИИ с дошкольниками пока остается малоизученной темой, можно говорить о существенном росте интереса педагогов и родителей к новым интеллектуальным инструментам развития детей. Ряд ученых отмечает важность развития ИИ-грамотности у детей с самого раннего детства [1; 13; 18], а развитие компетенций педагогов в области применения ИИ в профессиональных целях ставится важной задачей системы образования [4; 16; 19]. Вместе с тем, родители, зачастую являясь для своих детей основным «поставщиком» гаджетов и приложений, построенных на основе технологий ИИ, также требуют внимания со стороны научного сообщества. Будучи посредником между ИИ-технологиями и ребенком, родитель выполняет критически важную роль медиатора, который определяет качество и количество взаимодействия «ребенок-технология» [3; 20].

Цель данной статьи – определить отношение современного родителя к ИИ как к средству развития речи ребенка 4-7 лет и обозначить риски, связанные с внедрением интеллектуальных технологий в программы обучения дошкольников.

Обзор научной литературы показывает, что технологии искусственного интеллекта, особенно новейшие модели генеративного ИИ, стали объектом педагогических исследований лишь в последние несколько лет. Вместе с тем уже есть доказательства того, что

ИИ-технологии могут быть средством развития родной и иноязычной речи детей дошкольного возраста. В своей работе J. M. Kory-Westlund и C. Breazeal [12] выявили положительное влияние применения антропоморфного робота на развитие родной (английской) речи детей 3-8 лет. Вербальные и невербальные действия антропоморфного робота также способствовали изучению иностранного (испанского) языка детьми 3-5 лет в исследовании G. Gordon, S. Spaulding, J. K. Westlund и др. [7]. Результаты педагогических экспериментов по использованию ИИ-сервисов и платформ, генерирующих визуальный, аудиальный, текстовый и мультимедийный контент, показали обогащение словарного запаса детей 4-7 лет, изучающих английский язык в контексте полилингвальных детских садов [2; 15].

Взаимодействие ребенка и технологий ИИ могут осуществляться как при участии педагога (воспитателя, учителя), так и при активном вовлечении родителя. В исследовании S. Druga и его коллег [5] родители и дети вместе учились кодировать робота, что способствовало не только развитию ИИ-грамотности, но и созданию эмоционально безопасной среды обучения; при этом родитель брал на себя и традиционные для педагога роли наставника и посредника (медиатора), и роли ученика, соавтора и изобретателя. Плодотворность совместной работы родителя и ребенка с роботизированной игрушкой также была показана в исследовании австралийских ученых S. Kewalramani и др. [11], продемонстрировавших способность ИИ-игрушки вызвать у ребенка чувство воображаемого единения, тем самым способствуя психоэмоциональному комфорту обучаемого.

Исследования последних лет показывают, что многие родители положительно относятся к применению цифровых технологий с детьми дошкольного возраста. Исследователи из Республики Косово M. Gjelaj и др. [6] показали, что хотя педагоги дошкольных организаций в основном выступают против применения ИИ в работе с детьми, предпочитая аутентичные игры и активности для развития психо-моторных навыков, около 67% родителей (из 100 опрошенных) дают детям от 0 до 5 лет доступ к телевизорам (75%),

смартфонам (50%), планшетами (30%) и компьютерам (6%); при этом 43% родителей считают, что цифровые технологии готовят их детей к школе, развивая навыки английского языка, ИТ-компетенции и общие навыки. Схожие результаты получили исследователи из Малайзии S. Joginder Singh и др. [9]: опрос 340 родителей детей 3-5 лет показал, что более 60% детей получают доступ к цифровым технологиям в возрасте до 18 месяцев, а дети 3-5 лет проводят перед экраном от 30 мин до 15 часов в день, что в среднем составляет 2,64 часа ежедневно перед экранами телевизоров (39%), мобильных телефонов (32%) и планшетов (19%). Совместное просмотр экранов осуществляет только 43% родителей, тратя на это не более 1 часа в день; при этом большинство малазийских родителей оценивают речевые навыки своих детей как высокие, то есть не видят негативного влияния ежедневного контакта детей с цифровыми экранами. Более раннее исследование, проведенное в Греции, также выявило позитивное отношение родителей к использованию мобильных технологий дошкольниками [14].

Исследования отношения родителей дошкольников к использованию ИИ-технологий практически нет, за исключением недавно опубликованной работы гонконгского ученого J. Su [17]. Основываясь на опросе 215 родителей и интервью с 5 родителями, ученый пришел к выводу, что большинство родителей поддерживают использование ИИ-технологий и обучение ИИ-грамотности детей дошкольного возраста: опрос показал, что положительно отношение имеют 74,4%, нейтральное – 19,1% и негативное – 6,5%. Вместе с тем родители указали на четыре основных сложности в изучении детьми ИИ: 1) ограничения в понимании, 2) недостаток времени, 3) сложность содержания при изучении ИИ и 4) неопределенность, связанная с соответствием контента возрасту детей.

Вопросы, сопряженные с рисками использования ИИ-инструментов в образовательном контексте, особенно с детьми дошкольного возраста, сейчас приобретают особую важность. Искусственный интеллект становится явлением массового употребления и поэтому требует изучения как с точки зрения положительного

потенциала, так и рисков, связанных с его активным внедрением в жизнь ребенка. Исследования свидетельствуют о том, что технологии ИИ, используемые в системе образования, могут быть сомнительными с точки зрения этики и педагогики. В частности, крупное исследование под руководством W. Holmes [8] показало, что ИИ может способствовать усилению уже существующих предвзятости и неравенства (что связано с необъективным отбором базы данных для создания систем ИИ), коммерциализации баз данных обучающихся, использованию примитивных подходов к обучению, углублению разрыва между привилегированными классами, имеющими доступ к новейшим технологиям и теми, кто такого доступа не имеет. W. Holmes также указывает на риски, связанные с переоценкой уровня интеллекта ИИ и его способности заменить педагога, в особенности в части социального и эмоционального контакта с обучающимся. Более того, W. Holmes указывает на сомнительность результатов персонализированного обучения с ИИ, считая, что индивидуализация обучения несет риски, связанные с развитием у детей социальных навыков и холистического мышления [Там же]. Технологии генеративного искусственного интеллекта (ГенИИ), такие как ChatGPT, также несут риски, связанные с возможностью генерации предвзятого и фейкового контента [10]. Апробация визуальных, аудиальных и мультимодальных генераторов контента, проведенная авторами данной статьи с детьми 4-7 лет в условиях детских образовательных организаций, показала, что ИИ может генерировать контент, неадекватный запросу взрослого (педагога), то есть представить искаженное и/или несоответствующее реальности изображение [2].

В данной статье представлены результаты заключительного этапа двухлетнего исследования, проводимого в целях создания и внедрения *Модели интеграции технологий искусственного интеллекта в программы билингвального развития детей дошкольного возраста*. Ранее авторы изучали вопросы интеграции технологий ИИ в контексте дошкольных образовательных организаций [2; 15]. Цель данной работы – представить результаты исследования данно-

го вопроса с точки зрения родителей детей дошкольного возраста. Работа была направлена на изучение следующих исследовательских вопросов:

1. Каково отношение родителей к использованию ИИ-инструментов в обучении детей-дошкольников?
2. В чем преимущества ИИ и каковы его недостатки с точки зрения родителей?
3. Каковы риски интеграции технологий ИИ в обучение дошкольников?

Материалы и методы

Сбор данных осуществлялся в рамках апробации модели интеграции технологий ИИ в двух образовательных контекстах:

1) в шести государственных и частных полилингвальных дошкольных образовательных организациях Республики Татарстан, где педагоги применяли ИИ-инструменты на занятиях по развитию иноязычной (английской) речи;

2) в домашнем обучении, где две мамы и один папа использовали приложение Buddy.ai (<https://buddy.ai/ru/>) для обучения своих детей (мальчиков 4, 5 и 7 лет) английскому языку.

Для сбора данных использовались: 1) онлайн-анкета, разосланная родителям детей, изучающих английский язык с применением ИИ с педагогом в детском саду, 2) видеозаписи занятий и дневники ситуационной рефлексии (в текстовом и аудио формате), полученные от трех родителей, использовавших диалоговую систему обучения (онлайн-репетитор на базе ИИ) Buddy.ai в домашнем обучении, а также пост-интеграционные интервью с этими родителями. Всего в исследовании приняло участие 44 родителя и более 180 детей 4-7 лет. Данные были подвергнуты количественному и контент-анализу.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что родители, чьи дети применяли ИИ-инструменты на занятиях по иностранному языку в детском саду, в основном имеют оптимистичный взгляд на внедре-

ние ИИ в обучение детей дошкольного возраста, причем этот взгляд был таковым как на этапе до эксперимента, так и на этапе после. Отвечая на вопрос «Почему вы позволили своему ребенку участвовать в эксперименте?», 56,1% респондентов обозначили свою веру в эффективность ИИ-технологий в обучении иностранному языку. Около 30% респондентов прямо ответили, что они «знают, что искусственный интеллект имеет большой потенциал как инструмент обучения». Около трети респондентов (31,7%) в целом желали, чтобы их дети узнали что-то новое об ИИ (рис. 1).

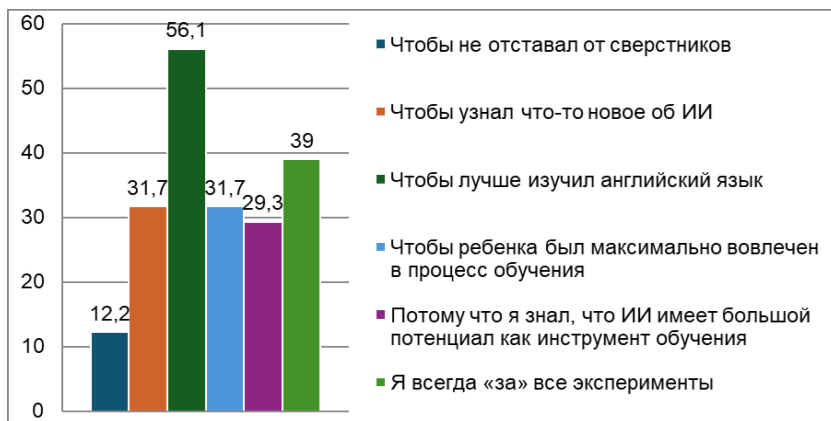

Рис. 1. Ответ на вопрос 1 анкеты (N=41)

По окончании эксперимента родители отметили, что он был полезен как для развития речи детей (82,9%), так и для общего развития ребенка (85,4%) (рис. 2). Польза заключалась в том, что ребенок изучил больше слов на английском языке, проявил больше интереса к обучению, получил положительные эмоции и узнал о возможностях новых технологий (по 51,2% соответственно).

В целом, мнение об ИИ осталось по-прежнему благоприятным. Об этом свидетельствует наличие положительно окрашенной лексики в ответах на открытый вопрос анкеты «Какое ваше отношение к ИИ как к средству обучения детей дошкольного возраста? Изменилось ли это отношение после эксперимента?»: 68,3% респонден-

тов описывали свое отношение как «отличное», «хорошее», «положительное», «лояльное». Причем 7.8% респондентов объясняют своё положительное мнение тем, что замечают интерес ребенка к занятиям с применением ИИ. Один из родителей отметил, что «*ИИ хорош во всех сферах в принципе*».

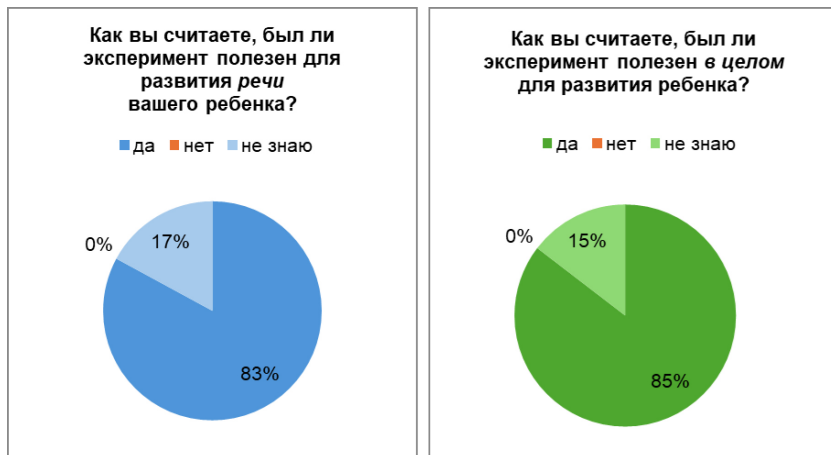

Рис. 2. Ответы на вопросы 2 и 3 анкеты (N=41)

Показательно также мнение одного из родителей, отметившего трансформационный потенциал ИИ как обучающих инструментов: «*Думаю, что это отличная возможность обучать детей интересно и по-новому. Это наше настоящее и будущее. Главное, чтобы детям было интересно, и учеба для них не была пыткой. Инструмент дает возможность заинтересовать детей и дать им новые знания. Отношусь к этому всему с интересом и положительно*».

Тем не менее, у небольшой части респондентов (15,7%) отсутствует четкое мнение относительно применения ИИ в дошкольной среде или же они соблюдают нейтралитет, что говорит о том, что вопрос использования ИИ в обучении дошкольников все же не является однозначным и может вызывать сомнения среди родителей.

Родители детей, занимавшихся с виртуальным репетитором Бадди (рис. 3) в домашних условиях, имеют оптимистичный взгляд на

использование ИИ-технологий для развития дошкольников (в т.ч. языкового). Один родитель высказал мнение, что внедрение ИИ в обучающий процесс является как никогда своевременным, т.к. современные «компьютерные» дети привыкли получать информацию через экран смартфона или другого гаджета, их мотивация в таком случае выше, результаты – лучше. Один родитель, имевший опыт применения ИИ в профессиональной деятельности, назвал его «недооцененным» инструментом.

Рис. 3. Виртуальный репетитор Бадди и его помощник Спарки (снимок экрана)

Внедрив ИИ-репетитора Бадди в домашнее обучение, родители отметили следующие преимущества:

(а) Бадди способствует обогащению словарного запаса детей. Например, отец мальчика 4 лет отметил, что сын использует выученные слова в повседневной речи дома и даже «обучает» этим словам своих сверстников, играя во дворе. Помимо этого, в русскую речь ребенка вошли некоторые заимствования из английского, в частности слово-неологизм «лук» для обозначения образа (от англ. «look»).

(б) ИИ-репетитор развивает навыки говорения, так как стимулирует детей как можно чаще продуцировать речь. Репетитор способен распознать произнесенное ребенком слово и мгновенно дать

обратную связь. При этом анализ видеозаписей показал, что даже когда Бадди не просит повторить за ним слово, ребенок все равно проговаривает его вслед за ним (шепотом или в полный голос).

(в) ИИ-репетитор развивает навыки аудирования. Так, один из родителей считает, что навык восприятия речи на слух улучшается благодаря системности построения занятий и постоянству в подаче команды или похвалы. Действительно, видеозаписи показывают, что дети, занимаясь с Бадди, начали распознавать в речи такие команды на английском языке как «Give me a high five» (ребенок должен нажать на ладонь Бадди) или, например, «Let's consult our friend Sparky» (ребенок должен нажать на Спарки, чтобы тот помог вспомнить слово).

(г) Приложение повышает желание учиться, благодаря привлекательному игровому контенту. Так, все родители отмечают, что дети «с удовольствием» занимаются с Бадди, смотрят мультфильмы с любимыми персонажами, получают монеты за верные ответы. Интересно, что мама мальчика 7 лет неоднократно использует слово «играет», описывая процесс взаимодействия ребенка и репетитора, что доказывает геймифицированность подачи материала.

Хотя результаты исследования свидетельствуют о значимых преимуществах ИИ-технологий и возможности их эффективного применения для развития иноязычной речи детей (см. подробнее в [2; 15]), эмпирические данные говорят и о ряде рисков, связанных с интеграцией ИИ в дошкольное обучение. Часть этих рисков была выявлена именно при опросе родителей и сборе информации в ходе домашнего обучения детей. Очевидно, что родители, чьи дети взаимодействовали с ИИ в детском саду, не могли в полной мере обозначить риски использования ИИ дошкольниками. Тем не менее, один участник анкетирования выразил уверенность в том, что ИИ должен выступать только как дополнение к традиционному образованию и не заменять педагога и живого общения, явно указывая на отсутствие у ИИ качеств, важных для социализации ребенка.

Родители, ставшие непосредственными участниками взаимодействия ИИ и ребенка в домашнем обучении, имели бóльшую

возможность оценить не только эффективность технологии, но и обозначить её недостатки. Во-первых, родители выявили, что ИИ-репетиторы не всегда распознают речь с *возрастными* нарушениями в звукопроизношении и, следовательно, допускают ошибки в оценивании ответов. Подобные случаи демотивируют детей. Во-вторых, со временем интерес детей к приложению ослабевает, и родителям нужно находить способы его подогревать. В-третьих, родители замечают технические вопросы при работе приложения, например проблемы с подключением к сети. В-четвертых, родители считают, что ИИ-репетитор должен дополнять «живые» групповые уроки с педагогом в детском саду или развивающем центре, но не заменять их.

Отмеченные родителями недостатки, а также результаты, полученные при анализе видеозаписей занятий, позволяют выделить следующие риски использования ИИ в дошкольной среде:

1. *Риски в социальном развитии дошкольника*, связанные с ограничением социального взаимодействия со сверстниками и другими взрослыми (напр., воспитателями и педагогами). По мнению родителей, чрезмерное увлечение ИИ-технологиями (в частности, ИИ-репетиторами) может ограничить количество и качество живого общения.
2. *Риски в эмоциональном развитии дошкольника*, вызванные несправедливым оцениванием ответов ребенка пока несовершенной технологией ИИ. Кроме того наблюдение за занятиями по английскому языку в детских образовательных учреждениях указывают на существование рисков, связанных с генерацией гипертрофированного контента (см. подробнее в [2; 15]), о чем родители, не присутствовавшие на занятиях, не могли знать, но с чем могут столкнуться, если также будут использовать технологии генеративного ИИ, создающие визуальный, аудиальный и мультимедийный контент по запросу.
3. *Риски в когнитивном развитии дошкольника*, связанные с доверием ребенка к информации, генерируемой ИИ, которая может быть неточной или неверной. Апробация ряда технологий ИИ в

детских образовательных организациях показала возможность генерации фейкового контента, то есть на рисунке, который сгенерирован ИИ, петух может выглядеть попугаем (совсем не петухом), а вариант перевода слова, предложенный Алисой, может быть не совсем адекватным (см. подробнее в [2; 15]). Обобщённая или упрощённая информация (аудиальная или визуальная), порой производимая несовершенными системами ИИ, может лишить детей возможности увидеть важные различия, например, между животными или цветами.

4. *Риски в физическом развитии дошкольника*, вызванные количеством экранного времени, косвенно вытекают из ответов родителей о графике использования ИИ-репетиторов. В ходе домашнего обучения все родители отдавали предпочтение активному отдыху на улице или занятиям спортом, позволяя детям позаниматься с онлайн-репетитором не по графику. Более того чрезмерное использование ИИ-технологий может негативно сказаться на концентрации внимания, о чем говорили родители детей на домашнем обучении.
5. *Финансовые риски*, связанные с необходимостью оплачивать доступ к наиболее качественным сервисам и платформам ИИ, особенно тем, которые разработаны специально для развития детей. К примеру, виртуальный репетитор по английскому языку Buddy.ai или генератор детских электронных книг Kidgeni требуют оплаты для полноценного доступа к своим ресурсам. Вместе с тем внедрение ИИ-технологий в дошкольное образование требует значительных инвестиций в техническое оснащение, покупку оборудования и подготовку персонала.
6. *Технические риски*, вызванные сбоями работы системы, закрытием доступа к сервисам и платформам, недостатком ИКТ-компетенций у педагогов и родителей. В частности, при работе с Buddy.ai обе мамы испытывали сложности с загрузкой приложения на мобильные устройства (телефоны и планшеты) и обеспечением их стабильной работы в условиях ограничения доступа к онлайн-сервисам и платформам.

7. *Риски отсутствия ИИ-компетенций*, то есть недостаточное понимание принципов работы ИИ-технологий, критериев отбора качественных ИИ-сервисов и платформ, ориентированных на детей, а также способов их эффективной интеграции в обучение детей, что особенно очевидно в случае домашнего обучения детей с виртуальными репетиторами.

Заключение

1. Исследование показывает, что большинство родителей детей дошкольного возраста положительно относятся к использованию ИИ-технологий, видя в них потенциал для развития детей в целом и для обучения иноязычной (английской) речи в частности.

2. По всей видимости, многие родители дошкольников, будучи в основном молодыми людьми, принадлежащими к поколению, выросшему вместе с цифровыми технологиями, открыты к новым технологическим прорывам, сами их осваивают и готовы приобщать к ним своих детей. Вместе с тем данные опытно-экспериментального исследования свидетельствуют о наличии рисков, которые не только способны свести на нет значительный обучающий потенциал ИИ-технологий, но и могут нанести вред когнитивному, психоэмоциональному и физическому здоровью ребенка.

3. На сегодняшний момент можно говорить о значительных проблемах в знаниях родителей и педагогов дошкольных организаций в области эффективного и безопасного применения ИИ-технологий в обучении детей, о чем говорят и предыдущие исследования, и свидетельствуют результаты данного научного изыскания.

4. Очевидно, что для минимизации рисков, связанных с использованием ИИ в дошкольном образовании, необходима эффективная медиация процесса взаимодействия «ребенок-технология» взрослыми, то есть педагогом или родителем. Развитие ИИ-грамотности должно стать одной из первоочередных задач общества, которое заботится о подрастающем поколении и понимает степень проникновения технологий ИИ в образовательную и другие сферы деятельности человека, в том числе ребенка.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01129, <https://rscf.ru/project/24-28-01129/>.

Список литературы

1. Йигит, Э. (2024). Открывая новые горизонты: роль искусственного интеллекта в расширении возможностей детского образования и медиа. *Современное дошкольное образование*, 18(3), 73–80. <https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-3123-73-80>
2. Садыкова, Г. В., Каюмова, А. Р., & Халиуллина, Д. И. (2025). Использование сервисов генеративного искусственного интеллекта в языковых образовательных программах для детей дошкольного возраста. *Информатика и образование*, 40(1), 31–41. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2025-40-1-31-41>
3. Abel, C., & Magnusson, M. (2024). Playdates & Algorithms : Exploring parental awareness and mediation strategies in the age of generative artificial intelligence. *DIVA*. <http://hj.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:1869566>
4. Daher, R. (2025). Integrating AI literacy into teacher education: a critical perspective paper. *Discover Artificial Intelligence*, 5(1). <https://doi.org/10.1007/s44163-025-00475-7>
5. Druga, S., Christoph, F. L., & Ko, A. J. (2022). Family as a third space for AI literacies: How do children and parents learn about AI together? *Proc. 2022 CHI Conf. on Human Factors in Computing Systems*, 1–17. <https://doi.org/10.1145/3491102.3502031>
6. Gjellaj, M., Buza, K., Shatri, K., & Zabeli, N. (2020). Digital Technologies in Early Childhood: Attitudes and Practices of Parents and Teachers in Kosovo. *International Journal of Instruction*, 13(1), 165–184. <https://doi.org/10.29333/iji.2020.13111a>
7. Gordon, G., Spaulding, S., Westlund, J. K., Lee, J. J., Plummer, L., Martinez, M., Das, M., & Breazeal, C. (2016). Affective personalization of a social robot tutor for children’s second language skills. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 30(1). <https://doi.org/10.1609/aaai.v30i1.9914>

8. Holmes, W., & Porayska-Pomsta, K. (2022). *The ethics of artificial intelligence in education: Practices, challenges, and debates*. New York: Taylor & Francis. 312 p.
9. Joginder Singh, S., Mohd Azman, F. N. S., Sharma, S., & Razak, R. A. (2021). Malaysian parents' perception of how screen time affects their children's language. *Journal of Children and Media*, 15(4), 588–596. <https://doi.org/10.1080/17482798.2021.1938620>
10. Kasneci, E., Sessler, K., Küchemann, S., Bannert, M., Dementieva, D., Fischer, F., Gasser, U., Groh, G., Günemann, S., Hüllermeier, E., Kruusche, S., Kutyniok, G., Michaeli, T., Nerdel, C., Pfeffer, J., Poquet, O., Sailer, M., Schmidt, A., Seidel, T., . . . Kasneci, G. (2023). ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education. *Learning and Individual Differences*, 103, 102274. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2023.102274>
11. Kewalramani, S., Palaiologou, I., Dardanou, M., Allen, K.-A., & Phillipson, S. (2021). Using robotic toys in early childhood education to support children's social and emotional competencies. *Australasian Journal of Early Childhood*, 46(4), 355–369. <https://doi.org/10.1177/183693912111056668>
12. Kory-Westlund, J. M., & Breazeal, C. (2019). Exploring the effects of a social robot's speech entrainment and backstory on young children's emotion, rapport, relationship, and learning. *Frontiers in Robotics and AI*, 6, 54. <https://doi.org/10.3389/frobt.2019.00054>
13. Ng, D. T. K., Leung, J. K. L., Su, M. J., Yim, I. H. Y., Qiao, M. S., & Chu, S. K. W. (2022). AI Literacy Education in early childhood education. In *Springer eBooks* (pp. 63–74). https://doi.org/10.1007/978-3-031-18880-0_5
14. Papadakis, S., Zaranis, N., & Kalogiannakis, M. (2019). Parental involvement and attitudes towards young Greek children's mobile usage. *International Journal of Child-Computer Interaction*, 22, 100144. <https://doi.org/10.1016/j.ijcci.2019.100144>
15. Sadykova, G. V., & Kayumova, A. R. (2025). AI-powered Image and Audio Generators for Very Young EFL Learners. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 13(2), 1–24 <https://doi.org/10.30466/ijl-tr.2025.55564.2821>

16. Sperling, K., Stenberg, C. J., McGrath, C., Åkerfeldt, A., Heintz, F., & Stenliden, L. (2024). In search of artificial intelligence (AI) literacy in teacher education: A scoping review. *Computers and Education Open*, 6, 100169. <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2024.100169>
17. Su, J. (2025). Kindergarten parents' perceptions of the use of AI technologies and AI literacy education: Positive views but practical concerns. *Education and Information Technologies*, 30, 279–295. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12673-4>
18. Su, J., & Yang, W. (2022). Artificial intelligence in early childhood education: A scoping review. *Computers and Education Artificial Intelligence*, 3, 100049. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100049>
19. Wang, Y., Derakhshan, A., & Ghiasvand, F. (2025). EFL teachers' generative artificial intelligence (GenAI) literacy: A scale development and validation study. *System*, 103791. <https://doi.org/10.1016/j.system.2025.103791>
20. Yu, J., DeVore, A., & Roque, R. (2021). Parental mediation for young children's use of educational media: A case study with computational toys and kits. *Proceedings of the 2021 CHI conference on human factors in computing systems*. 1–12. <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/3411764.3445427>

References

1. Yiğit, E. (2024). Opening new horizons: AI's role in expanding opportunities for childhood education and media. *Preschool Education Today*, 18(3), 73–80. <https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-3123-73-80>
2. Sadykova, G.V., Kayumova, A.R., & Khaliullina D.I. Using generative artificial intelligence services in language learning programs for pre-school children. *Informatics and education*, 40(1), 31–41. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2025-40-1-31-41>
3. Abel, C., & Magnusson, M. (2024). Playdates & Algorithms : Exploring parental awareness and mediation strategies in the age of generative artificial intelligence. *DIVA*. <http://hj.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:1869566>
4. Daher, R. (2025). Integrating AI literacy into teacher education: a critical perspective paper. *Discover Artificial Intelligence*, 5(1). <https://doi.org/10.1007/s44163-025-00475-7>

5. Druga, S., Christoph, F. L., & Ko, A. J. (2022). Family as a third space for AI literacies: How do children and parents learn about AI together? *Proc. 2022 CHI Conf. on Human Factors in Computing Systems*, 1–17. <https://doi.org/10.1145/3491102.3502031>
6. Gjelij, M., Buza, K., Shatri, K., & Zabeli, N. (2020). Digital Technologies in Early Childhood: Attitudes and Practices of Parents and Teachers in Kosovo. *International Journal of Instruction*, 13(1), 165–184. <https://doi.org/10.29333/iji.2020.13111a>
7. Gordon, G., Spaulding, S., Westlund, J. K., Lee, J. J., Plummer, L., Martinez, M., Das, M., & Breazeal, C. (2016). Affective personalization of a social robot tutor for children’s second language skills. *Proceedings of the AAI Conference on Artificial Intelligence*, 30(1). <https://doi.org/10.1609/aaai.v30i1.9914>
8. Holmes, W., & Porayska-Pomsta, K. (2022). *The ethics of artificial intelligence in education: Practices, challenges, and debates*. New York: Taylor & Francis. 312 p.
9. Joginder Singh, S., Mohd Azman, F. N. S., Sharma, S., & Razak, R. A. (2021). Malaysian parents’ perception of how screen time affects their children’s language. *Journal of Children and Media*, 15(4), 588–596. <https://doi.org/10.1080/17482798.2021.1938620>
10. Kasneci, E., Sessler, K., Küchemann, S., Bannert, M., Dementieva, D., Fischer, F., Gasser, U., Groh, G., Günemann, S., Hüllermeier, E., Krusche, S., Kutyniok, G., Michaeli, T., Nerdel, C., Pfeffer, J., Poquet, O., Sailer, M., Schmidt, A., Seidel, T., . . . Kasneci, G. (2023). ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education. *Learning and Individual Differences*, 103, 102274. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2023.102274>
11. Kewalramani, S., Palaiologou, I., Dardanou, M., Allen, K.-A., & Phillipson, S. (2021). Using robotic toys in early childhood education to support children’s social and emotional competencies. *Australasian Journal of Early Childhood*, 46(4), 355–369. <https://doi.org/10.1177/183693912111056668>
12. Kory-Westlund, J. M., & Breazeal, C. (2019). Exploring the effects of a social robot’s speech entrainment and backstory on young children’s

- emotion, rapport, relationship, and learning. *Frontiers in Robotics and AI*, 6, 54. <https://doi.org/10.3389/frobt.2019.00054>
13. Ng, D. T. K., Leung, J. K. L., Su, M. J., Yim, I. H. Y., Qiao, M. S., & Chu, S. K. W. (2022). AI Literacy Education in early childhood education. In *Springer eBooks* (pp. 63–74). https://doi.org/10.1007/978-3-031-18880-0_5
 14. Papadakis, S., Zaranis, N., & Kalogiannakis, M. (2019). Parental involvement and attitudes towards young Greek children’s mobile usage. *International Journal of Child-Computer Interaction*, 22, 100144. <https://doi.org/10.1016/j.ijcci.2019.100144>
 15. Sadykova, G. V., & Kayumova, A. R. (2025). AI-powered Image and Audio Generators for Very Young EFL Learners. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 13(2), 1–24. <https://doi.org/10.30466/ijltr.2025.55564.2821>
 16. Sperling, K., Stenberg, C. J., McGrath, C., Åkerfeldt, A., Heintz, F., & Stenliden, L. (2024). In search of artificial intelligence (AI) literacy in teacher education: A scoping review. *Computers and Education Open*, 6, 100169. <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2024.100169>
 17. Su, J. (2025). Kindergarten parents’ perceptions of the use of AI technologies and AI literacy education: Positive views but practical concerns. *Education and Information Technologies*, 30, 279–295. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12673-4>
 18. Su, J., & Yang, W. (2022). Artificial intelligence in early childhood education: A scoping review. *Computers and Education Artificial Intelligence*, 3, 100049. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100049>
 19. Wang, Y., Derakhshan, A., & Ghiasvand, F. (2025). EFL teachers’ generative artificial intelligence (GenAI) literacy: A scale development and validation study. *System*, 103791. <https://doi.org/10.1016/j.system.2025.103791>
 20. Yu, J., DeVore, A., & Roque, R. (2021). Parental mediation for young children’s use of educational media: A case study with computational toys and kits. *Proceedings of the 2021 CHI conference on human factors in computing systems*. 1–12. <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/3411764.3445427>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Каюмова Альбина Рамилевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры романо-германской филологии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420111, Российская Федерация
alb1980@yandex.ru

Садыкова Гульнара Василевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры романо-германской филологии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420111, Российская Федерация
gsadykov@kpfu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Albina R. Kayumova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate
Professor of Romance and Germanic Department
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420111, Russian Federation
alb1980@yandex.ru
SPIN-code: 5265-5066
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6231-3983>
ResearcherID: O-1884-2016
Scopus Author ID: 56176773300
Academia.edu: <https://kpfu.academia.edu/AlbinaKayumova>
*ResearchGate: [https://www.researchgate.net/profile/Albina_](https://www.researchgate.net/profile/Albina_Kayumova)
[Kayumova](https://www.researchgate.net/profile/Albina_Kayumova)*

Gulnara V. Sadykova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate
Professor of Romance and Germanic Department
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420111, Russian Federation
gsadykov@kpfu.ru
SPIN-code: 3919-9556
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1868-8336>

ResearcherID: D-6830-2015

Scopus Author ID: 54889952600

ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Gulnara_Sadykova

Поступила 28.09.2025

После рецензирования 02.10.2025

Принята 21.10.2025

Received 28.09.2025

Revised 02.10.2025

Accepted 21.10.2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<https://soc-journal.ru/>)

Научный журнал представляет собой междисциплинарную платформу для публикации результатов исследований в области социально-гуманитарного знания. Издание фокусируется на интеграции историко-культурных, философских и лингвистических исследований, способствуя формированию целостного представления о развитии человеческого общества.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по формату APA

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<https://soc-journal.ru>)

The scientific journal is an interdisciplinary platform for publishing research results in the field of social and humanitarian knowledge. The publication focuses on the integration of historical, cultural, philosophical, and linguistic research, contributing to the formation of a holistic view of the development of human society.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES

AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ДОМАШНИЕ ПИТОМЦЫ
КАК ИСТОЧНИК ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
ПОДДЕРЖКИ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ЖИВОГО ПРИСУТСТВИЯ
Д.А. Строганов, К.И. Валяева 10

КАТЕГОРИЯ ПРЕКРАСНОГО В ЭСТЕТИКЕ
ФИЛОСОФОВ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ
Т.Г. Йованович 22

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НАРОДОВ РОССИИ

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛЕКСИКА
В «ЭВЕНСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» В.А. РОББЕКА,
М.Е. РОББЕК
Е.В. Нестерова 38

АНАЛИЗ ТОПОНИМИИ
МОРДОВСКОГО СЕЛА ТЕШНЯРЬ ПЕНЗЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ТЕШНЯРЬСКОГО ГОВОРА
Н.В. Беленов 52

НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
В МЕДИЦИНСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.
Н.А. Буданова, М.И. Волович 72

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А.Ю. Команова, Я. Винья-Тальянти, Е.Н. Ширлина	93
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА БИЛИНГВАМ: СПЕЦИФИКА РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ИЗ АЗИАТСКИХ СТРАН Е.Ю. Ладонина, Н.А. Сытина	107
ЭПИТЕТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ А.А. Билялова, Е.В. Дорофеева, М.В. Камашева	124
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ АВИАСПЕЦИАЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) А.Г. Фомин, А.В. Андряшина	143
ИНТЕГРАТИВНЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕЧЕВОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ А.Р. Каюмова, Г.В. Садыкова	170
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	192

CONTENTS

INDIVIDUAL, SOCIETY, AND STATE IN PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

PETS AS A SOURCE OF EMOTIONAL SUPPORT:
PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE LIVING PRESENCE
D.A. Stroganov, K.I. Valyaeva 10

CATEGORY OF BEAUTY IN ENLIGHTENMENT
PHILOSOPHERS' AESTHETICS
T.G. Yovanovich 22

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC DIVERSITY OF PEOPLES OF RUSSIA

FOLKLORE LEXICON IN V.A. ROBBEK'S
AND M.E. ROBBEK'S "EVEN-RUSSIAN DICTIONARY"
E.V. Nesterova 38

ANALYSIS OF THE TOPONYMY OF THE MORDOVIAN
VILLAGE OF TESHNYAR, PENZA REGION, IN THE CONTEXT
OF THE LINGUISTIC AFFILIATION OF THE TESHNYAR DIALECT
N.V. Belenov 52

NON-TERMINOLOGICAL LEXIS IN MEDICAL SCIENTIFIC
TEXTS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY
N.A. Budanova, M.I. Volovich 72

APPLIED ASPECTS OF LINGUISTICS

POLITICAL CORRECTNESS IN THE MIRROR OF TRANSLATION
DECISIONS IN ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE
A.Yu. Komanova, Ja. Vigna-Taglianti, E.N. Shirlina 93

OPTIMISATION OF THE ENGLISH TEACHING PROCESS
TO BILINGUALS: SPECIFICS OF WORKING WITH STUDENTS
FROM ASIAN COUNTRIES

E.Yu. Ladonina, N.A. Sytina 107

THE EPITHET IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE:
FUNCTIONAL, SEMANTIC, AND TRANSLATION ASPECTS

A.A. Bilyalova, E.W. Dorofeeva, M.V. Kamasheva 124

FEATURES OF THE SUBSTANDARD VOCABULARY
IN THE PROFESSIONAL COMMUNICATION OF AVIATION
SPECIALISTS (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

A.G. Fomin, A.V. Andreyashina 143

INTEGRATIVE HUMANITIES RESEARCH

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CHILDREN'S SPEECH
DEVELOPMENT

A.R. Kayumova, G.V. Sadykova 170

RULES FOR AUTHORS 192